

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ СОНЯ
И МЕСТЬ
ВОЛЧИЦЫ

САГА О РЫЖЕИ СОИЕ

РЫЖАЯ СОИЯ И ВЕТЕР БЕЗДНЫ 1	РЫЖАЯ СОИЯ И ВЛАДЫКА ПАДШИХ 2	РЫЖАЯ СОИЯ И ЦИТАДЕЛЬ ПЕСКОВ 3	РЫЖАЯ СОИЯ И ДЕМОН СНОВ 4	РЫЖАЯ СОИЯ И КОЛЬЦО СУДЬБЫ 5
РЫЖАЯ СОИЯ И СЛЕПОЙ БОГ 6	РЫЖАЯ СОИЯ И УЩЕЛЬЕ СМЕРТИ 7	РЫЖАЯ СОИЯ И КРОВЬ ВЕДЬМЫ 8	РЫЖАЯ СОИЯ И ЛОВЦЫ ДУШ 9	РЫЖАЯ СОИЯ И УЗНИКИ КАМНЯ 10
РЫЖАЯ СОИЯ И МЕЧ СЕВЕРА 11	РЫЖАЯ СОИЯ И ЗОВ АРЕНЬ 12	РЫЖАЯ СОИЯ И ПОДЗЕМЕЛЬЕ ПИФОНА 13	РЫЖАЯ СОИЯ И КЛАДОВЫЕ ТЬМЫ 14	РЫЖАЯ СОИЯ И ВРАТА НЕМЕДИИ 15
РЫЖАЯ СОИЯ И ТЕНЬ ЕДИНОРОГА 16	РЫЖАЯ СОИЯ И МЕСТЬ ВОЛЧИЦЫ 17			

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕСТЬ
ВОЛЧИЦЫ

аст

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2002

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
Р93

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Иллюстрации Алексея Федоренко

В оформлении обложки использована работа Петра Кудряшова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 01.04.2002.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5100 экз. Заказ 1000.

Рыжая Соня и месть Волчицы: Сб. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2002. — 381, [3] с. — (Рыжая Соня).

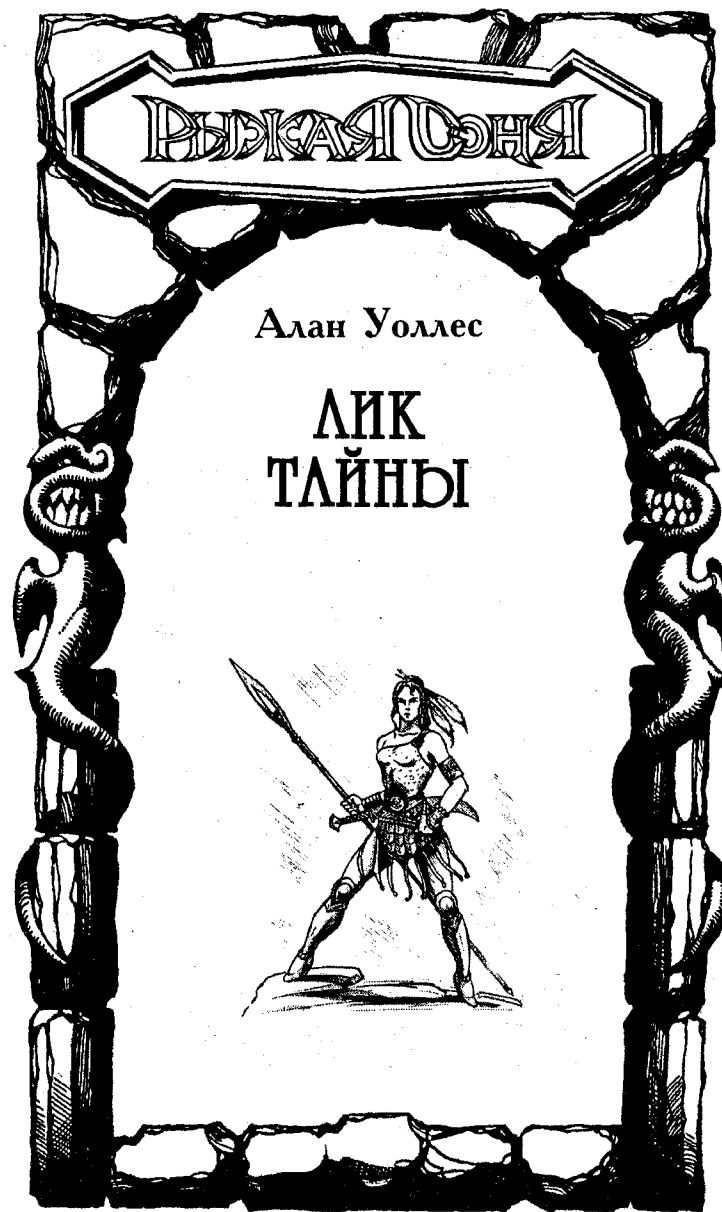
Содерж.: Лик тайны / А. Уоллес. Месье Волчицы / Н. Хьюз.

ISBN 5-17-014672-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-018-2 («Северо-Запад Пресс»)

Бесстрашная воительница Рыжая Соня продолжает странствовать по землям Хайбории. Воровка и наемница, пылкая и независимая, она повсюду устанавливает свои законы, нарушает правила, установленные богами и людьми, — и сама вершит правосудие. Однако таинственный Шакал может оказаться противником, совладать с которым даже ей будет нелегко.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Часть первая

Воровка

Соня проснулась в отвратительном настроении. Заняться было нечем, а проводить время в праздном бездействии она не умела. Бурная натура девушки кипела, загнанные внутрь молодые силы требовали выхода. Да и деньги заканчивались. Неужели опять придется ходить по рынку и вытаскивать кошельки у зазевавшихся прохожих? Это занятие Соня считала ниже своего достоинства, и при мысли, что она, наравне с босоногими шадизарскими мальчишками, примется шарить по карманам, настроение совсем испортилось. Соня тряхнула рыжей гривой волос и вышла из дома.

Вообще-то, своего дома у Сони не было. Она снимала комнату с отдельным входом в доме у старой рыночной торговки по имени Сорха.

Старая Сорха не задавала лишних вопросов, не интересовалась, откуда вдруг у постоялицы

появляются золотые монеты, и что за странные люди заходят к ней в дом. Старуха делала вид, что ничего не видит и не слышит, и Соню это вполне устраивало.

Иногда в руки к рыжеволосой девушке попадали большие деньги, и она могла бы купить себе отдельный дом, дорогие платья и украшения, но Соне это было не нужно. Она не хотела привязывать себя к какому-то определенному месту, обзаводиться хозяйством, и, как говорится, пускать корни. Соня вовсе не собиралась быть воровкой всю жизнь, девушка чувствовала в себе какое-то высшее предназначение. Но какое? Пока это знание было для нее закрыто. Иногда во сне ей казалось, что она все поняла, что она слышала голос, который позвал за собой. Она просыпалась с мокрой от пота спиной и часто бьющимся сердцем, но никак не могла вспомнить свой сон.

Она терла виски, била себя по щекам, но то, что казалось во сне таким ясным и близким, рассыпалось и бесследно исчезало, стоило ей открыть глаза. Соня знала, что рано или поздно разгадает эту тайну, а пока ей просто надо выжить. И ради этого она будет воровать, и даже убивать, если придется. Ну, а пока девушка была готова, по первому знаку своего загадочного покровителя, тут же собраться в дорогу и отправиться в путь, ведь все ее вещи запросто могли поместиться в один мешок.

Сейчас Соне хотелось на ком-нибудь сорвать свое плохое настроение, хотя бы просто подраť-

ся, но шадизарцы, зная крутой нрав девушки, были с ней предельно вежливы.

Не придумав ничего лучше, Соня вернулась в дом и взяла метательные ножи. Надо сказать, что хорошее оружие было, пожалуй, единственной слабостью девушки. И в небогато обставленной комнате самыми дорогими и красивыми вещами были мечи, висевшие над кроватью, легкий, узкий клинок, с которым Соня никогда не расставалась, и острые метательные ножи. Соню притягивало красивое удобное оружие, как обычно девчонок ее возраста притягивает к себе блеск бриллиантов или сияние изумрудов.

Соня обогнула дом и направилась к толстому раскидистому платану. На темной коре отчетливо виднелась мишень, нарисованная белой краской. Обычно метание ножей успокаивало нервы... Соня уже занесла руку и прицелилась, но в этот момент за ее спиной раздался голос.

— Детка, ножи — это игрушки не для женщин. Не надо гневить судьбу. Мимо могут проходить люди, и ты случайно кого-нибудь поранишь. Каждый должен заниматься своим делом... Опустить кинжал.

Соня развернулась, и ни слова не говоря, метнула нож. Он сбил с головы незнакомца островерхую шапочку-фессию с пером и пригвоздил ее к дереву, росшему, как раз за его спиной.

Надо отдать должное незнакомцу, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Неплохой бросок, — прокомментировал он, с трудом вытаскивая нож, из ствола. — Ладно,

беру свои слова обратно. Вижу, что ты так же легко управляешься с ножом, как швея с иглой. Фессию вот только жалко, совсем новая, вчера купил на вашем базаре, — он просунул палец, в образовавшуюся дырку. — Ну, да ладно! — Мужчина довольно ловко метнул свой головной убор, и шапочка повисла на ветке магнолии.

Он протянул девушке нож, и она, почти не целясь, отправила его прямо центр нарисованной мишени. Незнакомец присвистнул.

— Значит, ты и есть Соня?..

— По-моему, мы не знакомились, — отрезала девушка.

— Я догадался, ты — Соня.

— У меня что, написано мое имя на лбу?

— Нет, просто я не знаю больше женщин, которые так ловко умеют обращаться с оружием, да и мужчин таких не так уж много.

— Вот что, парень, ты шел куда-то, ну и иди своей дорогой! Если меня вывести из себя, я ведь и промахнуться могу. Например, вместо шапки, в голову попасть... Это будет просто несчастный случай. Все в Шадизаре знают, что когда Соня тренируется, к ней лучше близко не подходить.

— А ты дерзкая девчонка! Но это мне даже нравится. И все-таки, красавица, тебе придется меня выслушать. Тем более, я полагаю, беседа будет интересной и для тебя тоже. — С этими словами мужчина достал из-за пояса мешочек и сбросил его на руку.

В серых глазах девушки вспыхнули зеленые

искорки. Она не видела, что находится в мешке, но по звуку безошибочно определила — так звенеть могут только золотые монеты.

— Чего ты хочешь?

— Холодной воды. Я приехал издалека и изрядно устал. Твой долг хозяйки угостить гостя.

— Ты платишь за воду?

— Если договоримся, то и за воду тоже.

— Хорошо, проходи. — Поняв, что незнакомец не удастся ни выгнать, ни вывести из себя, Соня проводила нежданного гостя в дом. — У меня есть кое-что получше, чем вода. — Девушка достала кувшин с красным вином и разлила его в серебряные кубки. — Обедом, правда, накормить не могу. У нас готовит хозяйка, но она еще не пришла с рынка.

— Спасибо, я не голоден.

— Присаживайся.

Гость сел на единственный стул, который под его тяжестью испустил скрипучий стон. Соня опустилась на кровать.

— Я тебя слушаю.

Гость оглядел помещение.

— Небогато у тебя. Ты живешь одна?

— Это имеет значение?

— Нет. Просто твоя комната непохожа на жилище одинокой девушки. — Гость подошел к стене и снял меч. — Красивая вещь! Я бы мог заплатить за нее хорошие деньги.

— Я сама заплатила за нее хорошие деньги! Повесь его обратно, я не люблю, когда без спро-

су трогают мои вещи! Давай ближе к делу. Говори, зачем пришел, или проваливай!

Соня видела, что гость принадлежит к знатному роду. На нем была дорогая одежда. Красные шелковые шаровары, расшитая золотом рубаха и сапоги из мягкой, хорошо выделанной кожи. Но для нее это не имело никакого значения.

Гость на мгновение вспыхнул, не ожидая такой наглости от рыжей девчонки, но тут же подавил в себе гнев. И красные пятна, которые проступили на его холеном лице, почти сразу же исчезли.

«Значит, я ему действительно очень нужна», — отметила про себя Соня.

Гость водрузил меч обратно и вернулся к столу.

— Хорошее вино, — прокомментировал он, вдохнув терпкий аромат.

— Другого не держу. Давай о деле, приятель!

— Честно говоря, я не знаю с чего начать. — Гость потерял бородку.

— Тогда... — Соня резко встала и распахнула дверь. — Ты пока погуляй, подумай, а надумаешь — приходи.

— Перестань дерзить, девчонка, закрой дверь и сядь! — вдруг властно сказал незнакомец. — Нас могут подслушать?

— Если ты не привел за собой соглядатаев, то вряд ли. Хозяйка на рынке, да и вообще, она женщина не любопытная.

— В общем, так. Мне нужна одна вещь.

— Ну, это твои проблемы...

— Пока мои, но могут стать и твоими. — С этими словами, незнакомец отстегнул мешочек с золотыми монетами от пояса и бросил его на стол. — Если ты сможешь достать нужную мне вещь, все это будет принадлежать тебе.

— Почему ты пришел именно ко мне?

— Я искал подходящего человека в Арэнджуне, но, увы, не нашел. Мне сказали, что ты самая ловкая и удачливая воровка во всей Заморе.

— Неужели слава обо мне шагнула столь далеко?

— Выходит, что так.

— Хорошо, и что же нужно украсть?

— Мне не нравится слово «украсть». Эта вещь должна была принадлежать мне и совершенно случайно попала к Ксерсосу.

— Кто такой Ксерсос? Где-то я слышала это имя.

— Ксерсос — один из самых богатых людей в Арэнджуне. Он близкий друг короля и состоял на службе у его величества.

— А ты сам кто такой? — неожиданно спросила Соня.

— Тебе это знать не обязательно. Я тот, кто платит деньги. И запомни, что бы ни случилось, мы с тобой не знакомы.

— Но я же должна как-то к тебе обращаться...

— Хорошо, зови меня... — на мгновение гость задумался, — ...Лурас.

— Лурас, так Лурас, — согласилась Соня. — И что же нужно украсть?

— Ты должна принести мне одну небольшую картину.

— Картину? — Соня брезгливо поморщилась. — Рисковать из-за какой-то картины? Зачем тебе она? В Шадизаре полно художников, которые сидят без заказов. За один золотой они завалят тебя картинами с ног до головы!

— Ты не понимаешь, детка. Картина картине рознь! Мне нужна именно эта. Мне необходимо ее иметь, поняла! Я хорошо заплачу...

— Ладно, не кипятись. Рассказывай.

— Дом Ксерсоса ты найдешь без труда. Он самый большой и красивый в городе. Любой аренджунец покажет тебе, где живет полководец Ксерсос. Картина висит на втором этаже, в сокровищнице дворца. Ксерсос собирает красивые и ценные вещи по всей Хайбории. У него полно статуэток из кхитайского фарфора, вендийских украшений с бирюзой и золотых фигурок. Ты можешь взять себе все, что захочешь. Любая из этих вещей стоит огромных денег.

— И что, ты не смог найти желающих разбогатеть?

— Не так все просто. Дом охраняется. Пока еще ни одному вору не удавалось незамеченным проникнуть внутрь. Но я слышал, что тебе сопутствует удача. А ради таких денег... — Лурас кивнул головой на мешочек, — стоит рискнуть. Честно говоря, мне не хотелось иметь дело с женщиной, но сейчас я начал думать, что ты именно тот человек, который нужен. — Ну, что молчишь? Ты согласна?

— Я не могу дать согласие прямо сейчас. Я должна увидеть все своими глазами.

— Я и не ожидал другого ответа.

— И еще — мне понадобится задаток.

— Ты его получишь.

Соня немного подумала. Пока все складывалось неплохо... Оставалось еще лишь пара вопросов.

— Что изображено на картине?

— Голова ребенка.

— Отрезанная?

— Нет, почему... Обычный портрет. Картина маленькая, всего каких-то пятнадцать на двадцать сенмов.

— А в раме нет самоцветов?

— Раму можешь оставить себе.

— Что ж, у богатых свои причуды. Ладно, я постараюсь тебе помочь. Завтра я выезжаю в Аренджун. Сниму комнату где-нибудь на окраине. Если я правильно понимаю, нас не должнышний раз видеть вместе. Вот что... у тебя есть в том городе люди, которым ты доверяешь?

— Да. Владелец таверны «У платана» папаша Шеар — мой человек.

— Хорошо, тогда у него и узнаешь, где я остановилась. Ну что ж, давай за успех нашего дела!.. — Соня подняла стакан.

Мужчина тоже опрокинул в себя пурпурную жидкость, удовлетворенно крикнул, приложил к влажным губам белоснежный, отделанный тончайшими кружевами платок, и на его пальце сверкнуло кольцо с большим изумрудом. Соне

показалось занятым, что этот богатый, влиятельный человек теперь зависит от нее, он сам пришел к ней и просит о помощи, а она может ставить свои условия и набивать цену, — и девушка сразу забыла о своем дурном настроении.

— Хорошее у тебя вино, красавица, — произнес гость, поднимаясь из-за стола. Он потянулся забрать мешочек с деньками.

— Стой, а задаток? — воскликнула девушка.

— Об этом я помню... — Лурас запустил руку в мешок и высыпал на стол горсть золотых монет.

— Но это слишком много, — удивилась Соня. — Я ведь еще не дала согласия. А вдруг я возьму деньги и не поеду ни в какой Арэнджун.

Гость неожиданно ухмыльнулся и оперся руками на стол. Он пристально посмотрел девушке в глаза.

— Поедешь, — убежденно сказал он. — И ты это сделаешь даже не ради денег. Я знаю таких людей, как ты. Их не очень много, и все-таки они есть. Ведь ты уже включилась в игру, и тебе самой ужасно хочется посмотреть на картину, за которую я готов заплатить целый мешок золотых монет. И тебе не терпится обмануть бдительную охрану, проникнуть незамеченной во дворец и вскрыть хитрые замки. Тебе хочется сделать то, что никому не удавалось сделать раньше. Поверь, это задача достойная тебя. Что, разве я не прав?

— Не прав, — сказала Соня, подумав, и доверительным жестом накрыла своей ладонью руку

гостя. — У меня на первом месте здравый смысл. И я вовсе не любопытна. А деньги можно заработать, и не рискуя. — Соня усмехнулась и села на кровать.

— Так значит, ты отказываешься?

— Нет, почему, я этого не говорила. Я буду завтра в Арэнджуне, как мы договорились, и дам окончательный ответ.

— Тогда до завтра, — гость направился к выходу.

— Стой! По-моему, ты кое-что позабыл...

Мужчина огляделся по сторонам и удивленно посмотрел на Соню.

— Подсказываю. Зеленое такое, блестящее, его еще на пальце носят...

Только сейчас Лурас заметил, что его перстень пропал. Он переводил ничего не понимающий взгляд то на свою ухоженную руку, то на рыжеволосую девчонку, и не мог вымолвить ни слова.

— Может быть, по дороге потерял? — лицо Сони выражало сочувствие и участие.

Ей было забавно наблюдать, как этот сдержанный красивый мужчина вдруг побледнел, и у него задрожали губы.

— Ладно уж! — Соня залилась звонким смехом. — Я хоть и воровка, но у меня есть свои понятия о чести. Лови!.. — И зеленый камень, непонятно откуда появившийся в руках девушки, полетел через стол.

Лурас так и не пришел в себя. Промямлив что-то неразборчивое, он скрылся за дверью.

* * *

Лурас долго прожил в Аренджуне, но никогда не попадал в такие трущобы. Пахло нечистотами, а по дороге бегали маленькие грязные дети. Они были совершенно голые, только на шейках болтались длинные ожерелья из плодов инжира; по подбородкам текла липкая слюна, а над их головами жужжали крупные зеленые мухи. Детишки, видимо, никогда не видели столь богато одетого человека, поэтому окружили его и уставились своими черными, как перезревшая вишня, глазами.

— Эй, ребятишки! — попробовал обратиться к ним Лурас, но они вдруг затараторили на каком-то непонятном языке, при этом не забывая отрывать от ожерелий и отправлять в рот медовые плоды. Лурас понял, что это дети беженцев с востока. Гирканцы продолжали свой захватнический поход, и многим людям приходилось срываться с насиженных мест. Богатые могли купить жилье и начать новую жизнь, бедные же создавали свои поселения на окраине городов. Лурас брезгливо поморщился и поднес к носу надушенный платок. Неужели девчонка опять над ним подшутила, просто решила поиздеваться?!

На улице появился бедно одетый молодой человек, и Лурас, отчаявшись найти нужный дом самостоятельно, обратился к нему:

— Эй, парень, ты не знаешь где здесь дом вдовы Румы?

«Парень» стянул шляпу, и на его плечи хлынул поток рыжих волос.

— Соня?! К чему этот маскарад? По-моему, я дал тебе достаточно денег, чтобы ты могла снять приличную комнату?!

— Меня не должны видеть в городе раньше времени.

— Ну, что ты решила? Ты берешься за мое дело?

— Пойдем в дом, надо поговорить.

Лурас посмотрел на свои заляпанные грязью сапоги, тяжело вздохнул и отправился за девушкой.

* * *

Как ни странно, в комнате у Сони было уютно. Нищета и грязь остались за порогом. Пахло яблоками. А на столе тут же появилось вино, холодное мясо и тарелочка с инжиром.

— Что тебе удалось узнать? — спросил Лурас.

— Дело оказалось сложнее, чем я думала. Твой Ксерсос живет даже не просто во дворце, а в укрепленном замке. Особняк окружен решеткой. В саду днем бегают собаки, готовые разорвать любого незнакомца, а на ночь выпускаются хищные звери. У входа во дворец дежурит охрана. Охранники стоят и на специальных вышках, с которых прекрасно просматривается вся территория. Но если бы мне даже удалось проникнуть в сад, я бы все равно не смогла попасть во дворец — в окна вделаны массивные решетки.

ки. Ты ведь об этом знал! Почему же не сказал мне сразу?!

— Значит, ты тоже отказываешься! — Лурас сжал кулаки, так что костяшки пальцев побелели.

— Я этого не говорила.

— ???

— Просто я полагаю, раз невозможно проникнуть в дом без ведома хозяев, значит нужно, чтобы они тебя пригласили.

— Боюсь, что это невозможно. Ксерсос очень осторожный человек. Он практически не заводит новых знакомств.

— Посмотрим. В общем, мне нужно знать о Ксерсосе все, абсолютно все... может быть, даже больше, чем он сам знает о себе.

* * *

Вскоре Соня уже знала, что в прошлом Ксерсос был неплохим полководцем, за военные подвиги король и подарил ему этот дворец в Аренджуне. Сейчас Ксерсос отошел от дел и все свободное время посвящает своему увлечению — собирает шедевры искусства со всей Хайбории. Его коллекция бесценна, и, естественно, не один уже раз Ксерсосу пытались ограбить, но он принял все меры предосторожности. Дворец тщательно охраняется, и у входа в сокровищницу круглосуточно дежурит охранник.

У Ксерсосу есть родной брат Аржун, пьяница и бабник. «Что ж, возможно, это то, что нужно!

— подумала Соня. — Обычно на таких людей легко влиять, и ради минутного удовольствия они готовы на любую подлость. Хотя, с другой стороны, известно, что брат ему не доверяет, и Аржун живет во дворце на правах бедного родственника. — Соня задумалась и поняла, что все не хочет иметь дело с таким человеком. — Так, что еще мы имеем? Ксерсос женат, и обожает свою красавицу супругу. А еще у него есть дочь Марика шестнадцати лет...»

В Марике уже угадывалась будущая красавица. Густые, черные как смоль волосы, миндалевидные темные глаза, окаймленные пушистыми ресницами, тонкие, красиво очерченные брови, стройная фигура, — и все это обрамлено одеждой из лучшего шелка и украшениями из золота и драгоценных камней. Было немало желающих, сорвать этот очаровательный цветочек и присвоить себе. Причем среди претендентов были и безусые юнцы, и седые старцы. Кого-то больше прельщала красота девушки, а кого-то состояние ее отца. Но Ксерсос считал, что его дочь еще слишком юна, и Марике не разрешалось даже видаться с воздыхателями. Ксерсос и так воспитывал дочь в строгости, а последнее время еще больше усилил контроль. Он пригласил для дочери лучших педагогов, и теперь по четыре часа в день она занималась словесностью, вышивала или музицировала. На улице Марика могла появляться только в сопровождении своих воспитательниц, которые не спускали с девушки глаз, и, пожалуй, единственным для нее развлечением

были конные прогулки, — правда, в сопровождении все тех же строгих наставниц.

* * *

— И не думай, — сказал Лурас, — к Марике не может подойти посторонний человек. Даже подруг для своей дочери Ксерсос выбирает с огромной тщательностью.

— И что? Она терпит такую жизнь?! — удивилась Соня.

— А что ей остается делать?

— Ну, я бы взбунтовалась. Сбежала бы, наконец.

— Ну, это ты, а Марика совсем другая. Она нежная, романтическая девушка. К примеру, она без ума от «Дороги среди звезд».

— От чего она без ума? — удивилась Соня.

— Вот видишь, ты даже не слышала об этом. «Дорога среди звезд» — последняя баллада Мариция. Кстати, очень модная вещь. Отец это увлечение тоже не одобряет, но здесь он бессилён.

— Значит так, мне нужны все произведения этого Мавриция.

— Мариция, Соня. Ма-ри-ция. Но тебе, детка, это не поможет. Тебе никогда не стать нежной и романтической.

* * *

«Дорога среди звезд». Соня погладила рукой матовый кожаный переплет. За эту книгу при-

шлось выложить кучу денег. Хотя какая разница, платит-то все равно Лурас. Соня стряхнула крошки со стола и водрузила туда свое приобретение. Девушка расстегнула золоченные замочки и раскрыла книгу.

«Интересно, чем же увлекается эта птичка из золотой клетки», — подумала Соня и погрузилась в чтение. Но уже после второй страницы девушку стала мучить зевота. «О, боги, какая чужь! Ну и кретин же этот Мариций! Неужели такое может кому-то нравиться?! Какая все-таки дурочка эта Марика!». Соня еле удержалась, чтобы ни бросить книгу в огонь. «Нет, — успокоила себя девушка, — чего же я злюсь?! Чем Марика окажется глупее, тем лучше для дела. А деньги просто так не платят, поэтому придется помучиться!». Соня схватила метательный нож, и запустила его прямо в стену. Из-за стены послышалось ворчание хозяйки. Соня усмехнулась и опять придвинула к себе книгу. Девушка попробовала читать вслух, чтобы звуком голоса прогнать сон, но это плохо помогало. Дремота как будто испарялась из прочитанных строчек и обволакивала девушку своим дурманом.

«Нет, так дело не пойдет!» Соня взяла несколько монет, вышла на улицу, и попросила мальчишек купить ей семян феола. Увидев монеты, ребята воодушевились и через мгновение исчезли из вида, поднимая босыми пятками шлейф пыли...

Семена феола — твердые и горькие на вкус, но если их жевать медленно, перетирая зубами в

вязкую, маслянистую кашицу, то они придают бодрость и отгоняют сон...

* * *

Лурас нервничал. Соня строго запретила ему появляться в квартале, где она снимала комнату, но время шло, а девчонка не объявлялась. «Все-таки не надо было связываться с женщиной... — в сердцах думал он. — Никогда не знаешь, что придет в голову этим бестиям!»

Лурас все-таки не выдержал и направился к Сониному дому. Дверь была не заперта. Мужчина дернул ручку на себя, и дверь со скрипом открылась. В комнате было тихо, и вначале Лурас решил, что в ней никого нет, но потом он заметил Соню.

Она спала, сидя за столом, уронив голову на раскрытую книгу. Волосы разметались по столу, и Лурас опять подумал, что девушка удивительно хороша собой.

«Вот бы плюнуть на все, и уехать с ней куда-нибудь на Вилайет!..» Но Лурас тут же отогнал от себя эту приятную мысль.

Картина!.. Она нужна ему, и он не имеет права думать ни о чем другом, пока картина не будет у него в руках.

— Соня. Эй, Соня, проснись! — Лурас потряс девушку за плечо.

Соня приоткрыла затуманенные от сна глаза, посмотрела на Лураса и неожиданно пробормотала:

— Твои очи, словно звезды, сияют в ночи, освещая дорогу к любящему сердцу...

— Совсем с ума сошла, — констатировал Лурас и принялся яростно трясти девушку. Соня, не открывая глаз, ударила непрошеного гостя кулаком в скулу. От неожиданности Лурас не удержался на ногах и отлетел к противоположной стене. Падая, он задел полку, и та, сорвавшись с привычного места, полетела Лурасу на голову. С полки стала падать, разбиваясь вдребезги, посуда, а за стеной опять послышалось ворчание хозяйки. От грохота Соня окончательно проснулась и невозмутимо посмотрела на гостя.

— Привет, — весело сказала она, — а я думала, что ты мне снишься.

— Хорошо бы это было во сне, — проворчал Лурас, потирая ушибленную голову.

— Извини, но ты сам виноват. Знай на будущее, что я не люблю, когда ко мне в дом входят без стука, а тем более неожиданно приближаются сзади. Так что ты еще легко отделался, а то запросто могла бы и убить... Знаешь, а я ее все-таки выучила!

— Что ты выучила?

— «Дорогу среди звезд». Можешь меня спросить с любого места.

— Помоги лучше встать!

— Ах, да. Извини. — Соня подошла к Лурасу и протянула ему руку. На мгновение Лураса охватило острое желание притянуть девушку к себе и зарыться лицом в ее густые рыжие волосы...

Но усилием воли он подавил этот порыв. Картина!.. Ему нужна картина. Все остальное не важно.

— Ну и погром ты у меня устроил! Хозяйка будет недовольна. Полка денег стоит, и посуда тоже... — заметила Соня, делая вид, что не замечает перемен в лице гостя.

— Я заплачу. Вот. Пяти золотых хватит?

— Восемь, — сказала девушка.

— Пусть восемь, хотя все барахло в этой комнате не стоит и полутора.

— Давай деньги, — Соня протянула руку ладошкой вверх, и Лурас отсчитал ей восемь монет. В этот момент он ее просто ненавидел.

— Ну что, почитать тебе стихи? Можешь раскрыть книгу наугад в любом месте.

— Когда ты успела ее выучить? Всю ночь что ли не спала? — И тут Лурас заметил на столе горку шелухи от семечек феола. — Неужели было так интересно?

— Ужасно интересно! Ничего не читала более умного и захватывающего! О, спасибо тебе, Лурас, что ты открыл для меня это божественное имя — Мариций. Как же я жила до сего момента, не зная его творений?! Да и не жила я, а просто существовала. Только теперь мне открылась истина...

— Ладно, уймись. Ты бы лучше о деле думала. Или хотя бы о деньгах, — Лурас дотронулся до мешочка с монетами, висящего у него на поясе.

— А я, по-твоему, о чем думаю? «Твои глаза

сияют мне в ночи...» Ты что, считаешь, я этот бред ради собственного удовольствия учу?!

— А для чего же еще?

— Знаешь, с виду ты не кажешься таким тупым... О чем я, по-твоему, буду говорить с дочкой Ксерсоса?

— Не знаю, кто из нас тупой, но к дочке Ксерсоса тебя и близко не подпустят! Можешь декламировать эти стихи с рыночной площади, может, кто и подаст пару медяков, по доброте душевной...

— Ты думаешь, мне не удастся поговорить с Марикой?

— Я в этом просто уверен.

— Ну, хорошо, спорим, что она сама пригласит меня в дом. На десять золотых спорим?

— Да хоть на двадцать! Тебя даже к дому близко не подпустят, а погонят прочь поганой метлой.

Соня сделала вид, что ничего не слышала.

— Да, кстати, Лурас, я хотела посоветоваться. Какие платья сейчас в моде? С широкой юбкой или с зауженной книзу?

«Никогда в жизни не буду иметь дело с женщинами!» — бормотал Лурас, покидая Сонин дом.

* * *

Соня из-за угла дома наблюдала за улицей. В новом платье она чувствовала себя неуютно, а новые узкие туфли нещадно жали. «Все будет

хорошо», — успокаивала себя девушка. Но сердце не слушалось, а стучало все чаще и громче, отдаваясь эхом в ушах, а ладони вспотели так, что Соне пришлось сильнее прижать к себе книгу, чтобы она не выскользнула из влажных рук. «Ну, вроде бы пора. Почему же они не едут?!» — нервничала девушка, и тут наконец услышала топот конских копыт.

Девушка напряглась. Поднимая пыль, из-за поворота показались богато одетые всадники. Одна из них была особенно молода и красива. Прохожие разбегались, освобождая кавалькаде дорогу, а дворовые собаки бежали за лошадьми, демонстрируя свое участие звонким лаем.

«Пора!» — скомандовала себе Соня.

* * *

Марике было скучно. Даже верховые прогулки в последнее время перестали ее радовать. С наставницами просто невозможно разговаривать. Они только и могут, что повторять слова отца. Называют великие стихи Мариция глупостью, а ее саму считают ребенком. Кто бы знал как ей одиноко!..

Вот если бы сейчас, здесь, на улице возник Мариций, протянул бы к ней руки, то она бросила бы все, пришпорила коня и умчалась бы с ним на край света...

Вдруг ее лошадь на что-то натолкнулась, и девушка услышала пронзительный крик.

«Задавили! Девушка под копытами! Насмерть!

Сделайте, что-нибудь!» — кричало сразу множество голосов.

Кто-то схватил лошадь Марики под уздцы. И только тогда Марика увидела на земле распростертое тело молодой девушки. «Неужели я задавила ее!» — ужасная мысль заледенила сердце. «Я убила ее! Неужели я убила ее?!» Марика спрыгнула с лошади и на подгибающихся ногах подошла к телу.

Девушка лежала ничком, и из-за пышных рыжих волос было невозможно разглядеть лицо. Появились стражники и стали разгонять любопытных.

— Переверните ее, — попросила Марика, — и позовите лекаря!

— Лекаря сюда! — эхом понеслось по толпе.

Девушку перевернули на спину и подложили ей под голову чей-то плащ. «Какая красивая», — воскликнули сразу несколько голосов.

— Идем скорее, тебе не надо на это смотреть! — Одна из воспитательниц попыталась увести Марику подальше от места происшествия, но дочка Ксерсуса вырвалась и наклонилась над лежащей на земле девушкой.

— Только не умирай, не умирай, пожалуйста! Извини, я не хотела. Я не понимаю, как это получилось! Ну, очнись, пожалуйста, очнись! — бормотала она. — Люди, сделайте же что-нибудь! Помогите ей! Ты ведь не умрешь?! — Марика схватила незнакомку за руку.

Рыжеволосая девушка медленно открыла глаза...

— Книга... Где моя книга? — еле слышно прошептали ее губы.

— Она очнулась! Она жива! Слава Богам! — Марика воздела руки к небу. — Как ты? Что у тебя болит?

— Книга! Где моя книга? У меня была книга... — девушка больше ни о чем не могла думать.

— Да расступитесь же вы! — крикнула Марика. — Бедняжка, наверно, когда падала, обронила книгу. Надо ее найти!

«Книгу, ищите книгу!» — пронеслось по толпе. Вскоре книгу подобрали и передали Марике. «Дорога среди звезд», прочитала она на дорогом кожаном переплете.

Как же она хотела иметь такую книгу, но работа переписчика стоила кучу денег, своих сбережений у Марики не было, а отец наотрез отказался уступать ее мольбам...

— Ты тоже любишь Мариция?! — в глазах Марики засияли огоньки.

— Дай книгу! — пролепетала пострадавшая, но, по-видимому, протянуть руку у нее не было сил, и Марика положила книгу девушке на грудь. Бедняжка сразу успокоилась и закрыла глаза.

— Эй, ты только не умирай! — испугалась Марика и осторожно потрясла незнакомку за плечо. — Сейчас приведут лекаря, он тебе поможет. Мне так хочется с тобой поговорить! Кто ты? У тебя есть родные? Кто-нибудь знает эту девушку?

Толпа опять стала наступать. Любопытные

пытались разглядеть девушку получше, но никто не видел ее в Аренджуне раньше.

Сквозь полуприкрытые ресницы среди столпившихся людей Соня разглядела Лураса. Было заметно, что он нервничает. На лбу вельможи поблескивали капельки пота.

«Ладно, хватит. Главное не переиграть», — решила Соня и вновь открыла глаза.

— Она очнулась... очнулась! — раздалось сразу несколько голосов.

— Кто ты? — спросила Соня, глядя Марике прямо в глаза.

— Я Марика, дочка Ксерсоса.

— Что со мной? Что случилось?

— Ты попала под копыта моей лошади. Но, похоже, ничего страшного. Ты можешь шевелиться?

Рыжеволосая красавица попыталась привстать, но тут же со стоном упала на землю.

— Тогда не двигайся. Ну, где же лекарь!

— Я здесь! — К Соне сквозь толпу стал пробираться седобородый мужчина.

— Целитель Неллус, помогите. Я чуть не убила ее! — Марика кинулась старику навстречу.

— Успокойся, малышка. Сейчас посмотрим, что ты натворила.

Он склонился над Соней.

— Где болит, детка?

— Везде, — прошептала Соня.

Доктор дотронулся до ее ноги, и Соня на всякий случай пронзительно закричала.

— Потерпи, иначе я не смогу тебе помочь.

«Нужна мне твоя помощь, как же!..» — подумала Соня. Она прикусила губу и изобразила на лице ужасные страдания.

— Неллус, ты делаешь ей больно! — Марике хотелось быть полезной.

— Не мешай, — лекарь продолжал прощупывать Сонины кости. — Ну что ж, ничего страшного. Руки-ноги целы. Полежишь пару деньков и будешь как новенькая. Где твой дом? Я прикажу отнести тебя туда, а вечером зайду провести.

— У меня нет дома.

— А родственники, друзья... у кого ты живешь?

— У меня никого нет. Я случайно попала в Арэнджун и не собиралась здесь задерживаться. Я только хотела посмотреть на храм Митры Солнцеликого. О нем так много говорят... Я хотела посмотреть на него и идти дальше. А тут вдруг эти лошади. Я сама виновата. Я задумалась и не смотрела по сторонам. Простите, что доставила вам столько беспокойства! Мне уже лучше. Я сейчас встану и пойду. — Девушка попыталась встать. — Нет, не могу, голова кружится...

Соня опять упала на дорогу.

— Ну что ж, придется отвести ее на ближайший постоялый двор.

— Никуда вы ее не повезете! — в голосе Марики впервые появились командные нотки. — Вы отнесете ее к нам домой. И ты, Неллус, будешь сам за ней ухаживать. Она пострадала по

моей вине. И, может быть, теперь на всю жизнь останется калекой. Разве мы можем ее бросить? Я сделаю все, чтобы она в моем доме ни в чем не нуждалась.

Толпа одобрительно загудела.

— Но, Марика, что скажет твой отец? Он запретил приводить в дом посторонних, — попыталась вмешаться одна из наставниц.

— Вы все боитесь собственной тени! Ну, какая опасность может исходить от этой девушки? Видно же, что она из хорошей семьи...

— Что здесь происходит! — Толпа расступилась, пропуская статного мужчину в дорогом красивом плаще.

— Отец, моя лошадь сшибла девушку, — Марика всхлипывала, размазывая слезы по щекам. — Она ранена. Мы должны оказать ей помощь.

— Я заплачу ей за ущерб. — Ксерсос потряс мешочком с монетами. — А для того, чтобы оказывать помощь, есть родственники и врачи.

— Отец, у нее никого нет. Она случайно оказалась в нашем городе. Представляешь, кем нас будут считать, если ты прикажешь отправить ее в приют для бездомных и нищих?!

— Ну, хорошо, несите ее к нам в дом. Пусть ее положат в одной из комнат для гостей на первом этаже.

— Эй, помогите! — попросил лекарь прохожих.

Мужчины расстелили чей-то плащ и переложили на него девушку. Среди них Соня увидела Лураса.

— Эй, — прошептала Соня, глядя на Лураса. Доктор был далеко, он беседовал с Ксерсосом, и Лурас нагнулся, подставляя ухо к губам девушки.

— С тебя двадцать золотых, — прошептала она, так, что больше никто не мог услышать, и сделала вид, что потеряла сознание.

— Что она сказала? — засуетились остальные.

— Просит, чтобы не забыли ее дурацкую книгу, — быстро нашелся Лурас.

* * *

Соню понесли во дворец Ксерсоса. Толпа провожала ее до самых ворот, но за ворота пустили только приближенных вельможи. Краем глаза Соня увидела стражников, дежуривших в дворцовом саду, и еще раз подумала, что другого способа проникнуть во дворец у нее не было.

Соню внесли в маленькую комнатку на первом этаже и положили на кровать. Девушка опомнилась и жалобно застонала, может быть, немного с запозданием, но никто из присутствующих не заметил нелада. Рука у нее действительно болела. Падая, она довольно сильно ударилась о булыжную мостовую... но девушка привыкла терпеть и гораздо более сильную боль.

— Отдыхай, детка. Завтра я тебя осматриваю еще раз. Думаю, что очень скоро ты сможешь бегать и танцевать.

Неллус поправил на Соне одеяло и заставил всех выйти из комнаты.

* * *

Вскоре до Сони донеслись голоса. Дверь была массивная, и слов Соня разобрать не могла, но ей показалось, что один голос принадлежит Ксерсосу, а другой его дочери. Они ссорились. Видимо, отец не хотел позволять Марике общаться со странной незнакомкой.

«А что, если он ее действительно не пустит?» — на минуту Соне стало страшно, но почти сразу же дверь отворилась, и послышались осторожные шаги.

— Привет. Ты не спишь? — тихо спросила Марика.

— Не могу заснуть, — пробормотала Соня.

— Можно мне побыть с тобой?

— Конечно...

Марика осторожно присела на краешек Сониной кровати.

— Извини меня. Я обычно довольно осторожна в седле, а тут задумалась... Тебе очень больно?

— Уже лучше. Не вини себя, я сама виновата. Когда я думаю о Мариции, то не замечаю ничего вокруг.

— А можно мне еще раз посмотреть на твою книгу?

— Да. По-моему, ее положили на стол. Можешь ее пока взять себе. Я все равно знаю балладу наизусть.

— Как здорово, что мы встретились! Извини, что я так невежлива... Для тебя, конечно, ока-

заться под копытами моей лошади было не очень приятно. Но я наконец-то могу поговорить с настоящим живым человеком... Меня здесь никто не понимает! Я как будто заперта в золотой клетке. Мне нельзя дружить, с кем я хочу. Нельзя читать книги, которые мне нравятся. Они считают, что я целыми днями должна учить аквилонский и немедийский язык, и играть на этой ужасной аффале. Я счастлива, только когда читаю стихи...

— Я тоже, — отозвалась Соня.

— И ты не считаешь меня глупой?

— Конечно, нет! Я думаю и чувствую точно так же. Когда я приеду к Марицию, я расскажу ему, как восхищаюсь его творениями.

— Ты поедешь к нему?

— Да, конечно. Если бы не твоя лошадь, я бы уже была в пути.

— Ты похожа на девушку из хорошей семьи. На тебе дорогое платье и туфли из хорошей кожи. Девушкам нашего круга не положено ездить одним. Как же родителипустили тебя в такое опасное путешествие?

— У меня нет родителей.

— Извини, пожалуйста. Ты сирота? А дом? Разве бывает, чтобы у человека совсем не было дома?

— У меня все было. И дом в Салафре... конечно, не такой роскошный, как у тебя, но один из лучших в нашем городе. У меня были замечательные родители и любимые брат и сестра. У меня было счастливое детство... — На Сонины

глаза навернулись слезы, ведь она говорила почти правду. — Но на нас напали бандиты. Они сожгли дом и убили всех дорогих мне людей.

— Бедняжка! — Растроганная Марика схватила Соню за руку.

— Мне чудом удалось спастись, — продолжила Соня. — Я успела вынести из горящего дома только мою любимую книгу, немного денег и мой талисман. — Соня сняла с шеи глиняную, довольно грубо сделанную фигурку, висящую на черном шнурке. — Это фигурка рыси, она приносит удачу...

Она помолчала, словно собираясь с силами, и продолжила:

— У меня не осталось никого — ни родственников, ни друзей. Я поняла, что у меня есть только один близкий человек, хоть я его никогда не видела... но он родной мне по духу. Ты догадалась? Это Мариций. Я решила разыскать его. Я бы хотела поселиться рядом с ним, чтобы иметь возможность говорить с ним, слышать его голос...

— Знаешь, я тоже очень хочу увидеть Мариция. Давай поедем вместе. Я смогу сбежать из дома. За мной, конечно, следят, но я их перехитрю, вот увидишь! Ты возьмешь меня с собой?

«Ну, только этого не хватало!» — подумала Соня и, вспомнив, что она жертва несчастного случая, опять жалобно застонала.

— Конечно, возьму, — произнесла она вслух. — Вдвоем гораздо веселее. Только не забывай, что я еще не вполне здорова.

— Извини меня, пожалуйста, я тебя совсем утомила! Отдыхай...

— Что ты.... Мне было очень приятно с тобой поговорить.

— Может быть, я могу что-нибудь для тебя сделать?

— Знаешь, я пришла в Аренджун специально, чтобы посмотреть на здешние красоты. Я уже видела издали замок наместника, была в храме Митры... но также я слышала, что дворец Ксерсоса, твоего отца, невероятно красив изнутри. Раз уж судьбе было угодно, чтобы я оказалась в этом прекрасном месте, я бы очень хотела взглянуть на его убранство!.. — В последнее время Соня общалась в основном с босоногими шадизарскими мальчишками и говорить привыкла на их жаргоне, поэтому она сейчас с трудом подбирала слова, чтобы выглядеть образованной девушкой...

— Я слышала, — продолжила Соня, — у твоего отца есть коллекция всяких диковинных вещей. Как бы я хотела на них посмотреть! Я обожаю все красивое — стихи Мариция, музыку, живопись. Если бы я только могла хоть одним глазком посмотреть на сокровища твоего отца!.. — Соня прикусила губу. Не слишком ли рьяно она начала говорить о сокровищах? Если Марика заподозрит хоть что-нибудь, ее тут же выставят из дворца. Но Марика ничего не заметила.

— Хорошо. Как только ты поправишься, я тебе все покажу. Тебе должно понравиться. Там, наверху колонны из фиолетового мрамора, ковры

из верблюжьей шерсти и подсвечники из горного хрусталя...

— А картины есть?

— Есть и картины.

— А твой отец не будет возражать?

— Он уезжает завтра в Таршаг и вернется только через три дня.

Такова везения Соня даже не ожидала, она еле сдержалась, чтобы не вскочить и не заключить Марику в объятия.

— Я приду завтра, хорошо? — спросила Марика.

— Я буду ждать.

— Знай, что ты теперь моя самая лучшая подруга. — Марика чмокнула Соню в щеку и, открыленная, выпорхнула из комнаты.

А Соне вдруг стало грустно. Ей предстояло совершить подлый поступок. Эта девочка ей поверила, назвала своей подругой, а Соне придется ее цинично предать. Сможет ли потом Марика верить людям?

«Это не мое дело, — успокоила себя Соня. — Работа превыше всего...» И рыжеволосая авантюристка повернулась лицом к стене и крепко заснула.

* * *

Назавтра Соне с трудом удалось убедить Марику, что она достаточно здорова и вполне может совершить прогулку по дворцу.

— Ну, хорошо, пойдем, — согласилась Мари-

ка. — Но если ты себя почувствуешь плохо, сразу мне скажи.

Соня пообещала, и Марика повела новую подружку по узкому длинному коридору. Вскоре забрезжил свет, они вышли в залу, и Соня увидела мраморную лестницу.

— Давай начнем со второго этажа.

Перед Соней открылась анфилада комнат. Казалось, им нет числа. Все сверкало позолотой, а на полу лежали дорогие ковры. Богатое убранство комнат отражалась во множестве зеркал.

— Какая красота! — воскликнула Соня.

— Да, у папы хороший вкус, — согласилась Марика. — Посмотри, вот эту фигурку рыбака папа привез из Кхитая...

И Марика стала рассказывать легенду о старом рыболове. Потом она поведала Соне о том, как добывают мрамор, из которого сделаны колонны, затем отвела в комнату где на стенах висели шпалеры, с изображением сценок, иллюстрирующих старинные бритунские сказания. Когда же Марика поняла, что Соня совсем не знает бритунского эпоса, то с воодушевлением принялась пересказывать свои любимые легенды...

Они переходили из комнаты в комнату. Некоторые двери были закрыты, и Марике пришлось их открывать, выбирая ключики из связки, висевшей у нее на поясе.

Соня смотрела во все глаза, но ни одна комната не была похожа на ту, которую описал ей Лурас. На стенах залов висели картины, но это были парадные портреты роскошно одетых муж-

чин и женщин. Ни одной головки ребенка Соня не увидела.

Девушка начала нервничать. В любой момент мог появиться лекарь Неллус. Он либо заставит Соню лечь в постель, либо, что еще хуже, сочтет, что она вполне здорова, и выставит из дворца. И тут Марика, улыбнувшись, спросила:

— Соня, ты, наверное, устала. Давай, я провожу тебя в твою комнату. Остальное мы можем посмотреть в другой раз.

«Другого раза может не быть», — подумала Соня. Приходилось рисковать... По счастью, эта Марика слишком наивна, чтобы заподозрить неладное.

— Знаешь, я слышала, что самые ценные сокровища твой отец хранит в особой комнате...

— Какая ты молодец! Всего один день была в нашем городе, а уже столько успела узнать!.. Да, действительно, папа собирает чудесные вещи по всему миру. Он хранит их в сокровищнице. Знаешь, он показывает ее только самым близким друзьям и дорогим гостям. Эта комната закрыта, и у меня нет от нее ключа.

— Жаль, мне так хотелось ее увидеть. Я мечтала рассказать Марицию о чудесах дворца Ксерсоса. Может быть, ему бы тоже захотелось приехать и увидеть все это своими глазами.

Как она и надеялась, у Марики вспыхнули глаза.

— Вообще-то, я думаю, мы сможем туда попасть. Ключ есть у охранника. Пошли.

И они опять стали кружить по бесконечным

коридорам и комнатам. Соня изо всех сил пыталась запомнить дорогу, а также ключи, которыми пользовалась Марика.

— Вот, пришли.

У двери стоял охранник, который, увидев дочку хозяина, вытянулся по стойке смирно.

— Шард, я бы хотела показать моей подруге папину коллекцию. Открой нам дверь.

— Хорошо, но, по правилам, я не имею права открывать эту комнату один. Должен присутствовать и второй охранник. Я позову Раула.

— Зови, — разрешила Марика.

Шард дунул в свисток, и раздалась мелодичная трель. Раул появился так быстро, как будто бы вырос из-под земли.

— В чем дело? — спросил он.

— Мы можем показать девушкам сокровищницу?

— Для таких красавиц мы можем все, что угодно! Открывай и побудь с девушками внутри, а я постою снаружи.

Шард выбрал из связки маленький блестящий ключик и открыл заветную дверь. Охранник пропустил девушек вперед и зашел сам.

Соня видела сегодня уже очень много красивых вещей, но то, что она узрела за дверью, заставило ее рот открыться, а глаза округлиться. Комната представляла собой зальчик, наполненный всякой всячиной. Занятие воровством заставляло Соню научиться хорошо разбираться в ценности вещей, и она могла поклясться, что любя, даже самая маленькая и невзрачная безде-

лушка, находящаяся в этой комнате, стоит целое состояние. Без сомнения, это была та самая сокровищница, о которой ей говорил Лурас...

Марика показывала Соне жемчужину размером с человеческий глаз и раковину, которая, когда ее подносили к уху, сама выпевала различные мелодии... но Соня не могла спокойно любоваться удивительными диковинами. Она искала глазами злополучную картину — и не находила. Марика опять принялась что-то с воодушевлением рассказывать, но Соня ее больше не слушала. Взгляд гостьи метался по комнате и уже сделал десятый круг, скользя по стенам...

— Соня, что с тобой? Тебе плохо? — Марика оборвала свою красочную речь. — Это я виновата! Тебе надо скорее лечь. Пойдем!

— Нет, все хорошо. Я просто, понимаешь... — Другого выхода у Сони не было, и она решилась спросить. — Я много слышала о чудесах вашего дворца, но также и о том, что твой отец приобрел одну удивительную картину... На ней изображена голова ребенка...

Соня сразу пожалела о своих словах, потому что глаза у Марики вдруг стали круглыми, а брови удивленно поползли вверх.

— Слышала? Странно... От кого?

Соня прикусила губу, судорожно соображая, что бы соврать.

— Папа никому не рассказывал о картине. Он хотел сделать гостям сюрприз. Где ты слышала о ней?! От кого?!

«Это провал!» — подумала Соня. Черные гла-

за Марики впились в гостью, и впервые за все время в них появилось недоверие. Инстинктивно Соня сделала несколько шагов к выходу, но ей тут же преградил дорогу Шард.

— Я... я зашла в таверну. Мне очень хотелось пить. Я села за столик и попросила легкого вина. За соседним столиком сидели мужчины. Похоже, что они провели там много времени. Стол был весь заставлен кувшинами из-под вина и завален обглоданными костями. Мужчины смеялись и о чем-то оживленно говорили. Я не хотела прислушиваться, но один из них говорил так громко, что слова как-то сами долетели до моих ушей. То, что он рассказывал, было очень интересно. Он сказал, что Ксерсос приобрел удивительную картину. Эта картина стоит кучу денег...

— Какой был этот мужчина? Опиши его внешность!

— Ну... Я сидела к ним спиной и не очень хорошо разглядела. Мне показалось, что он хорошо одет. На нем был расшитый золотом плащ. Он маленький, довольно толстый, и еще у него черные усы...

— Это Аржун! — вздохнула Марика. — Как я сразу не догадалась! Только он мог проболтаться. Негодай! — и тут же спохватилась, что сказала слишком много. — Ладно, Соня, ты моя подруга и имеешь право знать. Аржун — это наказание для нашей семьи. Он брат моего отца, настоящий пьяница и бабник! Такое родство только порочит Ксерсосу, но он не может выгнать брата и вынужден терпеть все его выходки. Со-

ня, но то, что я сказала, должно остаться между нами...

— Конечно, конечно, — заверила ее Соня.

— Что еще они говорили?

— Они... Ничего.

— Как, ничего?

— Понимаешь, кто-то из этой компании заметил меня. Они принялись отпускать в мой адрес такие сальные шуточки, а потом стали зазывать меня за свой столик... Я испугалась и убежала.

— Ты правильно сделала. От друзей Аржуна можно ждать чего угодно! Шард, да отойди ты от Сони, она моя гостья, а не пленница!

Соня улыбнулась Шарду самой обворожительной улыбкой, на которую была способна, и в ответ на смуглом лице стража тоже сверкнули белые зубы.

— Все, Соня, отдыхать! — приказала Марика.

— Но где все-таки картина? — решив, что ей уже нечего терять, спросила Соня.

— Папа отдал ее ювелирному мастеру, чтобы тот сделал для картины достойную раму.

— Значит, картины нет во дворце?

— Нет, — подтвердила Марика.

— А когда ее привезут обратно?

— Седмицы через две. Как раз к моему дню рождения.

«Седмицы через две! Это же надо так оконфузиться! Попытаться украсть картину которой нет! Две седмицы... Да меня выгонят из дворца, в лучшем случае, через два дня. Я больше не могу

притворяться. Неллус ведь не полный болван, он и так смотрит на меня с подозрением...»

— Соня, ты меня не слушаешь! — надула губки Марика.

— Извини, у меня немного закружилась голова.

— Я говорю, что по случаю моего дня рождения папа устраивает грандиозный праздник.

— Жаль, что я не смогу придти и поздравить тебя!

— Почему не сможешь?

— Меня же не пустят во дворец.

— Как это не пустят!? Ты же моя лучшая подруга! Пусть только попробуют не пустить! Это *мой* день рождения!

— А ты не забудешь обо мне за две седмицы?

— Конечно же, нет! Как ты могла такое подумать?!

— Извини, но ты ведь сама сказала, что Ксерсос принимает у себя только важных господ.

— Не бойся, я скажу стражникам, и тебя будут обязаны пропустить во дворец. Ладно, пойдем скорее, а то Неллус будет сердиться. Шард, не забудь запереть сокровищницу!

— До свидания, Шард, — мелодично произнесла Соня и, проходя мимо, как будто случайно задела его плечом...

На этот раз Марика повела гостью другим путем, и Соня отметила, что ей ни разу не пришлось отпирать двери своими ключами.

...Соня легла в кровать, и почти сразу к ней в комнату зашел лекарь.

— Ну, как ты, детка? Выглядишь хорошо. По-моему, ты уже в полном порядке. — Доктор потрогал Сонин лоб, посчитал пульс и пощупал кости. — Знаешь, трудно найти девушку, которая была бы здоровее. Я чувствую жизненную силу, которая исходит от тебя...

— Но у меня еще кружится голова, — попыталась возразить Соня.

— Это от долгого лежания и от недостатка свежего воздуха. Когда ты окажешься на улице, то вновь почувствуешь себя хорошо.

— Когда я должна уйти?

— Да хоть сейчас. Ладно, не расстраивайся, я разрешаю тебе остаться до завтрашнего утра.

— Спасибо, вы очень добры, — Соня потупила глаза.

— Отдыхай, — усмехнулся Неллус и потрепал девушку по щеке.

— Да, месьюр лекарь, могу ли я кое о чем попросить?

— Конечно.

— Я плохо сплю по ночам. Очень долго не могу заснуть и просыпаюсь от каждого шороха. Может быть, у вас есть какое-нибудь снадобье от бессонницы?

— Хорошо, я дам тебе нациус и обещаю, что ты будешь спать всю ночь очень крепко и увидишь прекрасные сны...

Когда лекарь ушел, Соня спрятала пилюлю в мешочек с деньгами. «Вполне возможно, она мне еще пригодится», — подумала девушка.

— Что сказал тебе Неллус? — в Сонину комнату проскользнула Марика.

— Сказал, что я здорова, и разрешил побыть здесь до завтрашнего утра.

— Вот незадача! Я умоляла его разрешить тебе остаться хотя бы до приезда отца!

— Не вини его, он просто выполняет свой долг.

— Мне тебя будет ужасно не хватать! Я буду скучать!

— Я тоже.

— Покажись, что ты не уедешь до моего дня рождения.

— Клянусь.

— Как я тебе завидую! Как я мечтаю путешествовать, чтобы меня никто не опекал, и делать все, что мне хочется!..

Внезапно в коридоре послышались шаги, дверь открылась, и в комнату заглянула тощая женщина с крючковатым носом.

— Марика, — гнусаво произнесла она. — Кто тебе разрешил уйти? Тебя ждет наставница музыки. Ты и так целый день где-то пропадаешь, я пожалуюсь Ксерсосу.

— Иду, сейчас. Подожди меня за дверью. Вот так, — обратилась она к Соне, — даже поговорить не дают.

— Марика, — шепотом позвала Соня, — а ты бы могла прийти ко мне ночью?

— Не знаю, — тоже шепотом ответила Марика, и в ее глазах загорелись озорные огоньки. — Вообще-то когда я сплю, у двери сидит няня

Гарфия и сторожит мой сон. Но на самом деле она спит так же крепко, как пьяный сапожник, можно над ухом орать — она не услышит.

— Слушай, если я не ошибаюсь, твоя комната находится как раз над моей?

— Да, ты права.

— А как ты думаешь, если я постучу в стену, ты услышишь?

— Конечно. Одно время в этой комнате жила наша бедная родственница, тетушка Пуэра, так я даже слышала, как она храпит.

Девушки рассмеялись.

— А в чем дело? — спросила Марика. — Почему ты хочешь, чтобы я пришла к тебе среди ночи?

— Мне кажется, что прошлой ночью я видела приведение. Что-то черное и лохматое прокрадось ко мне в комнату.

— Странно. Обычно приведения живут в старых замках. Я слышала, что часто приведениями становятся их умершие владельцы. Но этот дворец совсем новый. Его построил мой отец, и пока в нем никто не умирал.

— Возможно, мне показалось.

— Ты еще не совсем здорова. А вообще-то, ты очень смелая. Если бы я увидела приведение, я бы так завизжала, что в мою комнату сбежались бы все, кто находится в доме. Ты обязательно постучи, и я сразу же приду.

— Марика, ну сколько можно ждать?! — из-за двери опять послышался гнусавый голос.

— Уже иду! — Марика поцеловала рыжеволосую подругу и выбежала из комнаты.

Соня закрыла дверь. «Что ж, ждать больше нельзя, — сказала она себе. — Эта ночь — мой последний шанс, и я должна сделать все, что возможно».

Соня сняла с шеи фигурку рыси.

— Ну, выручай! Ты меня не оставишь, ведь правда?! — Соня поцеловала фигурку и опустила ее в кружку с водой. Потом забралась с ногами на кровать и стала ждать, когда голубое небо потемнеет и место жаркого солнца займет томная луна с выводком маленьких звезд.

* * *

Стало совсем темно. Должно быть, уже полночь...

«Пора», — решила девушка.

Она спустила ноги с кровати, подошла к столу, взяла кружку и вытащила из нее фигурку. То, что совсем недавно было рысью, стало мягким и почти потеряло форму. Соня принялась разминать податливую глину в руках. Она разделила ее на два кусочка и скатала шарики, потом немного расплющила их, положила на стол и прикрыла свитком со стихами Мариция, который ей принесла почитать Марика в обмен на книгу.

Потом Соня надела ночную рубашку и распустила волосы. Осторожно она выскользнула из комнаты. В коридоре было темно, и зловещую

тишину нарушал лишь звук мерных шагов стражника, доносящийся из бокового коридора.

«Главное, чтобы меня не заметили раньше времени», — подумала Соня, крадась по проходу. Возле ответвления в боковой коридор пришлось подождать, притаившись за углом, пока стражник повернется к ней спиной. Соня побежала вперед. Босые ноги соприкасались с полом почти беззвучно.

«Так, кажется сюда...»

Соня открыла дверь. От скрипа несмазанных петель ее сердце на секунду остановилось, но ничего не произошло, и девушка пошла дальше. Наконец она вышла к лестнице и стала по холодным, как лед, ступеням подниматься наверх.

* * *

Шард был не робкого десятка, но когда он увидел, что по коридору движется нечто в белых одеждах, ему стало как-то не по себе. Вначале он решил, что призрак просто мерещится ему. Вчера они с ребятами засиделись допоздна. У Раула родился первенец, и молодой папаша на радостях угощал всех вином. Шард потерял глаза, но видение не исчезло, — наоборот, оно приближалось все ближе и ближе, и стражник смог разглядеть, что оно похоже на простоволосую девушку в белой рубашке, сползшей с плеча... и босой. Руки призрака были вытянуты, а ноги почти не касались пола.

— Великий Митра! — пробормотал Шард.

Первым его желанием было убежать, но потом чувство долга пересилило трусость. Его ведь и поставили здесь, чтобы охранять дворец от врагов, а уж из плоти они, или являются привидениями — не так уж важно, и Шард, ухватившись за рукоять меча, стал мучительно вспоминать заклинание от нечистой силы, которому его обучила бабушка. Это было очень сильное заклинание, но на белого призрака оно не подействовало. Странная девушка продолжала идти прямо на Шарда, как будто он был прозрачным. И тут Шард заметил, что она действительно не может его увидеть, потому что глаза у нее закрыты. В следующую секунду он узнал ее. Это была та самая девушка, которая вчера приходила с хозяйкой смотреть сокровищницу. Только вчера она была красиво одета и тщательно причесана, а сейчас на ней только рубашка, и растрепанные волосы почти закрывают лицо, поэтому он и не узнал ее сразу. Что же с ней произошло? Неужели ее заколдовали?! А может, в ее тело вселился какой-нибудь дух?..

— Эй, красотка! Как тебя?.. Соня! Соня, очнись! Посмотри на меня...

Девушка продолжала двигаться, как будто кроме нее в коридоре никого не было.

Тогда Шард с опаской протянул руку. Он боялся, что рука пройдет сквозь призрак, не ощутив плоти, но ладонь коснулась гладкой кожи девичьего плеча. Он стал трясти девушку, и наконец она подняла веки. Сначала в ее серых глазах появилась удивление, но потом они отразили

испуг, и Шард еле успел зажать ей рот ладонью, иначе бы весь дворец огласил пронзительный крик.

— Тише! Не бойся, — сказал Шард, — Я отпущу тебя, только не кричи. Перебудишь всех, потом неприятностей не оберешься!

— Кто ты? Где я? — Соня с удивлением и испугом крутила головой.

— Я Шард, стражник. Ты меня не помнишь? Я показывал тебе вчера сокровищницу. Вот дверь, которая туда ведет, а там лестница. Вспоминаешь?

— Что тебе от меня нужно?

— Мне? Ничего!

— А как я здесь оказалась?

— Это я тебя хотел спросить!

— Ничего не понимаю. Я вчера легла спать, в своей комнате...

— Ты шла по коридору с закрытыми глазами и руками, вытянутыми вперед...

— Неужели опять началось?.. — прошептала девушка.

— Что началось?!

— Когда я жила еще в своем доме с родителями, я страдала от этого недуга...

— Какого?

— Я ходила во сне. Я сплю, и иногда даже вижу сны, и не подозреваю, что в это время встаю с кровати и куда-то иду. Знаешь, я доставила родителям очень много хлопот. Один раз меня нашли в поле, далеко от дома, а другой раз я гуляла по крышам. Если бы я вдруг проснулась в

этот момент, то, наверное, упала бы вниз. Мне потом было даже страшно смотреть на ту крышу, не то чтобы залезть туда. Говорят, что таких людей, как я, не так уж мало. Иногда нас зовет луна, и мы не можем ей отказать. Но последнее время со мной такого не было. Я очень давно не совершала прогулок во сне...

— Сегодня полнолуние, и возможно, луна позвала тебя более настойчиво. Странно, что тебя не заметили другие стражники. Они дежурят в коридорах первого этажа. Хотя ты шла так тихо, как настоящий дух... Я даже принял тебя вначале за привидение.

— Нет, я не привидение. Я — из плоти и крови, и ужасно замерзла.

— Извини. — Шард снял с себя короткий плащ и накинул на плечи девушке. Теперь связка с ключами была отчетливо видна, и Соня цепким взглядом сразу выделила среди них нужный. — Ты найдешь свою комнату сама?

— Не знаю. Я боюсь ходить ночью по дворцу одна. Вдруг меня остановят стражники и не поверят, что я не помню, как забрела на второй этаж?..

— Хорошо, я провожу тебя.

— А как же твой пост? Разве ты можешь отойти от сокровищницы?

— Сейчас во дворце нет посторонних, все гости разъехались, и даже нет Аржуна, которому, если честно, Ксерсос не доверяет больше, чем прислуге. Ну, это между нами... А чужой во дворец не попадет. На вышках стоят стражники, а

сад стерегут специально обученные собаки. При этом сокровищница заперта, и ключ от нее есть только у меня. Второй ключ у Ксерсоса, но он приедет не скоро. Пойдем...

«Ну почему так не везет!..» — подумала Соня. Если бы картина была на месте, украсть ее не составило бы большого труда.

А Шард, окончательно убедившись, что перед ним не призрак, а хорошенькая девушка, уже поправлял на ней свой плащ. Его рука скользнула по нежной ткани шелковой рубашки, и в глазах стражника загорелся огонь. Он попытался прижать Соню к себе.

— Пойдем быстрее, мне холодно стоять босиком, — жалобно попросила Соня.

— Не беда! — Шард подхватил девушку на руки и понес в западное крыло.

...Опустил он девушку на пол только возле двери в ее комнату.

— Спасибо, — прошептала она.

— По-моему, я заслужил большей благодарности, чем простое «спасибо».

— Чего же ты хочешь?

— Поцелуй!

— За кого ты меня принимаешь?! Я вовсе не из таких, кто...

— Ну, только один поцелуй, красавица! Только один, и я уйду... — Шард снова попытался прижать девушку к себе.

— Ладно, давай зайдем в комнату, — предложила Соня.

Как только девушка закрыла дверь, страж-

ник с неистовством припал к ее губам. Его переполняла страсть, рассудок же Сони оставался совершенно холодным, и пока Шард осыпал ее лицо поцелуями, она пыталась снять со связки нужный ей ключ.

Наконец, заветный ключик оказался у нее в руке. Но поздно! Шард как будто обезумел от страсти. Силы явно были не равными. Высокий и крепкий Шард напоминал медведя *ветпи*, которые водятся только в лесах Бритунии, и намного крупнее обычных медведей. Можно, конечно, ударить стражника коленом в пах, а потом ребром ладони нанести удар по шее. Соне не раз приходилось применять этот прием, и он всегда отлично действовал. Но с другой стороны, девушка вовсе не хотела привлекать внимание к своей персоне, а на шум могли сбежаться другие стражники, да и Шард еще может пригодиться, поэтому портить с ним отношения Соня не собиралась. Что ж, придется воспользоваться запасным вариантом...

Соня вдруг оттолкнула пылкового воздыхателя и вскрикнула.

— Что случилось, красавица? Я сделал тебе больно?

— Он там! Я видела его! Он опять пришел! — взволновано проговорила она.

— Где?

— Да, вот же! Посмотри в окно!

— Но я ничего не вижу.

— Он спрятался за дерево!

— Да, кто он?! О чем ты?

— Я не знаю. Он такой мохнатый и черный...

— Наверно, это просто собака.

— Да нет же, он ростом больше человека, и ходит на задних лапах. Он может проходить сквозь стены. Я боюсь!

— Соня, это внутренний двор, и сюда не может попасть никто посторонний!

— Я же сказала, что он проходит сквозь стены!..

— Ну, рыженькая, выбрось всех чудовищ из головы. Я же с тобой! Неужели ты думаешь, я не смогу тебя защитить? Иди сюда, красавица...

— Нет, я не могу, пока не буду уверена, что там никого нет. Посмотри, пожалуйста, в кустах. Мне кажется, что он прячется там, и я даже вижу, как горят его глаза...

— Это светлячки, сейчас самое их время... Ладно, не дрожи, если тебе будет спокойнее, то я схожу туда и сам проверю.

Шард распахнул окно.

— Только не шуми, а то мы перебудим всех во дворце.

Стражник сел на подоконник. На окнах, выходящих во внутренний двор, не было решеток, поэтому Шард легко перенес ноги на другую сторону и соскочил в сад.

— Вон он, там... я вижу, как шевелятся кусты!

Соня направила Шарда в самый дальний угол сада, и как только он повернулся к ней спиной, метнулась к столику и вдавила вначале одну сторону ключа в приготовленную глиняную ле-

пешку, затем повернула ключ и прижала его к другой лепешке. Шард уже возвращался, Соня успела только прикрыть глиняные отпечатки пергаментом и обтереть ключ об заранее приготовленную тряпицу. Шард уже был в нескольких шагах от окна, когда Соня схватила стул и со всей силы запустила его в стену. Звук удара в тишине уснувшего дворца показался особенно громким.

Шард молниеносно перелетел через подоконник и схватил Соню за плечи.

— Что случилось? С тобой все в порядке?

— Кажется, да.

— Так что же произошло?

— Я видела его...

— Призрак?

— Да, он появился возле стены и хотел броситься на меня. Я испугалась и бросила в него стул, но не попала. А чудовище стало таять, потом превратилось в черную дымку и заползло под кровать.

— Сейчас я его достану!

Шард встал на колени и заглянул под Сонину кровать.

— Здесь темно, я ничего не вижу.

— Подожди, я зажгу свечу.

Соня взяла свечу и присела на корточки рядом с Шардом.

В этот момент в дверь постучали.

— Кто это может быть? — испугано прошептала Соня.

— Ты наделала столько шума, что это может

быть кто угодно! — Шард испугался не меньше — Если меня застанут здесь, то выгонят со службы.

— Подожди, я посмотрю! — Соня прильнула глазом к замочной скважине. — Это Марика, — прошептала она. Лицо Шарда от страха стало белым.

— Не бойся, я ее отвлеку. Погоди-ка, я поправлю на тебе одежду, — и Соня, делая вид, будто отряхивает штаны Шарда, незаметно прицепила к связке заветный серебряный ключик. — Я постараюсь увести Марику подальше от двери, а ты беги на второй этаж. Если тебя заметят, скажешь, что услышал шум и поспешил на помощь... А пока спрячься за пологом кровати!

Соня распахнула дверь. На пороге стояла взволнованная Марика, тоже с растрепанными волосами, в ночной рубашке и босиком. В это мгновение девушки были удивительно похожи...

— Пойдем скорее, может быть, еще успеем! — Соня схватила подругу за руку и потащила ее по коридору.

— Куда ты меня тащишь? — Марика с трудом поспевала за рыжеволосой искательницей приключений.

— Некогда. Потом объясню! — наконец девушки уперлись в глухую стену, и только тогда Соня остановилась.

— Объясни, наконец, куда мы бежали? — спросила Марика с трудом, пытаясь отдышаться.

— Представляешь, я его видела!

— Кого?

— Ну, то привидение, о котором тебе рассказывала. Оно появилось в моей комнате и хотело напасть, но я запустила в него стулом. Тогда оно превратилось в струйку дыма и просочилось через дверь. Я думала, что мы его сможем догнать. Это ведь так здорово — увидеть настоящее привидение!

— А может быть, тебе это просто показалось?

— Может быть, — на удивление легко согласилась Соня. — Я не могла заснуть, и лекарь Неллус дал мне лекарство — пилюлю из корня нациуса.

— Тогда ничего удивительного. Корень нациуса вызывает видения. Еще и не такое может примерещиться. Пойдем, я посижу с тобой, пока ты не заснешь...

Когда девушки подошли к Сониной комнате, то увидели, что у двери стоят стражники.

— Мы слышали шум и поспешили узнать, не нужна ли наша помощь. Что у вас случилось?

— Мне показалось, что я видела привидение. Видение было таким ярким, что я испугалась и запустила в него стулом. Но сейчас я почти уверена, что чудище мне просто померещилось. Лекарь Неллус дал мне выпить нациус, чтобы я лучше спала, а говорят, что это растение вызывает видения...

— Ты отведала нациус! — загоготали стражники. — Ну, тогда все ясно...

Ни для кого не было секретом, что стражники, да и другие мужчины в городе, в свободное время собирались вместе, чтобы покурить труб-

ку, набитую сушеными листьями нациуса, или попить отвара из его корня. Они предавались сладкой дремоте с удивительно яркими и непредсказуемыми видениями.

Но не для всех это увлечение заканчивалось благополучно. Были люди, которые так и не проснулись, и были найдены бездыханными. Иногда на их лицах навсегда оставались блаженные улыбки, а иногда они искажались гримасами ужаса. Некоторые любители нациуса покончили жизнь самоубийством, другие сошли с ума и так и остались жить среди своих видений. Власти Арэнджуна строго запретили употребление нациуса.

Только лекари могли собирать этот цветок и употреблять его корень в целях врачевания. Но уследить за всеми жителями, конечно, невозможно, тем более, что весной поля в пригородах Арэнджуна покрываются ковром из бледно-розовых дурманящих цветов...

— Удивительно, что ты увидела лишь одного монстра, а не целый десяток тварей! — один из стражников похлопал Соню по плечу.

— Смотри, не увлекайся нациусом и никогда не принимай больше одной щепотки, когда находишься в комнате одна, — по-отечески посоветовал другой.

Стражники стали расходиться. Шард, появление которого ни у кого не вызвало удивления, замешкался, и Соня поняла, что он хочет остаться, чтобы продолжить прерванное общение. Соня про себя усмехнулась и пропустила в свою

комнату Марику. Перед тем как скрыться за дверью, она с сочувствием посмотрела на Шарда. «Ничего не поделаешь, воля хозяйки — закон», — как бы говорил ее взгляд...

— Ложись в кровать, я с тобой посижу, — предложила Марика.

— Мне так неудобно, что я доставляю тебе столько хлопот...

— Что ты, мне приятно сделать для тебя хоть что-нибудь хорошее!

— Тогда забирайся под одеяло, а то замерзнешь.

— Мне ужасно интересно с тобой, — продолжила Марика, нырнув под одеяло и обнимая подругу, — Ты совсем не похожа на моих прежних знакомых. Мне с ними скучно. Я наперед знаю все, что они могут сказать. Представляешь, я за всю свою жизнь ничего не видела, кроме своего дома, который некоторые называют дворцом, да еще нескольких улиц в Аренджуне... и то я могу ходить по ним только в сопровождении слуг или воспитателей... И общаемся мы с подругами обычно под надзором какой-нибудь старой девы, приставленной следить за нашей нравственностью...

— Это ужасно, — согласилась Соня.

— Мне кажется, что мне никогда не надоест беседовать с тобой. Меня никто так не понимал, как ты.

«Если что, то на помощь Марики можно рассчитывать», — отметила про себя Соня. — Этой

наивной глупышке можно внушить все, что угодно...»

— Ты так интересно рассказываешь обо всем на свете. А я еще ничего толком не видела! — добавила Марика.

— Ты же еще очень молода, — попыталась успокоить ее Соня.

— Мне столько же лет, сколько и тебе, но в твоей жизни уже было так много всего интересного...

— В моей жизни было много страшного, и поэтому мне пришлось рано повзрослеть. На самом деле, я бы все отдала, чтобы оказаться дома, рядом с родителями и братьями! — сказала Соня совсем серьезно. Это была фраза настоящей Сони, а не романтической искательницы приключений, роль которой она усердно играла. Спихватившись, Соня прикусила язык, но Марика никак не отреагировала на ее последнюю фразу.

— Я хочу бродить по свету вместе с тобой. Я не буду обузой, правда!

— А вдруг отец не простит тебя, и не примет обратно?

— А я и не хочу обратно! Я хочу бродить по свету, смотреть разные страны и искать свою любовь. Это ведь так замечательно, правда!

— Хорошо, но давай устроим побег после твоего дня рождения. Мне так хочется побывать на настоящем балу...

— Правда?! Как здорово! Я боялась, что ты не захочешь остаться. Пообещай, что ты поселишься где-нибудь неподалеку. У тебя хватит денег?

— Да.

— И запомни, что каждый четвертый день седмицы мы собираемся у Лауэллы. Она живет в большом синем доме, недалеко от фонтана на центральной площади. Ее отец не такой строгий, как мой. Он разрешает приходить в гости к Лауэлле всем девушкам из хороших семей. Следит только, чтобы среди девушек не затесались мужчины. У него плохая память на лица. Я подарю тебе свое платье, и тебя будет не отличить от моих прежних подруг. Я уверена, что девушки обрадуются встрече с тобой, и тоже тебя полюбят.

Марика замолчала, и Соня прислушалась. Из-за двери больше не доносилось прерывистого дыхания, — значит, Шард наконец-то не выдержал и ушел.

— Марика, мне с тобой очень хорошо, но я боюсь, что та дама, которая за тобой следит, обнаружит, что тебя нет, и у тебя будут неприятности. И потом, тебе надо хорошенько выспаться!

— Ты как всегда права, — Марика поцеловала подругу и побежала к себе.

А Соня, оставшись одна, выскользнула из кровати, заперла на засов дверь и достала глиняные отпечатки ключа.

Отпечатки получились четкими, и Соня залюбовалась своей работой. Потом она достала свечу и принялась обжигать глиняные формочки, чтобы они стали прочнее.

* * *

Марика не могла сдержать слезы, когда настало время прощаться, и Соне несколько раз пришлось клятвенно пообещать, что она никуда не уедет из города до дня рождения подруги и обязательно будет приходить на встречи в синий дом с белыми колонами. Соня тепло попрощалась со всеми, кого видела во дворце, пообещала Неллусу, что впредь будет осторожней, еще раз обняла Марику и вышла за ворота дворца. Все ее вещи помещались в маленьком заплечном мешке, но у девушки было достаточно денег, чтобы поселиться на хорошем постоялом дворе. Хотя после пищи, которой ее кормили у Ксерсо-са, еда ей показалась невкусной, а постель жесткой. Соня решила пока ничего не предпринимать и спокойно обдумать свое положение.

* * *

Девушка проснулась от какого-то шума: кто-то что-то выяснял у хозяина постоялого двора... потом она услышала звук размашистых шагов, и ее дверь резко распахнулась. Вообще-то, дверь была закрыта на крючок, но ее рванули с такой силой, что крючок вылетел из пазов и упал на пол.

— Где картина? — губы у раннего гостя дрожали.

— Во-первых, здравствуй, Лурас. Разве ты не знаешь, что некрасиво без приглашения вры-

ваться в спальню молодой девушки. Я бы попросила тебя выйти, но ты и так привлёк к своей персоне слишком много внимания...

— Где картина? — повторил Лурас. — Где она?

— Её нет.

— Ты не смогла её украсть?! Даже ты не смогла! Теперь всё пропало! — Лурас сел на стул и обхватил голову руками. Потом он резко встал и схватил девушку за плечи. — Почему ты сразу ко мне не пришла, почему всё не рассказала? Я эти дни живу, как на вулкане, а ты, оказываясь, прохлаждаешься на дорогом постоялом дворе. Почему ты так поступила со мной?

— Я не смогла взять картину по твоей вине.

— Почему, по моей? Я сделал всё, что ты просила.

— Ты обещал всё разузнать, и я полностью полагалась на твои сведения.

— Что-то не так?

— Что-то не так!? — передразнила Соня. — Всё не так! Картины во дворце нет. А я, между прочим, жизнью рисковала, под копыта лошади прыгнула... и всё зря!

— Этого не может быть! Я точно знаю, что картина у Ксерсоса. Ты, наверно, плохо искала.

— Мне не нужно было искать. Я просто знаю, где она.

— Где же?

— У ювелира. Ксерсос заказал для неё достойную раму.

— У какого ювелира?

— В другом городе, и Марика не знает, где именно. Так что там её не достать. Но не убивайся ты так! Если накинешь к обещанной сумме ещё десяток монет, я подумаю, что можно сделать.

— Ты больше ничего не сможешь сделать. Тебе не удастся проникнуть во дворец второй раз. Всё пропало!

— А это ты видел? — Соня достала кусочек пергамента с печатью Ксерсоса.

— Что это?

— Пропуск во дворец на праздник.

— Что же ты молчишь?

— А ты дал мне возможность сказать хоть слово?! Вообще-то, это ещё не всё. У меня есть кое-что, что должно тебе понравиться, — с этими словами Соня достала глиняные формы.

— Что это? — прошептал Ксерсос, потому что голос от волнения у него пропал.

— Отпечаток ключа от сокровищницы. У тебя есть знакомый мастер, который бы смог изготовить по отпечатку ключ?

— Конечно, есть.

— Тогда возьми, и постарайся, чтобы об этом знало как можно меньше людей.

— Но почему ты не давала о себе знать?

— Не хотелось обнадеживать тебя напрасно. Я получила приглашение только вчера, когда встречалась с подругами Марики. Сегодня я собиралась пойти к тебе, но ты меня опередил, и теперь о том, что мы знакомы, знает куча наро-

ду. Я же сказала, что нас не должны видеть вместе.

— Пусть тебя это не волнует. Я дам денег хозяину постоялого двора, и он будет молчать.

— Смотри... Обычно, если человек делает что-то для тебя за деньги, он может сделать что-нибудь и для твоего врага, если тот заплатит больше.

— Но ты ведь тоже согласилась работать на меня из-за денег.

— Конечно. Но я не думаю, что найдется другой такой болван, готовый за какую-то мазню выложить целое состояние!

* * *

Музыка, льющаяся из дворца Ксерсоса, была слышна за несколько кварталов. Уже с утра ко дворцу съезжались богато украшенные повозки, среди них Соня увидела экипаж самого королевского наместника. «В хорошенькую же компания я попала!» — подумала девушка. Соню пропустили во дворец, и она вместе с другими гостями стала пробираться к парадному залу. Соня с интересом рассматривала богато одетых женщин. Подолы их платьев волочились по полу, украшения сверкали, а замысловатые прически устремлялись к потолку. Соня тоже была одета по последнему слову моды. На ней было роскошное зеленое платье с пышной юбкой, достояющей до самого пола, а волосы уложены в высокую прическу. Соня надеялась, что затеряется в толпе.

Но не тут-то было... Незнакомка с медными волосами и лучистыми серыми глазами тут же привлекла к себе внимание мужчин. И Соня все время чувствовала на себе изучающие взгляды.

— Соня, как я рада, что ты пришла! — к девушке пробралась сияющая Марика и заключила подругу в объятия. — Как ты замечательно выглядишь! Ты, наверно, самая красивая на этом празднике. Пойдем, я тебя со всеми познакомлю...

...Праздник шел своим чередом, уже были произнесены торжественные речи и вручены дорогие подарки, гости не держались на ногах от танцев и выпитого вина, а Ксерсос уже показал наиболее важным господам свою сокровищницу, но Соня все никак не могла остаться одна даже на несколько мгновений. Молодые люди чуть не передрались за право танцевать с ней, да и пожилые не отходили от нее ни на шаг. Соня уже знала, что сокровищница закрыта, и охранники, дежурившие там, переведены в трапезную и в сад. Но уйти незаметно из зала не было ни малейшей возможности. Тем более, что у двери, ведущей на второй этаж, стояли два стражника и не пускали туда посторонних.

— ...Красавица, этот танец мой! — Соню схватил за руку тучный мужчина с рыжеватыми усами. Он притянул ее к себе, и девушка почувствовала отвратительный запах, исходящий из рта нового кавалера. Соня еле сдержалась и с трудом подавила желание вмазать кулаком по этой толстой наглой роже. Вместо этого она

улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой. Соня видела этого толстяка рядом с наместником... Похоже, он здесь — уважаемый человек. А, следовательно, можно рискнуть...

Толстяк танцевал, стараясь изо всех сил. Его мучила одышка, на лбу выступили капельки пота, но он не сдавался.

— Знаешь, я немного устала, — ласково сказала Соня, видя, что еще немного, и ее партнеру потребуется лекарь.

— Не вздумай от меня скрыться! — Мужчина остановился с явным облегчением. — Не понимаю, как можно устать от танцев, это же такое удовольствие! — проговорил он, тяжело дыша. Одной рукой он продолжал держать Соню за руку, а другой достал носовой платок и принялся вытирать пот. — Почему я раньше не видел тебя на балах у Ксерсосу? Такую мордашку я бы не мог не заметить!

— Я здесь в первый раз. Вообще, первый раз на таком роскошном приеме.

— Тогда тебе повезло! Я Гарф, казначей самого наместника. Держись папаши Гарфа, и у тебя все будет отлично.

— Ты приближенный самого наместника?! — Соня с восторгом воззрилась на своего собеседника и прижала к груди его толстую волосатую руку.

— Что ты, не надо! — польщенный Гарф расплылся в улыбке, и в его глазах еще сильнее загорелся похотливый огонь.

— Я имею большое влияние на наместника.

Проси, что хочешь, и я смогу исполнить твоё желание, — зашептал он ей в ухо. — Ты исполнишь моё желание, а я исполню твоё. Чего же ты хочешь, красавица?

— Вина.

— Вина?

— Да мне жарко, и я хочу пить. Что тут удивительного?

Гарф действительно был удивлен: молоденькие девушки, которые были его слабостью, обычно вначале отчаянно сопротивлялись, а потом, осознав, что он все равно добьется своего, просили каких-нибудь благ для своих родителей, или денег, много денег. И Гарф, если нельзя было добиться расположения другим способом, осыпал их золотом, ведь он имел самый прямой доступ к казне, хотя чаще обманывал и не давал обещанного, или после того, как ему девушка надоедала забирал деньги назад...

— Вина... Конечно, вина! Стой здесь, никуда не уходи, а то пожалеешь! — Гарф боялся, что девушка сбежит, но когда он появился с двумя бокалами, она стояла на том же месте, где он ее оставил. Гарф протянул ей бокал.

— Куда ты смотришь, красотка?

— Вон та женщина, в синем платье, это не твоя жена?

— Где?

— У двери.

Гарф повернулся, а Соня бросила в свой бокал размолотую в порошок пилюлю нациуса, которую на всякий случай прихватила с собой.

— Да это она. Но пусть это тебя не смущает. Тебя как зовут, красавица?

— Соня.

— Так вот, Соня, давай выпьем за наше знакомство. С этого дня твоя жизнь изменится. Хочешь, я возьму тебя с собой в столицу?

— Хочу.

— А твои родители не будут против? — Гарф подумал, что по поводу столицы, пожалуй, погорячился.

— У меня нет родителей.

— Нет родителей, бедняжка!.. — это сообщение обрадовало Гарфа. А может, и правда, взять ее в столицу? Девчонка действительно сказочно хороша...

— Может, у тебя есть еще какие-нибудь желания, крошка?

— Да, но мне неудобно об этом просить...

— Ну, почему же? Запомни, папашу Гарфа можно просить о чем угодно.

— Ты скажешь, что это ребячество и детские фантазии...

— Ну же, говори!

— Я бы хотела допить вино из бокала, который ты держишь в руках. Мама говорила, что если тебе понравится мужчина, выпей вино из его бокала, и тогда тебя ждет незабываемая ночь. Ты позволишь мне допить твое вино?

— Конечно.

— А сам можешь выпить мое!

Они поменялись бокалами, и Соня залпом осушила свой. Гарф последовал ее примеру.

— Знаешь, твои желания удивительно легко и приятно выполнять. Может быть, ты еще чего-нибудь хочешь?

— Да.

— Говори!

— Я хочу тебя... — прошептала Соня и замолчала.

— Ты хочешь меня попросить... — пришел ей на помощь Гарф.

— Нет, я просто хочу тебя. Я не должна была этого говорить. Наверное, это вино сыграло со мной такую шутку. Я никогда раньше столько не пила. У меня кружится голова. И мне больше всего хочется, чтобы твои сильные руки ласкали меня, а твои рыжие усы щекотали мои губы...

— Да? — от удивления Гарф широко открыл рот, и Соня отступила назад, чтобы не так чувствовался этот отвратительный запах.

«Похоже, я переиграла, — подумала девушка, — и даже эта обезьяна почувствовала фальшь!..»

На самом же деле, Гарф не почувствовал никакой фальши. Нациус потихоньку начинал действовать, и у Гарфа уже слегка кружилась голова. А уж о том, как ему хотелось обладать красавицей Соней, и говорить нечего. Он только боялся, что этот порыв у нее пройдет. Конечно, она все равно будет его. Она отдастся ему, как отдавались десятки женщин, которых он желал. Но те, другие, не могли скрыть отвращения, одну даже вырвало, прямо в его кровать. Они приносили себя в жертву... Здесь же совсем другое! Как давно на него никто не смотрел такими

влюбленными глазами!.. Даже жена, эта старая, высохшая карга, предпочитает другую спальню... По лицу и по щекам Гарфа потекли струйки пота, сердце его бешено колотилось, а лицо стало багровым. Соне показалась, что если она его сейчас не остановит, то он овладеет ею прямо здесь, посреди зала, полного гостей.

— Мне кажется, на третьем этаже есть свободные комнаты...

— Да, это так.

— Ты бы мог попросить стражника, чтобы он пропустил меня наверх, а потом, через некоторое время, присоединился бы ко мне...

— Ты молодец. Я так и сделаю!

— Только не иди за мной слишком быстро. Никто не должен знать, что мы вместе.

— Хорошо. Хотя я не обещаю, что смогу ждать слишком долго!

«Что же задумала эта рыжая бестия? Наверное, хочет, чтобы я привез ее в столицу и представил ко двору... А почему бы и нет? Боги, как она хороша!..» По телу Гарфа разливалось приятное тепло, он уже не сомневался, что Соня без памяти в него влюбилась...

Стражник, по просьбе Гарфа, незаметно пропустил Соню на лестницу, ведущую наверх. Но девушка не пошла на третий этаж, а свернула на второй. Если что — она скажет, что ошиблась. Длинный, изогнутый коридор был пуст, только у сокровищницы дежурил стражник. Когда он повернулся к ней лицом, Соня узнала Шарда.

— Соня, это опять ты! — воскликнул Шард.

— Что ты здесь делаешь? Почему не веселишься со всеми?

— Я выпила, наверное, слишком много вина, и мне стало нехорошо. Я ищу уборную.

— Но это же совсем в другом крыле...

— Спасибо, — Соня через силу улыбнулась, сделала шаг и вдруг стала падать.

Шард успел подхватить ее и бережно положил на пол. Он стал трясти девушку и бить по щекам, но она не приходила в себя. Шард испугался. А вдруг она умрет?! Нужно бежать за лекарем. Правда, по правилам, он не имеет права покинуть пост, не передав его кому-нибудь из стражников. Для этого надо подать сигнал свистком. Но, падая, Соня случайно зацепилась за свисток и оборвала цепочку. Должно быть, он валяется где-то рядом, на полу... Шард огляделся, но свистка нигде не было. «Ладно, раздумывать некогда! Да и что может случиться? Дверь в сокровищницу заперта, и лестница охраняется...» — решил охранник и побежал вниз.

Соня знала, что у нее очень мало времени. Как только Шард скрылся из виду, она вскочила на ноги, положила на пол зажатый в руке свисток и подскочила к заветной двери. Шума можно было не бояться, музыка доносившаяся с первого этажа, заглушала все звуки. Соня вставила в замочную скважину ключ, который ей передал Лурас. «Мать-рысь, помоги», — прошептала девушка, и повернула ключ. Дверь поддавалась. Девушка проникла внутрь и на всякий случай заперла за собой замок.

Вдруг Соня почувствовала, что в комнате кто-то есть. Она спиной ощутила чей-то пристальный взгляд. Все внутри у девушки похолодело, и сердце на мгновение перестало биться.

Соня взяла в себя в руки и медленно повернулась. На нее смотрели удивленные детские глаза. В комнате царил полумрак, и самого ребенка разглядеть не удалось.

— Ты кто? — шепотом спросила Соня и шагнула навстречу незнакомцу. Девушка пыталась понять, откуда в запертой сокровищнице мог оказаться ребенок.

Она прошла несколько шагов, и ей показалось, что это мальчик, заглядывающий в окно. Но она могла поклясться, что когда она была в сокровищнице в прошлый раз, никаких окон не было... И тут Соня поняла — это картина! Эти внимательные карие глаза принадлежали портрету. Соня была не робкого десятка, но тут ей стало как-то не по себе...

Однако медлить было нельзя. Девушка уже не сомневалась, что это именно та вещь, которая ей нужна. Соня сняла портрет со стены и поднесла к глазам. Было ощущение, что мальчишка на портрете — живой. Девушке показалось, что она видит, как подрагивают его пушистые ресницы, и ей захотелось погладить его по нежной щечке, похожей на персик, но палец ощутил лишь холодный, бездушный лак. Соня разглядывала портрет, и с ужасом понимала, что портрет в это время разглядывает ее...

Вдруг она услышала шаги. Соня вышла из со-

стояния оцепенения. Как же она могла потратить столько времени напрасно?! Девушка сунула картину в широкий карман, который предусмотрительно пришила с внутренней стороны юбки. Она специально выбрала самое пышное платье, — под таким подолом, можно было спрятать, что угодно...

Девушка шагнула к двери, но поздно. Она услышала, что в замочную скважину вставили ключ. «Неужели Шард уже вернулся?! Сейчас он поймет, что я его обманула... Все, я пропала!» — подумала Соня. Она пробралась за портьеру и замерла. Но ключ полязгал в замке, а дверь не открылась.

— Не подходит, — сказал какой-то незнакомый грубый голос.

— На, попробуй вот этот, — ответил ему другой.

— А нас не поймают?

— Не трусь, Аржун стоит на страже! Да перестань ты дрожать! Дай лучше я... — Послышался скрежет, дверь открылась, и мужчина буквально влетел в комнату. — Вот так-то, а ты боялся! Ксерсос еще пожалеет, что не дал Аржуну денег!.. Смотри, какое богатство, — присвистнул говоривший. — Да заходи ты, наконец!

Соня вжалась спиной в стену. Она поняла, что мужчины, ввалившиеся в комнату, изрядно пьяны. У одного из них на поясе висела огромная связка ключей.

— Что брать-то? — спросил более нерешительный.

— Да все подряд. Потом разберемся! Ну, и погуляем же мы завтра! Подставляй мешок, чего стоишь?!

Мужчины занялись драгоценностями, а Соня осторожно за портьерой прокралась к двери и выскользнула наружу. Встретиться с Шардом теперь было бы опасно, и девушка стремительно побежала к лестнице. Но вдруг чьи-то горячие липкие руки схватили ее за плечи.

— Что ты здесь делаешь, красавица? — мужчина развернул Соню и прижал к стене. — А ты хорошенькая!

Соня узнала Аржуна. От него сильно пахло вином, но на ногах он стоял все еще довольно крепко.

— Гарф попросил меня подняться наверх. Он хотел со мной поговорить, но я заблудилась — пробормотала Соня, прикидываясь наивной дурочкой.

— Зачем тебе этот старый развратник Гарф?! — Аржун потрепал своей волосатой потной лапой Соню по щеке. — Я ведь лучше, правда? И тоже могу поговорить! — Аржун расхохотался.

— Отпусти меня, пожалуйста! — взмолилась Соня.

— Ну, уж нет! Отпустить такой лакомый кусочек?! Да я просто обожаю рыжих красоток! Иди ко мне. Не пожалеешь!..

И Аржун впился своим слюнявым ртом в Сонины губы. Та пыталась вырваться, но ей это не удавалось. И вдруг...

— Что это?! — воскликнул Аржун. Его руки,

тиская девушку, наткнулись на что-то твердое. Аржун нащупал картину. Теперь Соне терять было нечего. Она резко ударила незадачливого ухажера коленом в пах. Аржун сложился пополам и застонал от боли. Соне хотелось ударить его еще раз, но она не могла терять времени. Теперь о том, чтобы вернуться к гостям, не могло быть и речи. Надо было срочно выбираться из двorca.

Соне повезло: некоторые гости уже стали покидать особняк, и ворота были открыты. Лауэлла с родителями и сестрами как раз прощались с хозяевами, когда Соня проскользнула на улицу. «Вроде бы обошлось», — подумала девушка и зашагала по дороге. Уже сегодня вечером она будет далеко отсюда. Ей осталось только обменять эту странную картину на деньги, и все...

...Какое-то внутреннее чутье подсказало Соне, что она в опасности. Вначале она почувствовала, и только потом услышала топот ног, и увидела мужчин, устремившихся за ней в погоню. Впереди бежал Аржун. За ним неслись его пьяные дружки. Спрятаться было негде, и Соня, подхватив свою пышную юбку, побежала.

Соня, вообще-то, хорошо бегала, но сейчас ей ужасно мешало пышное платье и узкие туфли, которые некогда было снять. Девушка бежала, не разбирая дороги. Преследователи немного отстали, но Соня знала, что это ненадолго, а сил у нее уже почти не осталось.

Поворот... И внезапно в конце улицы она увидела маленький домик, в окне которого го-

рел свет — единственный в ночном городе, уже отошедшем ко сну. Собрав последние силы, она направилась туда.

Соня постучала и, не получив ответа, рванула дверь на себя. Дверь распахнулась, и девушка вошла внутрь.

— Ты кто? — На Соню с удивлением смотрел красивый молодой юноша.

— Не важно! — отрезала Соня. — За мной гонятся, и ты должен меня спрятать! Я потом все объясню. Спрячь меня, скорее!

И тут Соня поняла всю нелепость своей просьбы. В комнате было абсолютно негде спрятаться. В ней не было дверей в другие помещения и отсутствовала всякая мебель — только картины. Зато картины находились всюду. Висели на стенах и валялись на полу. Теперь была Сониная очередь удивляться.

— Раздевайся! — вдруг резко велел юноша.

— Что ты себе позволяешь?! — воскликнула Соня. — Между прочим, я могу за себя постоять. — Она сжала кулаки.

— Некогда припираться. Смотри! — Юноша указал на окно, и Соня увидела, что Аржун с компанией уже направляется к этому домику.

— Разденься, встань туда и займи позу, как на этом этюде... — Когда Соня вошла, молодой человек как раз писал фигуру обнаженной женщины

Соню не надо было просить дважды. Она стянула с себя платье и забралась на возвышение, специально устроенное для натурщиц.

— Возьми, спрячь лицо и волосы, — художник протянул Соне кусок ткани, а потом спрятал среди холстов Сонину одежду.

Только он взялся за кисть, как дверь распахнулась, и в комнату ввалилось четверо мужчин.

— Мы ищем рыжеволосую женщину. Она свернула на эту улицу!..

— Убирайтесь отсюда! Не видите, я работаю! Вы смутите мою натурщицу.

— Хороша! — причмокнул языком Аржун. Он посмотрел через плечо художника на набросок его картины, потом подошел к Соне и погладил ее по ноге. — Настоящая лучше! — Мужчины заржали.

— Как ты смеешь?!

— Ладно, не кипятись! А что у тебя тут? — Аржун шагнул по направлению к холстам, но обо что-то споткнулся и упал прямо на баночки с краской. Когда друзья помогли ему подняться, он был весь в разноцветных пятнах.

— Ладно, Аржун, пошли отсюда. Рыжая где-то здесь, она не могла далеко уйти!

Аржун махнул рукой и, хлопнув дверью, отправился за приятелями.

— Спасибо! — Соня сняла покрывало с головы, завернулась в него, и спрыгнула с постамента. — Я твоя должница. Отвернись, я хочу одеться.

— Можно тебя попросить?..

— Конечно.

— Не одевайся. — Юноша смотрел на Соню глазами, полными восхищения.

— И ты туда же. Я ненавижу мужчин! Сейчас же отдай мою одежду, или ты пожалеешь!

— Ты не поняла. Я до тебя не дотронусь. Просто хочу, чтобы ты позировала мне. Понимаешь, ты именно та девушка, которую я ищу всю жизнь. У тебя удивительные золотые волосы, такие лучезарные глаза, и удивительная кожа. Я уверен, что на этот раз у меня получится... Я прямо вижу свою картину. Взойди, пожалуйста, обратно на возвышение, умоляю!.. — от волнения, голос у юноши дрожал.

— Ну, хорошо, если это для тебя так важно, — Соня пожала плечами и забралась на прежнее место.

— Я должна что-нибудь сделать?

— Нет, стой так, как тебе удобно. Вот так, замечательно! — Художник уже сорвал с мольберта прежнюю картину и укрепил новый холст.

— Только учти, я не смогу долго стоять на одном месте. Терпеть не могу бездействовать.

— Я постараюсь побыстрее.

И художник принялся за работу. Как ни странно, взгляд его черных глаз бесцеремонно скользил по обнаженному телу Сони, вбирая в себя каждую его черточку, каждый штрих, а Соня абсолютно не чувствовала стеснения. «Наверно, это потому что он не видит во мне женщину, а смотрит просто как на красивую модель, как на статую, которую надо скопировать...» Соня никогда не подозревала, что так интересно наблюдать за человеком, погруженным в свое творчество. Его глаза отражали целую гамму чувств...

«А он, красив, удивительно красив», — невольно подумала она.

— Ну, долго еще мне так стоять, — через некоторое время капризно спросила Соня, — У меня нога затекла, и вообще, я замерзла!

— Что? А извини, еще чуть-чуть, — он нервно накладывал какие-то мазки. — Нет, не могу! — вдруг воскликнул он и швырнул кисть в стену. — У меня ничего не получается. Ничего, совсем ничего! — Юноша бросил незаконченную картину на пол и стал рвать и пинать другие картины, находящиеся в комнате.

— Что с тобой? Что случилось? — испугано спросила Соня.

— Я бездарен. Абсолютно бездарен! — юноша опустил на колени и зарыдал.

— Ну, успокойся, ты меня пугаешь, — Соня подбежала к парню и обняла его за плечи. — А по-моему, неплохо получилось. — Девушка присела над картиной. — И даже на меня похожа. Мне так не нарисовать, честное слово!

— Нет, это совсем не то! Она плоская, не живая!

— Слушай, ты несешь бред! Ну как картина может быть живой? Картина — это всего лишь холст и краски! Она ведь похожа на меня, и ладно. Что еще нужно?!

— Ты совсем не такая. Твоя кожа излучает тепло, в твоих глазах искрится лукавство, а к губам хочется прикоснуться губами. Почему это исчезло? Почему этого нет на картине? Куда все пропало. Скажи мне, куда?!

Взгляд, полный отчаяния, обжег Соню, и тут она вспомнила, что все еще не одета.

— Извини, но я хочу одеться.

— Да, конечно. Сейчас. — Юноша взял Сонино платье. — Слушай, оно все в пыли... — Он встряхнул одежду, и из потайного кармана на пол вылетела картина.

— Что это? — прошептал художник. Он бесильно опустился на пол и не мог оторвать взгляда от поразившего его портрета.

— Картина, — как можно более безразлично сказала Соня, натягивая на себя платье.

— Откуда она у тебя?

— Я ее украла.

— У этих людей?

— Нет, эти люди сами воры. Ладно, мне пора. Давай картину.

— Подожди, — юноша, как замороженный, смотрел на портрет. — Это то, о чем я тебе говорил. Я всегда знал, что это возможно, хоть мне никто и не верил... Ты видишь, как выписана кожа... ребенка так и хочется погладить его по щеке! А глаза — какое в них озорство, а волосы — кажется, что они шевелятся на ветру. Он словно живой, еще немного он засмеется или скажет что-нибудь... Ты видишь это?

— Успокойся, это только твое воображение, — возразила Соня, хотя она прекрасно видела и чувствовала все, о чем говорил ее новый знакомый, и от этого ей было не по себе. — Спасибо тебе за помощь, но мне, правда, некогда. — Соня протянула руку, чтобы взять картину.

— Нет, подожди! — художник схватил портрет обеими руками.

— Отдай лучше по-хорошему!

— Я не могу! Как бы я хотел, чтобы мои картины имели такой успех! Чтобы они украшали самые красивые дворцы в Хайбории, чтобы их выкрадывали, рискуя жизнью, чтобы люди шли на преступления, ради того чтобы завладеть моей работой... Вот что! Я куплю ее у тебя! Какая тебе разница, кто заплатит деньги? Сколько тебе обещали за эту картину?

— Вот такой вот кошель с золотыми, — Соня показала руками размеры мешочка.

— Это очень большая сумма! У меня нет таких денег.

— Вот видишь...

— Постой, я могу продать дом, я все продам, но добуду эту сумму!

— Извини, я не могу продать тебе картину.

— Но почему?

— Я обещала ее другому человеку. Ну, послушай, что бы ты делал, если бы даже я оставила тебе картину?!

— Я бы попытался ее скопировать. Я бы рисовал и рисовал днями и ночами напролет, пока бы у меня не получилось похоже на это...

— Но ведь у тебя же есть живые натурщики! Подумай, если ты не можешь нарисовать настоящего ребенка, как тебе сможет помочь чужой портрет?

— Ты права. Я просто бездарен! Этот великий художник открыл удивительный секрет. Он нау-

чился вдыхать жизнь в свои картины. Вот если бы встретиться с ним, я бы отдал ему все свои деньги, я бы согласился на него бесплатно работать, только бы он посвятил меня в свою тайну... — Юноша опять склонился над портретом. — Смотри, как же я сразу этого не заметил!.. Вот в углу подпись художника...

— Анхело, — разобрала Соня плотно прилегающие друг к другу буквы.

— Мне надо встретиться с ним. Я обязательно должен его увидеть!

— Не представляю, где его искать. И потом, может быть, он давно умер?

— Нет, только не это! — юноша принялся заламывать руки, а в глазах его было столько отчаяния и боли, что Соне стало его жалко.

— Слушай, ну если у тебя не получаются картины, почему бы тебе не заняться чем-нибудь другим?

— Я не могу не рисовать. Все, на что я смотрю, мне хочется перенести на холст. Мне хочется, чтобы люди увидели это так, как вижу я. Но в итоге у меня ничего не получается... Я не могу так жить!

«Конечно, он безумен, — подумала девушка, — но он такой красивый и молодой...» У юноши были короткие блестящие волосы и нежная, как у девушки, кожа, а в огромных черных глазах застыли слезы.

— Ну все, мне пора, — Соня попыталась взять картину. Ей показалось, что парень готов ее отдать, но руки его не слушаются, они вцепи-

лись в холст так, что побелели костяшки пальцев, и мелко дрожали.

Наконец он смирился.

— Может, ты хоть что-нибудь знаешь об этой картине? — с мольбой спросил он.

— Я же сказала, что ничего, кроме того, что я ее украла.

— А человек, который платит деньги? Он-то наверняка знает что-нибудь об этом художнике!

— Он, возможно, и знает, — согласилась Соня. — Ему просто необходимо была эта картина. Я не думаю, что он хотел просто любоваться на нее. Возможно, ему известна какая-то тайна. Но это не мое дело. Я ему отдаю картину, он мне — деньги, и все. Мы больше не знаем друг друга. Знаешь мой девиз? Хочешь долго жить — не будь слишком любопытным.

— Отведи меня к нему!

— Не могу.

— Но почему?!

— Я не вправе выдавать своих нанимателей.

— Но ведь я спас тебе жизнь!

— Ты от него все равно ничего не добьешься. Он очень осторожен.

— Это уж мои проблемы. Ты только познакомь меня с ним! Я заплачу ему. Я отдам ему все, что у меня есть. Вот увидишь, я смогу его убедить!

В глазах юноши было столько отчаяния, что Соня уступила.

— Ладно, что с тобой поделаешь! Пойдем со мной. Но учти — это очень рискованно. Лурасу

не нужны лишние свидетели. Возможно, когда он узнает, что тебе известно о картине, то попытается тебя убить...

— Мне все равно!

Соня усмехнулась.

— Ладно, идем, я покажу тебе Лураса, но о том, что мы знакомы, никто не должен знать. И еще учти, что бы ни случилось, я не буду тебе помогать. Ты сам ввязался в эту историю, а у меня и своих дел по горло.

— Спасибо, — прошептал он

— Как тебя хоть зовут, безумец?

— Эарен.

— Ладно, Эарен, собирайся...

До дома Лураса Соня с Эареном добрались практически без приключений. Оставив спутника у ворот, Соня двинулась во двор особняка.

— Соня, — окликнул ее Эарен, — подожди!

— Что еще?

— Неужели я больше тебя не увижу? Мне так хочется написать твой портрет... Твои золотые волосы и нежные губы... Обещай, что когда я научусь рисовать, ты согласишься мне позировать.

— Если нас сведет судьба, то почему бы и нет, — усмехнулась Соня. — Ну а пока прощай, и удачи тебе, — она поцеловала Эарена в щеку и убежала прочь.

* * *

Лурас вздрогнул, когда перед собой увидел парня в потертых штанах и холщовой рубахе.

— Кто ты такой и что тебе надо?! — Лицо Лураса исказил страх. — Шера! Шера, спусти собак! Да пошевеливайся!

Послышался лай собак, и в комнату вбежали два огромных мастафа. Следом за ними вошел слуга по имени Шера. Псы увидели Соню и злобно зарычали.

— Лурас, убери собак! Или тебе не интересно, что я принесла?

— Соня?! Я опять не узнал тебя... Шера, убирайся вон, и уведи животных! — прикрикнул Лурас.

— Нервы стали сдавать, — вздохнул вельможа. — У меня осталось так мало времени... Ты принесла картину? — Лурас действительно выглядел неважно. У него были красные, уставшие глаза, а некогда лоснящиеся щеки ввалились.

— Она у меня.

— Слава богам. Давай же ее скорее сюда!

— Вначале деньги.

— Ах, да. Ты ничего не делаешь без денег. Вот они... Пересчитай! — Лурас протянул девушке мешочек с деньгами.

Соня достала из мешочка горсть монет и со звоном высыпала их обратно.

— Я не буду считать. Вижу, что тут достаточно.

— Давай же картину.

Соня полезла под рубаху.

— погоди, — остановил ее Лурас. Он осторожно пересек комнату, резко открыл дверь, и в комнату ввалился Шера.

— Шера, паршивый пес, ты опять подслушивал! — Лурас ударил слугу носком сапога. — Убирайся вон! — Лурас с грохотом закрыл дверь.

— Показывай!

Соня развернула картину, и вельможа устался на детское лицо.

— Да, это он! — пробормотал Лурас. — Спасибо, Соня, я не ошибся, выбрав именно тебя. Ты лучшая из всех! Знаешь, у меня много влиятельных знакомых, и у них время от времени бывают проблемы... Если хочешь, я замолвлю за тебя словечко. С такими способностями ты не будешь сидеть без работы.

— Нет уж, спасибо, — сказала Соня, подкидывая мешочек с деньгами на руке и пристегивая его к поясу. — С такими деньгами я найду себе занятие поинтереснее. Если честно, воровство — это не совсем то дело, о котором я мечтала всю жизнь. Прощай, Лурас, и надеюсь, что мы больше никогда не встретимся!

— Прощай, Рыжая, и удачи тебе во всем!

Соня вышла из дома Лураса и вприпрыжку направилась к рыночной площади. Прежде чем покинуть этот город, ей предстояло сделать кое-какие покупки. Выйдя на улицу, она помахала рукой. Девушка не могла видеть Эарена, но знала, что он из своего укрытия смотрит на нее. Насвистывая, она двинулась вперед. У Сони было замечательное настроение. Наконец-то она справилась с трудной работой, деньги приятно позвякивали в мешочке на поясе, а впереди ее ждали интересные приключения...

Вдруг кто-то прыгнул на нее сзади и схватил за шею. Девушка попыталась вырваться, но чьи то руки держали ее мертвой хваткой. Она попыталась ударить незнакомца ногой, но не дотянулась до него, и нога просто лягнула воздух. Тогда Соня попробовала закричать, но голоса не было... Руки надавили на шею сильнее, и девушка поняла, что задыхается. В глазах у нее потемнело, и она бессильно опустилась на землю. Она пыталась вздохнуть, но не могла. Перед угасающим взором мелькнули крючковатые пальцы, тянущиеся к мешочку с деньгами, но это уже не имело никакого значения...

* * *

Соня открыла глаза и увидела склонившееся над ней лицо Эарена.

— Где я? Что случилось? — Соня потянулась к поясу, где был пристегнут мешочек с деньгами, но рука его не обнаружила.

— Не волнуйся, твои деньги целы. Я успел вовремя!

— Что же произошло?

— Из своего укрытия я увидел, что тебя догоняет какой-то человек. Он набросился на тебя сзади, а потом сорвал кошель с пояса.

— Где он?

— Думаю, ему сейчас хуже, чем тебе. Смотри...

Соня приподнялась на локте и увидела человека, лежащего в луже крови.

— Я боялся, что не справлюсь с ним, поэтому ударил камнем. По-моему, он умер. Я никогда не думал, что убить человека так просто... Раз — и все! Как трудно вдохнуть жизнь в картину, и как, оказывается, легко отнять ее у человека... Я не хотел его убивать! Но все произошло так быстро. Ты стала задыхаться. Я испугался...

— Ты правильно поступил. Убивать страшно только в первый раз. Потом привыкаешь. Ко всему можно привыкнуть.

— Ты его знаешь?

— Да. Это Шера, слуга Лураса. Он подслушивал за дверью, когда Лурас передал мне деньги. Не расстраивайся, этот человек — хуже собаки.

— Твои деньги зажаты у него в руке, я не мог...

— Ты боишься покойников? Какой ты смешной, — ласково сказала девушка.

Она встала, подошла к мертвому мужчине, наступила ему на руку ногой и выдернула из сжатых пальцев свои деньги. Мешочек был перепачкан кровью, но Соня не обратила на это никакого внимания и бережно прикрепила его на прежнее место.

— Спасибо, тебе за помощь, но мне пора.

— Ты себя хорошо чувствуешь? — с опаской спросил Эарен. — Тебя ведь только что чуть не убили!

— Деньги со мной, а значит, я себя чувствую отлично! Кстати, хотела спросить, почему ты не взял мешочек с деньгами себе? Шера был мертв. Я без сознания. О тебе, вообще, никто ничего

здесь не знает. Ты бы мог спокойно скраться с деньгами. Здесь огромная сумма...

— Но ведь они же твои!

— А ты славный парень! Мне будет жаль, если с тобой что-нибудь случится. Знаешь, вполне возможно, что это Лурас послал Шеру убить меня. Поверь, с такими деньгами люди расстанутся с большой неохотой. Может быть, тебе не стоит туда идти?

— Я должен.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Я бы хотел, чтобы ты осталась со мной навсегда!

— Извини, но я не могу. Мне пока нельзя ни с кем связывать свою жизнь. Я чувствую, мое предназначение в чем-то другом...

— Тогда, прощай!

— Прощай.

— Вот увидишь, я стану знаменитым! Ты веришь в меня?

— Жизнь покажет, — улыбнулась Соня. — Удачи тебе.

— И тебе удачи...

Соня взмахнула рукой, резко повернулась и быстро пошла к рыночной площади. Когда она обернулась, то увидела, что Эарен все еще стоит на дороге и смотрит ей вслед...

* * *

Соня сидела верхом на прекрасном вороном жеребце. Коня и удобную одежду она купила на

Аренджунском базаре, а из старых вещей взяла с собой только оружие, с которым старалась никогда не расставалась. Соня въехала на Корхскую возвышенность, самую высокую часть города, и осадил коня. Отсюда весь Аренджун просматривался, как на ладони. Соня с грустью смотрела надворец Ксерсосу. Обычно ее не мучили угрызения совести, но сейчас, когда она думала о Марике, сердце почему-то щемило. Дочь Ксерсосу считала ее своей лучшей подругой, а Соня ее предала, обокрала отца и сбежала, даже не попрощавшись. «Это жизнь, Марика, и я тебе преподаю урок, так пусть же он пойдет тебе на пользу!» — прошептала Соня, как будто Марика могла ее услышать. Она в последний раз обвела город взглядом, потом прищипнула коня и помчалась вдаль, к той черте, где небо соприкасалось с землей. Она подгоняла коня, потому что, пока не стемнело, хотела уехать подальше от Аренджуна. В кошельке на поясе приятно позвякивали деньги, и она не сомневалась, что самое интересное ее ждет впереди...

Часть вторая Воительница

В тех пор прошло семь лет. Соня давно не вспоминала о приключениях, которые случились с ней в Аренджуне. За последние годы в ее жизни произошло столько событий, что дни, проведенные в этом южном городе, практически стерлись из памяти. И вот опять судьба занесла Соню в те края. В Аренджуне девушка должна была встретиться с братом, но Эйдан задерживался, и Соня отправилась праздно бродить по городу.

Тогда, семь лет назад, говоря Марике, что она круглая сирота, Соня не лгала. Девушка была уверена, что вся ее семья погибла, и только она одна чудом осталась жива. Каково же было ее удивление и радость, когда в предводителе гирканского войска она узнала своего любимого брата. Хотя теперешний Эйдан — решительный и дерзкий красавец, с сильным мускулистым те-

лом, с легкостью гнувший голыми руками железные пруты, очень мало походил на того тихого, застенчивого мальчика, с которым они росли в родительском доме...

* * *

Внезапно Соню кто-то окликнул по имени, девушка отогнала нахлынувшие воспоминания и повертела головой, но не увидела знакомых и продолжила путь, решив, что ослышалась.

— Соня, это ведь ты! Я тебя узнала. И не думай отпираться! — дорогу ей преградила темно-волосая, полнеющая девушка, в красивом дорогом платье. Что-то в ее черных глазах показалось Соне знакомым. — Ты меня не узнаешь?! Да, я знаю, что ужасно растолстела... А ты совсем не изменилась. Такая же стройная и красивая!

Марика! Конечно, это Марика, как же она сразу не узнала?! И опять откуда-то изнутри поднялось забытое чувство вины.

За давностью лет они ничего не смогут доказать. Пусть Ксерсос зовет хоть самого короля! Ее никто не поймал за руку, когда она пыталась выкрасть картину, значит, они ей ничего не смогут сделать...

— Соня, я все знаю!

— Что ты знаешь?

— Я знаю, что Аржун приставал к тебе. Утром его нашли спящим, прямо на земле, у стены. В кулаке он держал клочок от твоего платья. Я сразу узнала эту ткань. Он был настолько

пьян, что не мог вспомнить, что делал накануне. Мы тебя искали, очень долго, но ты как сквозь землю провалилась. Представляю, что ты чувствовала тогда!.. Если бы ты знала, как мы сами страдали от диких выходок моего дядюшки! Знаешь, ведь нас в тот день обокрали... Вынесли почти все из папиной сокровищницы...

— Мне очень жаль.

— Это сделали дружки Аржуна. Только до сих пор не представляю, как они смогли взломать замок. Представляешь, эти ребята были настолько пьяны, что даже не удосужились как следует спрятать вещи. Они свалили все за стойку в таверне, которой владеет один из их дружков. Взяли вина, напились, и прямо там и заснули. Мы нашли практически все вещи, кроме одной. Пропала картина великого Анхело. Увы, тебе на нее так и не удалось посмотреть... Это был замечательный портрет. Возможно, грабители обронили его по дороге, а кто-то подобрал. Папа очень расстроился. Он предлагал громадное вознаграждение тому, кто отыщет картину, но портрет как будто растворился в воздухе...

— И никто не видел, как из сокровищницы выносили вещи? — Соня решила, что должна изобразить на лице удивление.

— Знаешь, в этот день произошло столько всего странного... Казначей Гарф чуть не сошел с ума. Он уверял, что видел лохматых чудовищ, которые носились по дворцу, и рвался спасать какую-то прекрасную фею. С большим трудом его удалось уложить в постель...

Вспомнив Гарфа, Соня с трудом подавила улыбку.

— Что же это мы на улице стоим! — вдруг воскликнула Марика. — Пойдем скорее к нам!

— А что на это скажет твой отец?

— Он умер.

— Извини, я не знала.

— Теперь я хозяйка дворца.

— Когда-то ты хотела из него убежать...

— Да, теперь об этом смешно вспоминать. А помнишь, мы увлекались стихами Мариция?..

— Да, конечно.

— Представляешь, я все-таки разыскала его!

— И он разбил твое сердце?

— Мариций оказался глупым, похотливым стариком. Увы, угасла еще одна моя детская мечта. Я все больше становлюсь похожей на отца. Собираю, как и он, различные диковинные вещи. Отец очень переживал, когда пропал портрет кисти Анхело. Он до конца своей жизни разыскивал работы этого мастера. Он был готов заплатить за них любые деньги, но никто и нигде не слышал о таком художнике. А мне повезло. Я нашла на след и скупил практически все его работы. А недавно мне удалось узнать, где живет сам великий мастер. Я набралась смелости и пригласила его в гости. И знаешь, он мне ответил. Со дня на день он должен приехать. Если захочешь, я тебя с ним познакомлю.

— Ну, хорошо, — согласилась Соня. — Эйдан вряд ли появится раньше завтрашнего вечера, а

значит, я могу немного побыть во дворце и посмотреть на твои удивительные картины...

— Я так рада! Ты мне расскажешь о том, как провела эти годы. Мы будем болтать, как в старые добрые времена! — И Марика потянула Соню к воротам дворца.

За семь лет здесь ничего не изменилось, хотя это и естественно: строения живут долго, их жизнь отмеряется не годами, а столетиями, и какие-то семь лет в жизни дома, это все равно, что мгновение в жизни обычного человека...

Стражники вытянулись по стойке смирно, приветствуя Марику и ее гостью, и девушки вошли внутрь. По мраморной лестнице стремительно спускался красивый, богато одетый молодой человек.

— Марика, как хорошо, что я тебя застал! К сожалению, я должен срочно отбыть в родные края... В порту меня ждет корабль. Мне даже пришлось отменить встречу с наместником. Извинись перед ним за меня.

— Очень жаль...

— Мне хотелось сделать тебе маленький подарок, — с этими словами красавец хлопнул в ладоши, и мгновенно возле него появился маленький человечек с темным лицом. Человечек держал на подносе маленькую бархатную шкатулку. Красавец открыл шкатулку и надел на палец Марики перстень с огромным бриллиантом.

— У меня, увы, нет подарка для твоей очаровательной знакомой... Хотя... — он сорвал булав-

ку с изумрудом, скреплявшую его плащ, и вручил ее Соне. — Она пойдет к твоим глазам!

— Но я не могу ее принять, — попыталась возразить Соня... однако мужчина уже, словно вихрь, пронесся мимо, и вскоре она услышала ржание лошади и топот копыт.

— Кто этот богач? — спросила Соня.

— Это кофийский принц Гьорг. Он прибыл с важной миссией в Замору, и я уговорила его немного погостить в моем дворце.

— Мне кажется, я его где-то видела раньше...

— Вряд ли. Прежде он никогда не выезжал из своего княжества. Представляешь, он в детстве очень сильно заболел. Он просто угасал, и самые великие врачи не могли понять природу его болезни. Смерть Гьорга была настолько очевидна, что приближенные уже во всю боролись за власть. Но произошло чудо. Мальчик не просто выжил, он полностью поправился и превратился в прекрасного юношу и мудрого правителя.

— Звучит, как чудесная сказка.

— Да, но это самая настоящая правда. Ну, пойдем скорее, мне не терпится показать тебе картины. Я не держу их, как отец, в сокровищнице, они просто висят на стенах...

Марика пропустила гостью вперед, и Соне показалось, будто в коридоре множество гостей. Девушка не могла ничего разглядеть, но словно бы чувствовала присутствие живых существ, их дыхание, тепло исходящие от их тел... Но в этот момент Марика зажгла свечи, и оказалось, что вокруг никого нет, только картины.

Соня остановилась у первого портрета. На нем была изображена молодая женщина со сверкающей белозубой улыбкой. Было полное ощущение, что женщина находилась в нише, выдолбленной в стене, и все что окружает ее — стулья, вазы, занавеси — тоже настоящее. Можно сделать шаг, и оказаться там — подвинуть стул, приложить к себе шелковую ткань. Соня не удержалась от искушения и отодвинула картину от стены... Нет, картина была плоской, а за ней находилась глухая ровная стена...

— Я тоже первое время все заглядывала за картину, как маленькие дети заглядывают за зеркало. Иногда я прихожу сюда и разговариваю с теми, кто изображен на полотнах, настолько они кажутся мне живыми. Но они, увы, молчат... Соня, если ты каждую картину будешь рассматривать так долго, мы ничего не успеем!

Соня отвернулась от картины и сделала шаг чтобы перейти к следующему портрету, но в этот момент ей показалось, что женщина на портрете зашевелилась. Девушка скорее вернулась обратно. Нет, показалось — женщина находилась все в той же позе...

Соня никак не могла отогнать от себя мысль, что где-то видела эту женщину, но не могла вспомнить где. Что же это с ней сегодня происходит — везде мерещатся знакомые?! Хотя за эти семь лет она столько странствовала, судьба сводила ее с разными людьми, всех не упомнишь...

Соня перевела взгляд в нижний угол портрета, и увидела подпись художника: «Анхело» —

да, то же самое, что и на картине, которую она украла.

Соня перешла к следующему полотну. На нем была изображена маленькая пухленькая девочка. На ее щечках играли очаровательные ямочки. Девочка сидела на ковре и протягивала ручки к маленькому пушистому котенку. На одной ножке был надет красный башмачок, второй валялся рядом на ковре, — видимо, девочка не успела его надеть, а увидела котенка и отвлеклась. Откуда-то Соне было известно, что рядом с ребенком стоят счастливые родители и с умилением смотрят на свое чадо. Родители не были изображены на картине, но Соня могла с уверенностью сказать, где они находились в тот момент. Эта девочка тоже пробудила в Соне какие-то смутные воспоминание. У нее опять появилось ощущение, что она видела этого ребенка раньше, и опять она не смогла вспомнить, где именно. Раньше такого с Соней не случалось. У нее была прекрасная память на лица, и стоило ей увидеть кого-нибудь хотя бы один раз, она запоминала этого человека на всю жизнь...

Соня переходила от портрета к портрету и не переставала восхищаться. Все картины были удивительно хороши. И на всех в углу небольшими, наезжающими друг на друга буквами было написано — «Анхело».

— Да, этот Анхело удивительный художник. Я никогда не думала, что картины могут передавать жизнь с такой достоверностью, — произнесла Соня.

— А я что говорила!

— Интересно, какой он из себя?

— Не знаю. Думаю, что он немолод. Чтобы достичь такого совершенства, надо много работать.

— Жаль, что я не увижу его, — вздохнула Соня.

— Но может быть, ты останешься, хотя бы на несколько дней.

— Не могу, меня ждут важные дела.

— Жаль, но я все равно очень рада, что встретила тебя. Сейчас я покажу тебе твою комнату. Ты, наверное, устала, и хочешь прилечь... Ну, а завтра мы запремся в моей спальне, и будем говорить, говорить, говорить...

* * *

Соне не спалось. Когда она окончательно поняла, что не заснет, то завернулась в шаль и тихонько выскользнула из своей комнаты. Она пробралась в тот коридор, где висели картины, и опять у нее появилось ощущение, что она здесь не одна. Соня зажгла свечу. Люди на картинах казались живыми, сейчас еще больше, чем днем. Соне стало страшно. «Глупая, это же просто картины», — попыталась она себя успокоить, и ей это почти удалось. Но все же чувство опасности не покидало девушку.

Соня опять подошла к портрету смеющейся женщины. Где же она видела это лицо? Такое лицо и такую улыбку просто невозможно за-

быть, — ну почему же она не может вспомнить?! Сонин взгляд скользил по картине, и наконец задержался на изящном столике, на котором стояла серебряная ваза. Вазу украшал вензель из переплетенных лавровых ветвей, окружавший семиконечную звезду. Такой же знак был на гербе одной давней Сониной знакомой — немедийской графини Актории. Неужели Актория была когда-нибудь такой, как на портрете, или художник, ради того чтобы картина восхищала зрителей, полагался в основном на свое воображение? Если портрет казался живым, то настоящая Актория, насколько помнилось Соне, была скорее похожа на живой призрак. Она продолжала есть, двигаться, дышать, но происходило это все как-то по инерции. В глазах Актории всегда читалось безразличие.

Девушка перешла к следующему портрету. Невозможно было не улыбнуться, глядя на очаровательную девчушку, но Сонины губы не успели расплыться в улыбке. Она вспомнила этого ребенка, и холодок пробежал по ее спине. Совсем недавно Соня была в Ианте. Девушка ездила по поручению брата к Фаргу, хранителю Талисмана Победы. По преданию, Талисман приносил удачу в бою, а Эйдану удача была просто необходима...

Численность пиктов — этих диких варваров, намного превосходила гирканское войско. Они, как саранча, налетали на Хайборию, грабили и сжигали дома, и убивали людей. С каждой битвой войска Эйдана редели, предводитель терял

лучших воинов, а боги как будто отвернулись от них, и не спешили помогать. Только Талисман Победы — солнце, пронзенное стрелой — мог вселить веру в измученное войско Сониного брата. Но Талисман нельзя было отобрать силой или хитростью. Владелец золотого солнца должен был отдать его с радостью, и сам произнести заклинание, желая победы тому, кому будет служить Талисман.

Фарг очень тепло принял сестру вождя, и Соня не сомневалась, что ей удастся убедить хранителя передать Талисман Эйдану. Ораторским мастерством девушка владела гораздо лучше брата. Она знала, что Офир, точно так же, как и граничащие с ним государства, страдает от набегов пиктов. И Соня надеялась доказать хранителю, что только гирканское войско сможет избавить его страну от разорения.

— Наверно, ты права, красавица, — согласился Фарг, — но я ничем не могу тебе помочь. Я стар и больше не являюсь хранителем Талисмана. Я передал его и всю власть над ним моему сыну Иолку, но он вряд ли захочет тебе помочь...

— Но почему? Разве он не хочет, чтобы у жителей Офира была спокойная, богатая жизнь, чтобы у них было вдоволь еды, и они не боялись, что их дома сожгут, а дочерей угонят на запад?

— Его дочь не угонят на запад. Его единственная дочь больна. Она медленно умирает, угасает, как огарок свечи. Иолк ее безумно любит,

и теперь как будто помешался. Он не отходит от постели дочери, и ни о чем больше не может говорить. Я провожу тебя к нему, но не думаю, что твои речи что-либо изменят...

Дочь Иолка действительно умирала.. Девочка была похожа на тень, худенькая, почти прозрачная, кожа у нее стала желтой, а под глазами залегли черные круги. У ребенка даже не было сил встать с кровати, она так и лежала целыми днями, как маленькая старушка. Никогда Соня не забудет ее родителей, обезумевших от горя.

Глаза Иолка были красными от слез, а руки мелко дрожали. Его не интересовало то, что тысячи детей в Офире и в других государствах на западе Хайбории были зарублены мечами пиктов... Иолка интересовала жизнь только собственной дочери, и он не желал говорить ни о ком другом...

Соня вглядывалась в портрет девочки. Да, это она, это ее черты, — только как же безжалостно с ними обошлась болезнь!.. И вдруг Соню кольнуло дурное предчувствие. А что если портрет забирает энергию у реального человека? Портрет кажется живым, а человек, который позировал, постепенно умирает... Соня прижала руки к вискам, закрыла глаза и сосредоточилась изо всех сил. У нее было ощущение, что она упустила что-то очень важное. Она стала переходить от картины к картине, ища подтверждения своей догадки. Тот юноша, который ей подарил изумрудную булавку... ей необходимо вспомнить, где она могла видеть его раньше!..

* * *

— Соня, что ты здесь делаешь? Почему не спишь? Я услышала шаги, и если честно, то испугалась. Не поверишь, первое время, когда эти портреты появились в моей галерее, меня не покидало ощущение, что они живые, и когда я не вижу, они покидают свои холсты и сходят на пол. Я даже по ночам прибегала сюда, хотелось застать их врасплох. Но увы... Представляешь, что я почувствовала, когда услышала шаги?!

— Нет, все в порядке. Все картины на своих местах. Мне просто не спалось.

— Они удивительные, правда?

Соня кивнула.

— Мне даже не верится, что скоро я сама соприкоснусь с этим чудом! Я тебе не сказала, — Анхело обещал написать мой портрет!

— Ты будешь позировать для Анхело?

— Да! — Глаза Марики лучились от счастья.

— Мне кажется, что не стоит этого делать...

— Да ты что? Анхело так занят, у него столько заказов, но он любезно согласился приехать сюда, чтобы написать мой портрет. Я так давно мечтала об этом! Как же я могу ему отказать?

— Не знаю, но в этих картинах, есть что-то, что меня пугает.

— Людей всегда пугает все новое, и они склонны объяснять это колдовством и черной магией. Анхело просто очень хороший художник. Он необычайно талантлив — и в этом все дело. Может быть, когда-нибудь он откроет свою

школу и будет передавать свои знания и умения молодым, и тогда таких картин станет много, и они уже не будут никого удивлять... Если честно, я бы не хотела, чтобы это случилось слишком рано. Мне нравится осознавать, что у меня самое большое собрание живых картин. Скорее бы настало завтра! Жаль, что ты должна уехать, и не сможешь повидаться с ним!..

— Пожалуй, я никуда не поеду, — медленно произнесла Соня. Она чувствовала, что Марике грозит опасность, и решила на этот раз сделать все возможное, чтобы ей помочь. — Я думаю, мне удастся уговорить брата поехать без меня. Я догоню его в пути. Мне тоже ужасно захотелось познакомиться с этим художником.

— Я так рада! — воскликнула Марика.

* * *

Утром Соня поехала навстречу с братом. Разговор предстоял трудный. Как долго девушка уговаривала брата взять ее с собой, и вот, когда Эйдан согласился, она сама отказывается от участия в походе... Но Эйдан не стал спорить с сестрой и даже ничего не спрашивал. По выражению ее лица, он понял, что кому-то необходима Сонина помощь, и просто пожелал ей удачи.

— Ты сможешь нас догнать, когда справишься со своими делами. — Он расстелил на столе карту и отметил маршрут, по которому они собирались пройти. Если все пойдет нормально, то через седмицу мы будем в Немедии.

* * *

Соня пыталась разобраться в своих чувствах. Почему она несется во дворец, когда должна быть рядом с братом? Она должна быть вместе со своим народом... но какое-то предчувствие беды не давало ей повернуть назад. Она вбежала на второй этаж и увидела, что Марика беседует с каким-то незнакомцем. У мужчины были длинные волосы и черная кудрявая борода. И опять Соню пронзило чувство, что где-то она уже видела этого человека.

— Соня, как хорошо, что ты вернулась! Познакомься, это тот самый знаменитый художник...

Незнакомец обернулся, и Соня встретила взглядом с его черными, как уголи, глазами.

— Эарен? — удивлено пробормотала девушка.

— Анхело, — художник улыбнулся, показывая свои жемчужно-белые зубы, и протянул девушке руку с длинными пальцами.

— Я тебе столько говорила о нем, как ты могла забыть? — удивилась Марика.

— Я, наверно, обозналась, — тихо сказала девушка, хотя сомнений у нее не было, — это тот самый парень из бедной мастерской, и никакая борода, и никакая одежда не сделают его неузнаваемым. Только у Эарена были такие горящие глаза и такие нервные пальцы... но почему же он скрывает свое имя?

— Неудивительно, что ты обозналась, — продолжала шептать Марика. — Мы ведь представ-

ляли, что Анхело — старик, убеленный сединами, а он оказался молодым, красивым юношей, — при этих словах Марика покраснела. — А это моя подруга Соня. Соня, представляешь, Анхело готов начать писать мой портрет уже сегодня!

— Нет! — вырвалось у Сони.

— Соня, что с тобой?

— Я подумала, что твой гость приехал изда- лека, он устал с дороги, — вмиг спохватилась та. — Разве любезно сразу заставлять его работать? Пусть он отдохнет несколько дней.

— Нет, что ты! Работа для меня — лучший отдых. И потом, я не могу задерживаться надол- го, меня ждут. Я восхищен твоей подругой, Со- ня. В ее коллекции моих картин гораздо больше, чем у меня самого. Я заканчиваю свои работы, и они начинают жить своей жизнью. Если честно, то я впервые вижу столько своих картин вместе. Хочу признаться, что получил истинное удо- вольствие, находясь в этой галерее, как будто встретился со старыми, добрыми друзьями. Спа- сибо тебе, Марика, — он поцеловал девушке ру- ку. — Знай, что я готов в любой момент присту- пить к работе над твоим портретом. И пусть этот портрет будет моим подарком.

— Ты очень добр, — сказала Марика, смутив- шись.

— Анхело, ты первый раз в Арэнджуне? — Соня перехватила инициативу в свои руки.

— Да, я не был здесь раньше, — медленно произнес художник, но по взгляду, который об- жег ее лицо, Соня поняла, что Эарен тоже ее уз-

нал, но почему-то делает вид, что видит впер- вые.

Здесь есть какая-то тайна. Нет сомнений, что это *его* картины, — но как же всего за несколько лет из полной посредственности он стал гени- альным художником?! Значит, ему все-таки уда- лось узнать секрет великого мастера? Но что же тогда случилось с настоящим Анхело? Вопросы теснились в Сониной голове, но она понимала, что сама не найдет на них ответа. Ей надо пого- ворить с Анхело-Эареном. Если он не захочет рассказать ей обо всем по-хорошему, она сумеет вырвать у него признание силой!..

А в это время Анхело что-то воодушевлено рассказывал Марике. Соня видела, что подруга очарована новым гостем.

— Ты можешь работать в зале, на втором эта- же. Там шесть окон, и будет достаточно света. Пойдем, я покажу... — голос Марики оторвал Соню от мрачных мыслей. Думать было некогда, нужно действовать прямо сейчас. Нужно во что бы то ни стало оттянуть момент, когда Марика останется с этим странным человеком наедине.

— Анхело, раз ты первый раз в Арэнджуне, тебе обязательно нужно осмотреть этот город! Я тебя уверяю, такой красоты нет нигде во всем мире! Тебе, как художнику, просто необходимо увидеть все своими глазами...

Анхело хотел отказаться, но Соня уже под- хватила его под руку и потащила вниз.

— Соня, у нас были совсем другие планы! — попыталась возмутиться Марика.

— Марика, если тебе не хочется гулять, ты можешь подождать нас дома.

— Нет, я поеду с вами, — Марика была уже не рада тому, что уговорила Соню остаться.

Соня надеялась, что ей удастся поговорить с художником наедине, но он как будто избегал ее общества, да и Марика все время следовала за ними, не оставляя их ни на мгновение вдвоем. Весь ее вид как бы говорил: «Это мой гость, и ты не имеешь никакого права уводить его от меня!»

Анхело ничем себя не выдал. Он восхищался достопримечательностями, как будто видел их в первый раз, и даже сделал несколько набросков на листках пергамента.

«Может быть, я правда обозналась, — ругала себя Соня, — и это не Эарен вовсе?! Просто замок Ксерсоса пробудил мои воспоминания, и мне теперь постоянно мерещатся знакомые люди... А Анхело — он даже говорит с акцентом. Конечно, он чужеземец. Он просто похож на Эарена, и в этом нет ничего странного. У него такие же удивительные глаза. Ну и что? Возможно, все художники так смотрят на мир, пытаясь вобрать его в себя без остатка, чтобы потом выплеснуть все, что они накопили, на холст...» Но Соне не удавалось себя успокоить. Чувство тревоги не покидало ее, и она, несмотря на жалобы Марики, которой хотелось скорее вернуться домой, потащила своих спутников смотреть развалины Эфейского храма.

Когда молодые люди вернулись во дворец,

Марика с удовольствием опустила в кресло и вытянула уставшие ноги.

— Я сейчас прикажу подавать обед, — сказала она, — а после трапезы буду готова позировать для картины.

— Очень хорошо, — улыбнулся ей Анхело, и Соне в его улыбке почудилось что-то зловещее.

— Ты хочешь выглядеть на картине измученной и уставшей? — спросила Соня.

— Нет, а в чем дело? — испугалась Марика.

— Ты посмотри на себя в зеркало. На тебе же лица нет! Эта прогулка слишком утомила тебя, и я думаю, что тебе надо обязательно отдохнуть после обеда, никак не меньше двух часов.

— Не слушай ее, Марика. Ты выглядишь просто замечательно, — возразил Анхело, но Марика уже щелкнула пальцами, и девочка-служанка принесла своей хозяйке зеркало в тяжелой серебряной раме.

— К сожалению, Соня права. Я действительно ужасно выгляжу, — признала Марика, отдавая зеркало. — Мы могли бы приступить к работе над картиной после ужина.

— Будет слишком темно. Ладно, не расстраивайся, отложим до завтра.

— Ты очень мил. А сейчас прошу всех в столовую.

— Правда, прогулка была великолепной?! — воскликнула Соня, но Марика одарила ее таким взглядом, что Соня тут же замолчала.

«Ладно, пусть Марика меня сейчас ненавидит... Главное, сегодня Анхело не будет писать ее

портрет, а значит, ее жизни ничего не угрожает!» Соня решила ночью пробраться в комнату художника и поговорить с ним начистоту. А если он окажется слишком забывчивым, ее острый нож поможет ему освежить память.

Когда стемнело, и на небе одна за другой стали зажигаться искорки звезд, Соня выскользнула из-под одеяла, спрятала в рукаве нож и тихонько направилась к комнате художника.

Соня постучала в дверь и прислушалась. Тишина. Она постучала громче. Опять ничего. Девушка нагнулась и заглянула в замочную скважину. Анхело не спал. Он сидел на кровати в красивом, расшитом золотом халате. Похоже, он так и не ложился.

— Анхело, — позвала она. — Анхело, это я, Соня. Открой!

Но художник и не думал пускать ее к себе.

«Ну, ничего, мы еще посмотрим кто кого!» Соня достала из рукава нож. Такие замки не представляли для девушки никакой сложности...

— Соня, что ты здесь делаешь?! — услышала она над ухом испуганный голос. Она подняла голову и увидела, что в коридоре стоит Марика. На девушке была шелковая ночная рубашка, а черные распущенные волосы украшала бриллиантовая диадема. — Он мой гость, мой! Ты это понимаешь?

Соня медленно выпрямилась, судорожно придумывая, что бы ответить. В хорошенькое же положение она попала — хозяйка дома застала ее на месте преступления!

— Понимаешь, — начала Соня, — мне что-то не спалось, я вышла подышать воздухом, как вдруг услышала стоны, доносящиеся из комнаты Анхело. Я подумала, что художник мог плохо себя почувствовать — творческие люди иногда тяжело переносят перемену мест, они слишком впечатлительны... Я подошла к его двери и постучала, но ответа не последовало, тогда я постучала сильнее и опять услышала стон. Я испугалась, что с твоим гостем что-нибудь случилось, и ему нужна помощь, и тогда я попыталась открыть дверь... Ну, а дальше ты знаешь.

Марика смотрела на Соню с нескрываемым недоверием, но тут из-за двери действительно послышался стон.

— Вот видишь! — произнесла Соня, хотя была удивлена не меньше подруги.

Марика кинулась к двери и принялась барабанить в нее кулачками.

— Анхело! Что с тобой, Анхело? Открой!

Через мгновение дверь открылась. Их взору предстал заспанный художник. Одной рукой он придерживал на груди полы халата, другой тер глаза.

— Что-нибудь случилось? — спросил он, зевая

— Нам послышалось, что ты стонал, — растерялась Марика.

— Возможно. Мне приснился плохой сон. Наверное, я слишком плотно поел за ужином. Марика, у тебя великолепный повар, но для здоровья иногда бывает лучше, когда пища не такая вкусная.

Соня взглядом поблагодарила художника за то, что он ей подыграл, и поспешила ретироваться. Марика сейчас ничего не замечала, кроме гостя, которого боготворила, и Соня, не прощаясь, направилась в свою комнату.

«Марика опять влюбилась в очередного гения, — подумала Соня, засыпая. — Надо же, за семь лет она совершенно не поумнела!..» Желание спасти Марику у Сони пропало. Но художник... Что он за человек? Уехать, не узнав его тайну, было не в правилах рыжеволосой искательницы приключений.

* * *

— Анхело, а ты рисуешь только людей? — спросила Соня за завтраком. — Мог бы ты изобразить, например, цветы? У меня в комнате стоит замечательный букет. Пойдем, я покажу.

— Соня, о чем ты? — удивилась Марика, но Соня уже схватила Анхело за руку и потянула его за собой. Рядом семенила ничего не понимающая хозяйка.

— Смотри, какие великолепные цветы! Я сама их собрала и поставила в вазу.

— Соня, — укоризненно сказала Марика, — Анхело — гений, и не должен заниматься такими пустяками!

— Но для гения ничего не стоит изобразить мой букет. Несколько мазков — и все! Анхело, разве тебе трудно? — на глазах у Сони появились слезы.

— Но я, право, не знаю... — растерянно пробормотал Анхело.

— Не слушай ее, Анхело! — кипятилась хозяйка дворца.

— Неужели ты для меня не сделаешь такую малость? — Соня улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой. Когда она так улыбалась, ей никто не мог отказать. — Я хотела подарить эти цветы Марике, но ведь букет вскоре завянет, а если ты запечатаешь их на холсте, то наш подарок останется навсегда.

— Ну, хорошо. Букет действительно очень красив. Только у меня одно условие: когда я работаю, мне никто не должен мешать.

* * *

Соня смотрела на новую картину. Она была прекрасна, как и все другие, выходившие из-под кисти великого мастера. Удивительно, но картина не пахла красками. Соня привстала на цыпочки, и ей показалось, что она уловила нежный цветочный аромат, исходящий от картины.

На лепестках дрожали капельки росы, а около одного цветка завис шмель. Соня не удержалась и махнула рукой, чтобы его согнать, но рука ударила о холст.

«Эта картина просто околдовала меня», — пробормотала девушка и тряхнула головой.

Она подошла к настоящему букету.

«Удивительно, — подумала Соня, — я сорвала эти цветы три дня назад, а они выглядят таки-

ми свежими, как будто их срезали только что. Выходит, написание картины им совершенно не повредило. Значит, я что-то напутала в своей теории. Может быть, я зря нервничаю и треплю нервы Марики? Анхело просто гениальный художник...»

И все-таки какое-то дурное предчувствие не давало Соне покоя. Ее взгляд упал на пол, и она увидела мертвого шмеля. Почему-то девушка была уверена, что это тот самый шмель, изображенный на картине.

«Глупости все это! — сказала себе девушка. — Шмели долго не живут. Да и мало ли шмелей летает по саду и залетает в окна?! К тому же все эти насекомые удивительно похожи друг на друга...»

Соня еще раз посмотрела на картину, потом на букет, стоящий на столе. С первого взгляда, они казались совершенно одинаковыми — пять ромашек, семь анютиных глазок и три метелочки хорса... Но Соня почувствовала какую-то еле уловимую разницу. Не придумав ничего лучше, она стала пересчитывать лепестки у ромашек. Если бы кто-нибудь сейчас зашел в комнату, то решил бы, что девушка тронулась умом. Она и сама понимала, что это глупо. Художник же не обязан в точности копировать объект... но почему-то все больше и больше в ней росла уверенность — это другие цветы.

Что же делать, как же ей доказать свою правоту?

Девушка выскочила во двор и бросилась к

мусорной куче. Она взяла длинную палку и стала осторожно перебирать мусор. Есть! Она увидела пять сорванных ромашек, семь анютиных глазок и три метелочки хорса. Цветы не просто завяли, было такое ощущение, словно какая-то невидимая сила выкачала из них все жизненные соки. У цветов остались только белесые оболочки, а внутри они казались абсолютно пустыми.

Соня хотела собрать цветы, чтобы показать их Марики, но растения при прикосновении рассыпались в пыль.

Значит, Анхело действительно обладает какой-то волшебной силой, которая забирает энергию у всего живого, что появляется на холсте...

На вещи эта сила не распространяется. Стакан как стоял на столе, так и продолжает стоять, а люди, растения, мухи, наконец, начинают чахнуть и, в конце концов, умирают.

«Анхело — убийца, и его необходимо остановить! Но ведь мне никто не поверит!»

Соня отряхнула руки от цветочной пыли.

«Конечно, я могу его убить, — рассуждала про себя девушка, — но это невозможно сделать незаметно. Марика не на миг не отходит от своего кумира...»

Быть повешенной за преднамеренное убийство Соне вовсе не улыбалось. И потом, люди, у которых он забирал жизненную силу... многие из них еще живы, только их сила живет отдельно от них, в картинах висящих в галерее. Может быть, этих людей еще можно спасти, и кто, кроме Анхело, способен на это?!

* * *

Соня вернулась в замок. В коридоре третьего этажа у окна она увидела Марику, мило беседующую с художником. Анхело стоял к Соне спиной, но по тому, как лицо Марики заливалось розовой краской, Соня догадалась, что живописец говорит хозяйке комплименты.

— Соня, куда же ты пропала? — спросила Марика, заметив гостью. — Мы искали тебя в музыкальной зале и в библиотеке...

— Я гуляла по саду. Сегодня чудная погода.

— А мы с Анхело... — начала было Марика, и Соня почувствовала, что, пока не поздно, надо брать инициативу в свои руки.

— Знаешь, я хотела тебе сказать, что мы с Анхело играли в кости на желание, и я выиграла.

— Что же ты пожелала? — настороженно спросила хозяйка.

— Я попросила Анхело написать вначале мой портрет. Ведь мне надо вскоре уезжать, а ты, Марика, можешь проводить со своим гостем сколько угодно времени...

— Анхело? Почему ты мне ничего не сказал? — краска отлила от лица Марики.

— Я... — Анхело хотел было возразить... но внезапно почувствовал, что в его спину упирается лезвие ножа. — Понимаешь... — Соня нажала сильнее. — Твоя подруга очень хорошо играет в кости, а еще она умеет убеждать. Я думаю, написание ее портрета не займет много времени.

— Конечно. Я сама хотела тебя попросить изобразить Соню. Она такая красивая! — в глазах у Марики блеснули слезы, и она поспешила скрыться в своей комнате.

— Ну что, пойдем в мастерскую? — Соня спрятала в рукав нож и, как ни в чем не бывало, улыбнулась художнику.

— Что тебе от меня нужно? — спросил мастер, закрывая за собой дверь.

— Я хочу знать, кто ты такой?

— Зачем же угрожать ножом? Разве я скрываю это? Я художник... почему-то это понятно всем, кроме тебя.

— Ну, вот и хорошо. Раз ты художник, то тебе не составит большого труда написать мой портрет. Ни разу не позировала художникам. Хотя нет, один раз случилось. Не так далеко отсюда, в маленькой мастерской работал никому не известный юноша. Но, увы, он порвал мой портрет, так что тот раз не считается.

— Ты лучше помолчи, а то работать мешаешь. Сядь ровно и наклони голову немного вбок!

...Соня была уверена, что она что-нибудь заметит. Но ничего не происходило. Художник спокойно накладывал мазки на холст, а Соня не замечала никакого колдовства. Неужто она ошиблась, и Анхело просто хороший художник?..

— Ну, скоро? — нетерпеливо спросила девушка.

— Да, почти готово.

Девушка подошла к художнику и посмотрела на холст.

— Что это?

— Твой портрет.

— Издеваешься? Даже я, наверно, могла бы нарисовать лучше.

— Это все потому, что ты заставила меня. Хороший художник не может писать без вдохновения.

— Хороший художник не может писать плохо, он отражает жизнь. Ты не тот, за кого себя выдаешь! Ты не Анхело, и рисовать не умеешь!

— Не умею?! Ну, хорошо. Ты сама этого хотела... Займи свое место.

Глаза Анхело стали какими-то безумными. Огненный взгляд пригвоздил Соню к креслу, и художник, не отрывая от девушки своих черных глаз, принялся с невероятной быстротой смешивать краски и наносить их на холст. И тут Соня почувствовала нечто ужасное. Ей показалось, что какая-то неведомая сила подхватила ее и пытается затащить за холст. Инстинктивно девушка ухватилась за поручни кресла, хотя прекрасно понимала, что с ее оболочкой ничего не происходит, — холст забирает нечто у нее изнутри, и если бы она была обычным человеком, непосвященным и не обученным таинствам, то, может быть, вообще ничего не заметила бы.

Соня сопротивлялась изо всех сил, но нечто, как в воронку, затягивало девушку. Неужели это все?! — пронеслось в голове. Картина с ее изображением будет висеть на стене у какого-нибудь богатого болвана, а ей останется медленно, бесславно угасать...

Не надо, отпусти меня! — хотела крикнуть девушка, но спазм сжавил горло, и она не могла произнести ни звука.

— Нет, не могу!.. — вдруг воскликнул художник. Он швырнул кисть на пол, опустился на колени и зарыдал.

К Соне постепенно возвращались силы. Превозмогая слабость, она подошла к художнику и обняла его за плечи.

— Анхело, расскажи мне все. Ведь ты Эарен, правда? Я сразу узнала тебя. И ты меня узнал, я видела это!

Молодой человек кивнул.

— Значит, твоя мечта сбылась, ты стал великим мастером! Почему же ты не дописал мой портрет?

— Я не хочу причинять тебе вред. Только не тебе! Я любил тебя все эти годы...

— Меня?

— Может быть, не тебя, а тот образ... ту юную рыжеволосую девушку... Ты была для меня идеалом женской красоты! Я мечтал встретить тебя и написать твой портрет. Но теперь я не могу этого сделать. Я получил силу, которой не умею управлять в полной мере.

— Значит, ты все-таки разыскал настоящего Анхело?

— Да. К тому времени он был стар и очень недоверчив. Старик не брал учеников, он боялся, что кто-нибудь сможет украсть его секрет. Он хотел быть единственным мастером, оживляющим картины. Но Анхело тоже не умел в

полной мере использовать свой дар. Он мог отдавать энергию картинам, но не умел забирать ее себе, и старость его не пощадила, как и любого из смертных. Я поступил к Анхело помощником по хозяйству. Ходил на рынок, готовил еду, мыл кисти и растирал вещества, из которых художник готовил краски. Анхело мне не платил ничего, но мне и не нужны были деньги. Для меня счастьем было находиться рядом с живописцем, наблюдать, как он работает, учиться мастерству. Он не знал, что я художник, иначе сразу бы выгнал меня за дверь. Рисовать я мог только по ночам, когда Анхело спал, но однажды я увлекся и не заметил прихода утра. Я был так поглощен работой, что не видел ничего вокруг. Опомнился, только когда Анхело дотронулся до моего плеча. Старик был в бешенстве, хотел выгнать меня, но он так растревожился, что вдруг стал задыхаться и оседать на пол... Я испугался и побежал за целителем. Лекарь прописал старику полный покой, и я остался за ним ухаживать. А потом Анхело понял, что просто не может без меня обходиться. Так я остался жить в его доме.

Старик очень боялся, что больше не сможет рисовать. Из-под его кисти больше не будут выходить великолепные картины, в углу которых стоит росчерк — «Анхело», — а это для него было равносильно смерти. Но однажды он придумал, как перехитрить смерть. «Эарен, сынок, — сказал он мне, — я научу тебя всему, что умею. Я постараюсь передать тебе свой дар, но ради

этого ты должен стать мной. Если после моей смерти будут появляться картины, подписанные Анхело, и они будут столь же хороши, как и мои собственные, значит, я не умру целиком. Ты согласен стать мною?! Взять мое имя, мою подпись, мою судьбу? Я так мало успел в жизни, но ты... ты должен прославить мое имя!»

Конечно, я был согласен. Ради дара, о котором я мечтал, я был согласен на все.

Все оказалось не так просто, как я думал. Старик учил меня медитировать. Я принимал какие-то странные позы, и часами хранил неподвижность, произнося при этом непонятные слова. Я стоял на коленях под палящими лучами солнца и ходил босиком по речушке Лыдинке, вода которой настолько холодна, что даже в жару сводит ноги, а по ее дну разбросаны острые камни. А главное — рисовал, рисовал, рисовал. Но из-под моей кисти не выходило ничего путного. Старик сжигал мои картины и говорил, что я бездарь. Иногда я думал, что он выжил из ума или просто издевается надо мной. Мои ноги распухли, мышцы болели, а в голове все время слышался какой-то шум. Но однажды мне показалось, что на наброске, который я только что закончил, на деревьях шевелятся листья, как от легкого дуновения ветерка. «Я схожу с ума, — решил я. — Надо бросить эту затею и бежать отсюда, как можно скорее!» Но тут я услышал голос Анхело: «У тебя получилось, сынок...»

— Что ты видишь? — спросил я срывающимся от волнения голосом.

— Это лес, живой лес, настоящий! Под этой работой ты можешь поставить мою подпись.

Я очень волновался, но моя рука не дрогнула, и подпись получилась один в один. Вечером Анхело умер. Он умер с улыбкой на устах.

Я похоронил своего учителя и скорее вернулся к холстам и краскам. Я потерял счет времени и работал, как безумный, забывая есть и спать. Несколько седмиц я не выходил из мастерской. Наверное, я совсем ослаб. Что было дальше, не помню. Дочка соседки нашла меня лежащим на полу, с зажатой в руке кистью. Кисть я держал так крепко, что ни ей, ни ее матери не удалось вырвать ее из моей руки. Женщины вытащили меня на свежий воздух и отпоили парным молоком.

Я вернулся к жизни. Теперь мне нужно было исполнить долг перед моим учителем. Я обещал прославить его имя. Но у меня не было денег, у Анхело тоже ничего не было — только бедная мастерская, кисти и краски. Он был фанатиком, и даже не представлял, сколько стоят картины, вышедшие из-под его руки. Чтобы стать Анхело, мне нужно было уехать из города. Я взял картины и отвез их на рыночную площадь, в то место, где собирались любители искусств. Меня окружили коллекционеры и просто любители красивых необычных вещей. Я никогда не думал, что за картины мне предложат столько денег. Вскоре я стал богат и знаменит. А главное, никто не догадался, что это работы разных мастеров. Мои картины посчитали такими же великолепными,

как и работы мастера. Я покинул Рамиш и отправился в столицу. Кисти мне теперь делают на заказ, а вещества для красок привозят самые лучшие, из Вендии и Кхитая. От заказов нет отбоя, мне присылают приглашения с просьбой написать их портрет самые богатые люди в Хайбории. Они согласны платить любые деньги. Я теперь сказочно богат и счастлив.

— Счастлив? Что-то по твоему лицу не скажешь, что ты находишься на вершине блаженства! — перебила его Соня.

— Творить — это великое счастье. Давать жизнь чему-то новому, разве может быть что-нибудь лучше?! Ты женщина, но у тебя никогда не было детей, поэтому ты не поймешь!

— Давать жизнь новому! — передразнила его Соня. — Да знаешь ли ты, что твои картины убивают?!

— Ты поняла, догадалась?! — На лице Анхело-Эарена отразился испуг. — Но как?.. Вначале я не знал этого. Что-то чувствовал, подозревал, но не знал наверняка. Хотя сомнения зародились давно. Случайно я обнаружил, что засох молодой клен, набросок которого я сделал, гуляя по лесу, потом умер крошечный котенок — одна из моих лучших работ, позднее заболела маленькая девочка, позировавшая мне... Все это было не больше, чем совпадение. Со взрослыми натурщиками ничего не происходило... точнее происходило, но очень медленно. Пока никто не связал их вялость и подавленность с тем, что

они когда-то позировали мне. Но я чувствую эту связь!

— Почему же ты не бросишь писать?

— Не могу. Работа для меня, как наркотик. Я живу тем, что пишу картины...

— Но ты ведь убиваешь ни в чем не повинных людей.

— Нет, я делаю их бессмертными. Что такое человеческая жизнь? Сорок-пятьдесят зим, а потом наступает старость. Мои же картины дают бессмертие. Изображенные на них переживут века. Ими будут любоваться потомки, и потомки их потомков. Человек на портрете остается вечно молодым, сильным, красивым... Он будет таким, как я захочу...

— Ты слишком много о себе возомнил. Рассуждаешь, как бог. А на самом деле, ты — обычный убийца.

— Кто бы говорил! Скольких ты отправила бродить по Серым равнинам?!

— Я убиваю врагов, а ты расправляешься с теми, кто тебе верит, кто восхищается тобой. Как ты можешь поступить так с Марикой?

— Марика должна быть мне благодарна. Она глупа, а через пару зим и вовсе станет толстой, скучной, в общем, самой обычной женщиной. На моей же картине она будет прекрасна всегда. Никакие морщины не лягут на ее лицо, жир не испортит фигуру, а седые пряди не забелеют в прическе.

— Это жизнь. И в каждом возрасте есть что-то хорошее. Человек должен жить, а не ви-

сеть на стене... В общем, так. Марика была моей подругой, и она находится под моей защитой. Ты не сделаешь ей ничего плохого!

— Знаешь, когда я понял, что мои картины забирают жизнь, чуть с ума не сошел. Хотел даже с собой покончить. Но желание рисовать сильнее меня. Я не могу остановиться. И не могу помочь тем людям, портреты которых написал... Что ты от меня хочешь, Соня? Ты убьешь меня? Убей! Я не буду сопротивляться. Лучше у меня отнять жизнь, чем возможность писать...

— Когда-то ты спас мне жизнь, поэтому я не могу тебя убить. Знаешь...

В этот момент раздался стук в дверь, и в залу вошла Марика. Соня молниеносно скользнула в кресло.

— Не помешаю? Я хотела пригласить вас выпить отвара из лепестков роз.

— Дела идут неважно. Анхело вечно что-то роняет, а потом ползает по полу в поисках. Вот... опять у него кисть куда-то закатилась!

Анхело встал с колен и улыбнулся хозяйке. Соня пожала плечами.

— Похоже, ты была права, и наш друг совсем не может работать без вдохновения. А я его, увы, не вдохновляю.

— Я этого не говорила, — воскликнула Марика.

— Но, к сожалению, это действительно так.

— Не надо расстраиваться. Пойдемте пить чай, а потом поедем веселиться. У моей подруги баронессы Аники сегодня танцы.

* * *

Соне не спалось, она сидела у окна и крутила в руках булавку с изумрудом — подарок принца Гьорга. Где же она могла видеть человека раньше? Ну почему, почему она не может вспомнить?!

И вдруг все прояснилось. В голове выстроилась такая четкая картина, что было удивительно, как она не догадалась раньше. Девушке было необходимо поговорить с Анхело, причем немедленно. Самым простым было бы пройти по коридору и постучать к художнику в дверь, но Соня побоялась разбудить Марику. Девушка вылезла в окно и, ощутив пальцами ног карниз, стала пробираться вдоль стены. Главное, не перепутать окна. Под окнами Анхело растет розовый куст... Соня взглянула вниз, и в этот момент что-то ударило девушку в спину. Соня чуть не потеряла равновесие... хорошо, что успела схватиться за выступ в стене. Девушка осторожно обернулась — мимо пролетела летучая мышь. «Неужели теряю форму?!» — пронеслось в голове. Соня перевела дыхание и, прижимаясь всем телом к стене, прошла оставшийся путь до окна. Девушка толкнула ставни и вошла внутрь комнаты. Больше всего она боялась, что Анхело от неожиданности закричит, но его реакция была еще более странной.

— Получилось! — прошептал художник. — Я думал о тебе, и ты появилась. Иди же скорее ко мне!

Анхело порывисто встал, притянул девушку к себе и припал губами к ее волосам.

— Пусти меня! Только тихо, не шуми. Я по делу. Да перестань, наконец!..

— Я не могу тебя отпустить. Ты снова исчезнешь, а я не хочу тебя опять потерять!

— Совсем умом тронулся! — пробормотала Соня, вырываясь. — Если будешь вести себя тихо, я расскажу тебе кое-что важное.

Анхело взял себя в руки и сел на кровать.

— Я тебя слушаю.

— Помнишь, когда мы первый раз встретились, я украла картину. Там был изображен мальчик. Такой маленький, хорошенький мальчик...

— Помню, конечно. Эта картина изменила всю мою жизнь. Я...

— Подожди, речь сейчас не об этом. Заказ выкрасть картину я получила от некоего Лураса.

— Я помню.

— Так вот, Лурас не был похож на человека, увлекающегося искусством, и еще меньше он походил на скупщика краденного. Я помню, подумала тогда, что в своей стране он, скорее всего, влиятельный вельможа. Зачем же ему понадобилась картина? И потом, Лурас кого-то очень боялся.

— Почему ты сейчас вспомнила об этом.

— Я встретила в гостях у Марики одного юношу. Очень красивого. Оказалось, что это кофийский принц Гьорг. Марика сказала, что в

детстве принц серьезно болел, чуть не умер. В его стране были люди, которые желали смерти наследнику, но были и другие, заинтересованные в том, чтобы у власти оказался Гьорг... Дальше следи внимательно: я похищаю картину, ее переправляют в Коф, принц выздоравливает. Ты улавливаешь мысль?

— Ты считаешь, что на картине был изображен принц Гьорг?

— Я почти уверена в этом. Взглянув на принца, я сразу подумала, что где-то видела его раньше, но не могла вспомнить где именно, пока не подумала о портрете. Конечно, принц вырос и возмужал, но сходство осталось.

— Так значит, портрет может не только забирать энергию, но и отдавать ее!

— Мы должны это проверить!

— Надо найти Лураса, и все у него узнать.

— У нас нет времени. Одна из твоих картин забирает жизнь у дочери хранителя Талисмана Победы.

— Ты думаешь, что без нашего вмешательства девочка долго не проживет?

— Не знаю, сколько проживет девочка, но я должна достать этот Талисман для брата, и как можно скорее!

— Ты ничего не делаешь просто так!

— Я должна спасти Хайборию.

— А на обычные человеческие чувства ты способна?

— Спасение людей — разве это не обычное человеческое чувство?

— А кто твой брат?

— Тойон Эйдан.

— Предводитель гирканского войска?

— Да.

— Ты достойная сестра своего брата. А знаешь, я чуть было не написал его портрет.

— Тебе повезло, что не написал, а то бы я тебя убила!

— Не сомневаюсь. Ладно, чего ты хочешь?

— Мы возьмем портрет девочки и отправимся в Ианту.

— Но Марика может не захотеть отдать картину.

— Марику никто и не спросит. Ты забыл, я в молодости была первоклассной воровкой!

— Но мы ведь должны с ней попрощаться, как-то объяснить наш отъезд.

— Ничего объяснять не надо. Нам лучше поспешить. Вот что, поедем прямо сейчас. Собирайся, я выведу тебя через черный ход, а потом вернусь за картиной. До утра пробудем в «Золотой розе». Там я куплю лошадей. А утром отправимся в путь.

— Но я не уверен...

— Зато я уверена. Собирайся. Потом пошлешь к Марике гонца с посланием, напишешь, что я тебя похитила.

Соня обладала какой-то силой, которая магически действовала на Анхело-Эарена. Что-то заставляло его подчиняться девушке.

— А вдруг я не смогу помочь больной девушке? Вдруг то, что случилось с принцем Гьор-

гом — совпадение, и мои картины не могут лечить? Или надо обладать знанием магии... Может быть, Лурас нашел колдуна...

— Хватит ныть! Поехали! А там будем действовать по обстановке.

* * *

Чем ближе подъезжали Соня и Эарен к Ианте, тем художник больше нервничал.

— А вдруг они узнают меня и обвинят во всех своих несчастьях? Родители могут решить, что я специально нанес вред их дочери. Они схватят меня и сгноят в темнице!..

— Не паникуй. Во-первых, тебя невозможно узнать: без бороды и длинных волос ты перестал быть Анхело. А если ты накинешь капюшон, то твоего лица, вообще, никто не заметит. И потом, Иолк уже почти потерял надежду на излечение дочери, и если мы дадим ему еще один шанс, он просто ослепнет от счастья.

— Но вдруг у меня ничего не получится? Я умею и люблю рисовать, только рисовать...

— Но ты ведь чувствуешь энергию, которая исходит от человека и уходит в картину!

— Да, чувствую, но...

— Значит, ты умеешь ей управлять.

— В том то и дело, что не умею...

— Значит, придется научиться! Все, мы приехали. Пойдем.

Соня спрыгнула с коня, взяла его под уздцы и повела к дому. Эарен направился следом.

Все двери особняка были закрыты. Девушка взялась за тяжелое железное кольцо и постучала. Через какое-то время раздались тяжелые шаги, дверь со скрипом распахнулась, и перед молодыми людьми появился вооруженный стражник.

— Пропусти, нам надо поговорить с Иолком.

— Иолк никого не принимает. — Стражник попытался закрыть дверь.

— Но я — Соня! Передай, что его ждет Соня... Он знает!

— А уж тебя-то мне не велели пускать ни при каких обстоятельствах! — на этот раз стражнику удалось захлопнуть дверь.

Соня принялась стучать с новой силой. Грохот получился такой, что люди из соседних домов стали высовываться из окон, чтобы посмотреть, что случилось, но в особняке все как будто вымерли.

— Ну, погодите. Посмотрим, кто кого, — прошептала себе под нос девушка. — Эарен, дай мне кусок холста и уголь.

— Зачем?

— Хочу написать Иолку записку.

— Как же ты ее передашь?

— Сейчас увидишь. Наклонись.

Воспользовавшись спиной Эарена как столом, Соня начертила несколько слов, потом нашла подходящий камень и завернула его в холст.

— Пойдем.

Девушка обогнула здание, подвела свою лошадь вплотную к дереву, росшему напротив до-

ма. Соня забралась на седло, ухватилась за ветку и подтянулась. Теперь она была на уровне второго этажа. Девушка размахнулась и закинула камень в окно.

— Сейчас они забегают, — воскликнула девушка, спрыгивая на землю.

И действительно, вскоре двери распахнулись, и из замка выбежали стражники. Они схватили Соню и Эарена и потащили внутрь.

— Что вы делаете! Мне надо поговорить с Иолком, — попыталась возмутиться девушка, но стражники молча связали молодым людям руки и затащили их в зал.

— Отпустите их! — в помещение вошел Иолк.

— Как это понимать!? Почему ты так обращаешься с нами?! — возмутилась Соня.

— Молчать! Ты находишься в моем доме, и здесь условия диктую я. Я знал, что ты вернешься, Соня. Когда ты посетила меня в прошлый раз, я постарался побольше разузнать о тебе. Тебя многие знают в Хайбории. Мне сказали, что ты умна, хитра и ни перед чем не остановишься для достижения своей цели.

— Я хотела помочь твоей дочери. Этот молодой человек — целитель! — Соня указала глазами на Эарена.

— Ты написала в записке, что знаешь, как вылечить мою дочь, но я не верю тебе. Меня столько раз обманывали, что я теперь никому не верю! Я знаю, что тебе нужен Талисман.

— Так проверь. Ты же ничего не теряешь! Ты ведь знаешь, что я не могу выкрасть Талисман

или отобрать его, ведь тогда он потеряет свою силу...

— А вдруг ты со своим сообщником возьмешь мою дочь в заложники, или пригрозил убить, если я не отдам Талисман? Ты же знаешь, что ради дочери я готов на все!..

— Твой дом полон стражи. Неужели твои воины не справятся со мной?

— Я не могу рисковать. Вот что, пусть твой лекарь попробует свои силы. Если он сможет хоть немного облегчить страдания моей девочки, его ждет награда. Но если нет, то он пожалеет, что переступил порог этого дома. А ты пока посидишь в темнице. Я успокоюсь только тогда, когда буду уверен, что тебя хорошо охраняют. Взять ее!

Соня успела взглянуть на Эарена. Его и так от природы бледное лицо стало совсем белым. Увы, девушка ничем не могла ему помочь. Стражники схватили Соню и потащили через маленькую дверь по какой-то темной лестнице.

— Вы не имеете права! Да отпустите же меня! — кричала девушка, но ее никто не слушал.

Стражники бросили Соню в темный сырой подвал и закрыли за ней тяжелую дверь. Соня оказалась в полной темноте. Она обошла помещение, ощупывая стены — никакой возможности выбраться наружу. Девушка села в угол, прислонившись к влажной стене, и обхватила руками колени.

«Думай, Соня, думай», — шептала себе под нос девушка. Больше всего она переживала, что

втравила в это дело Эарена. Художник-то ни в чем не виноват. Хотя, как посмотреть...

* * *

Эарену разрешили взять все необходимое и провели в комнату Лали, дочери Иолка.

— Я должен остаться с девочкой наедине, — сказал художник, постаравшись вложить в голос всю твердость, на которую был способен.

— Хорошо, я и мои люди будем за дверью, — ответил Иолк.

Когда Эарен увидел девочку, все чувства, kloчующие в его душе, — гнев, страх, злость, негодование, — сменились одним: всепоглощающей жалостью. К горлу подступил комок, а в глазах застыли слезы. В огромной кровати, среди взбитых перин и подушек лежало худенькое, почти прозрачное существо. Этот ребенок совсем не был похож на ту жизнерадостную пухленькую девочку, портрет которой Анхело-Эарен написал совсем недавно. Художник присел на краешек кровати и взял холодную худенькую ручку в свои ладони. «Неужели это все из-за меня?! — пульсировало в его сознании. — Я никогда, никогда больше не буду писать! Если мне удастся выйти отсюда, клянусь, я выброшу все краски и сожгу холсты...»

Девочка открыла глаза.

— Ты кто? — прошептали ее губы. Эарен скорее догадался, чем услышал вопрос. Сил у девочки уже не было. — Ты мне поможешь?

Эарену захотелось убежать, только бы не видеть этой боли в детских глазах. Но бежать было некуда. Ему так хотелось помочь этой девочке!.. Если бы он только мог поделиться с ней своим здоровьем, он бы сделал это, не задумываясь.

— Подожди, я сейчас тебе кое-что покажу.

— Не уходи, — пролепетали ее губы.

— Не бойся, я не уйду. Сейчас. Вот... — Эарен развернул картину. (Соне удалось вырезать холст из рамы, так, что Марика ничего не заметила.)

— Какая хорошенькая! — улыбнулась девочка.

— Это ты.

— Зачем ты так шутишь? — Девочка потянулась и стала водить тоненькими пальчиками по картине.

Ничего не происходило. Эарен надеялся, что он догадается, какие слова нужно произнести или какие пассы сделать руками, но его интуиция молчала.

Время шло. Девочка, как замороженная, продолжала смотреть на портрет, а Эарен нервничал все больше и больше. В его руках была не только жизнь этого ребенка, не только его собственная жизнь, но и жизнь Сони.

Эарен не знал, сколько прошло времени, но когда дверь открылась и на пороге появился Иолк, он уже был готов кинуться к нему и во всем признаться. Сказать, что он и есть тот самый художник, который погубил его ребенка. Пусть они сделают с ним все, что посчитают нужным, если им от этого станет легче. Он за-

служивает любого наказания. Но только пусть отпустят Соню, ведь девушка ни в чем не виновата!..

Но Эарен не успел ничего сказать. Иолк подскочил к дочери и подхватил ее на руки.

— Получилось! Получилось! — выкрикивал он.

За Иолком в комнату ввалилась целая толпа — мать девочки, какие-то женщины, няньки, слуги. Эарен вначале испугался. На всякий случай, пока никто не видел, он набросил на картину одеяло и приготовился принять любое наказание.

— Я вижу, ты действительно хороший лекарь! — воскликнул Иолк.

И тут Эарен заметил, что щеки у девочки и впрямь слегка порозовели, а дыхание стало более ровным.

— Принесите целителю лучшей еды и вина, — скомандовал Иолк. — Проси все, что тебе нужно, чтобы лечение шло успешно.

— Чтобы мне не мешали, — ответил Эарен.

— Хорошо. Ты останешься здесь, пока Лали полностью не поправится. Этим колокольчиком можешь вызывать слуг. Они будут убирать и приносить еду. Я подготовил тебе комнату рядом со спальней Лали, и ты сможешь жить здесь столько, сколько понадобится.

— А Соня?

— Соня пока посидит в подвале. Мне спокойнее, когда твою подругу охраняет стража.

Больше Эарен не боялся, теперь он знал, что

делать. Когда люди Иолка ушли, он опять достал картину, и девочка инстинктивно всем телом потянулась к портрету. Эарен заметил, что на картине слегка поблекли краски. Он поставил портрет поближе к Лали и постарался вспомнить все то, чему учил его Анхело. Эарен начал медитировать, и действительно, вскоре он увидел тоненькую ниточку, соединяющую портрет и ребенка.

Но нет, только не это!.. Картина опять забирала энергию у девочки. Эарен напрягся изо всех сил. Страшным усилием воли ему удалось повернуть жизненный поток в другую сторону. Теперь картина отдавала энергию. Вначале это требовало от Эарена огромного напряжения, потек по его спине, по лбу и подбородку... Но потом картина перестала сопротивляться — и сила потекла рекой.

* * *

Соне казалось, что про нее забыли. Уже несколько дней ей не приносили ни еды ни питья. Девушка сломала ногти и разбила пальцы в кровь, пытаясь выцарапать камни из кладки стен. Она сорвала голос, крича и призывая на помощь, но безрезультатно. Силы медленно покидали девушку. Она лежала на полу, и ее тело сотрясал кашель. Пребывание в сырой холодной темнице не могло пройти бесследно.

Когда дверь отворилась, Соня с трудом смогла поднять голову.

— О, Соня, извини! Я про тебя совсем забыл...
— в камеру в сопровождении стражи вошел Иолк. — Я был так занят здоровьем своей девочки, что больше ни о чем не мог думать!

Соня бросила на хранителя Талисмана взгляд, полный ненависти.

— Ладно, не злись. Твои страдания будут вознаграждены, я решил отдать тебе Талисман. — Иолк помог Соне встать. — Пойдем, мой дом в твоём распоряжении. Ты можешь жить здесь, сколько хочешь. Поправляйся, набирайся сил. Я приказал подготовить для тебя комнату с окнами, выходящими на юг. На, выпей вина...

— Мне некогда здесь прохлаждаться. В войске Эйдана гибнут люди. Я должна доставить ему Талисман как можно скорее, — гневно прохрипела воительница.

— Вот видишь, ты даже голос потеряла от сидения в сыром подвале, — сказал Иолк... как будто это не он сам распорядился поместить туда девушку. — Ты не получишь Талисман, пока полностью не поправишься. Твой друг, кстати, тоже выглядит не лучшим образом. Ему бы тоже не помешало немного отдохнуть.

Соню проводили в зал. Ей навстречу бросился Эарен. Он заключил девушку в объятия.

— Соня, я так рад тебя видеть! Я так боялся за тебя! У нас все получилось! Лали будет жить, она поправится!

— Ты молодец! — Соня похлопала художника по плечу, а потом, повинаясь какому-то порыву, поцеловала в щеку.

* * *

Прошло несколько дней. Соня поправлялась на глазах. Девушка вновь была полна сил. Маленькая Лали тоже больше не лежала в кровати. Она бегала по коридорам, и дом наполнял веселый детский смех. Иолк был готов одарить спасителей дочери всем, чем угодно, но Соне был нужен только Талисман...

И вот настал день, когда Иолк провел Соню и Эарена, которого разбирало любопытство, в храм Бога Победы. Это было маленькое святилище, находящееся прямо в особняке Иолка. Хранитель зажег свечи, сказал несколько слов на непонятном Соне языке, и Талисман засверкал, как будто был сделан из огня.

— Соня, ты уверена, что хочешь отдать талисман Эйдану? — обратился Иолк к девушке.

— Да.

— Подумай, я могу сделать так, что Талисман будет защищать *тебя*. Тогда тебе всегда будет сопутствовать удача в бою.

— Нет. Он нужнее Эйдану. А Эйдан нужнее Хайбории!

— Подумай еще раз. Если Талисман будет защищать Эйдана, он не сможет помочь тебе.

— Я все решила. Я обещала брату достать для него Талисман, и я сдержу слово.

— Хорошо. Как хочешь. — Иолк вытянул руку над Талисманом, повернув ее ладонью вниз, и начал произносить какие-то мелодичные, но совершенно непонятные слова.

Талисман был похож на золотое солнце. Чем больше говорил Иолк, тем сильнее становился свет его лучей. И вдруг поверхность солнца как будто закипела. Она стала менять форму, и из пузырьков начал складываться какой-то причудливый узор. Потом все пузырьки ушли вниз, а на поверхности появился мужской профиль. Вначале он был почти плоским, еле заметным на поверхности Талисмана, но потом рельеф стал делаться все четче и четче...

— Это Эйдан! — прошептала Соня.

Иолк закончил обряд.

— Возьми и будь осторожна, — хранитель протянул золотое солнце Соне. — Ты должна передать Талисман в руки Эйдану, иначе он не сможет защитить твоего брата.

— Я сделаю это, хранитель, — Соня опустилась на одно колено и поцеловала Иолку руку.

— Береги себя и Талисман. Удачи тебе!

Соня и Эарен вышли из замка. Слуги привели им накормленных, вычищенных и оседланных лошадей.

— Ну что, художник, в путь?! — Соня вскочила в седло.

— Подожди. Я больше не художник! Я не хочу, чтобы кто-нибудь страдал по моей вине. — Эарен взял краски и бросил их в канаву. — Теперь я готов. Куда ты сейчас?

— В сторону Пограничного Королевства. Мне нужно встретиться с братом как можно скорее.

— Соня, поехали сперва ко мне! Мой дом совсем не далеко от Ианты. Погости немного у ме-

ня, тебе надо набраться сил перед дальней дорогой...

— Сил у меня достаточно. А время не ждет! Если Эйдана убьют, то Талисман ему не понадобится. Я должна спешить!

— Но... Соня! — Эарен схватил девушку за руку. — Ты не можешь так со мной поступить!

Соня не успела ответить. На площадь выбежала какая-то женщина. Она огляделась. Увидела Эарена и с душераздирающими стенаниями упала на колени, обхватив его за ноги.

— Что тебе нужно? Отпусти меня! Стража!.. — попытался освободиться он.

— Не надо стражи! Мне сказали, что ты лекарь, и творишь чудеса! Мой сын умирает. Помоги ему! — женщина опять зарыдала.

— Но мне надо спешить!

— Пожалуйста, помоги! — женщина принялась целовать его сапоги.

— Что ты делаешь? Не надо! Встань, пожалуйста!

Но женщина вцепилась в него мертвой хваткой и зарыдала с новой силой.

— Помоги! Пожалуйста, помоги!

— Ну, хорошо, я попробую...

Слуги женщины подхватили Эарена и посадили в карету, туда же они пригласили и Соню.

— Не волнуйтесь, ваших лошадей пригонят следом, накормят и разместят в нашей конюшне.

— Зачем ты согласился? — зашептала Соня, закрывая за собой дверцу кареты.

— Она так рыдала... Я не мог ей отказать.
— А дальше? Что ты будешь делать дальше?
Ты писал когда-нибудь портрет ее сына?!

— Нет.
— Тогда как ты собираешься ему помочь?
— Я не знаю. Может быть, сбежим?
— Сбежишь, как же! Видел, за каретой следуют всадники. Теперь тебя никуда не отпустят. А меня ждет Эйдан!

— Ну, и ехала бы к своему Эйдану! Я тебя, кажется, не держу. Я помог тебе достать Талисман, и сразу стал тебе не нужен. Ну, и пожалуйста. Тебя никогда не трогали страдания людей. Тебе плевать и на эту женщину, и на ее умирающего сына...

— Человек должен выбрать главное. Что этой женщине от моей жалости, если я все равно не могу ей помочь?!

Вдруг лошади резко остановились. Дверцы кареты распахнулись, и Соню с Эареном провели в дом.

— Вот мой мальчик. Он умирает! — женщина опустилась перед кроватью на колени и опять зарыдала.

В кровати лежал мальчик лет двенадцати. Он боролся со своей болезнью, но чувствовалось, что силы не равны. Ребенок задыхался. Каждый вдох давался ему с неимоверным трудом. Он пытался хватать воздух широко открытым ртом, но словно кто-то невидимый душил ребенка и мешал ему сделать это. Лицо его было багрово-красным, а из легких доносился хрип.

— Месьор, помогите нашему брату! — Эарена обступили две худенькие глазастые девочки. — Не дайте ему умереть, месьор! Мы его так любим... — они принялись целовать художнику руки.

Даже Соню переполнило чувство жалости. Самое ужасное — это забрать у человека последнюю надежду... а им придется сделать именно это.

Эарен подошел к мальчику и положил руку на его лоб. В комнате воцарилась полная тишина.

Соня подумала, что эта безумная женщина не выпустит их, пока не будет уверена, что Эарен сделал все, что мог, для спасения ее сына. Девушка начала медленно крутить головой, ища пути к отступлению.

— Краски! Мне нужны мои краски! — пронзил тишину голос Эарена.

«Совсем свихнулся!» — подумала Соня.

— Скорее, иначе будет поздно!

— Так ты же их сам выбросил возле дома Иолка...

— Надо поехать туда.

— Нет, только не уходи! Не оставляй моего мальчика! — Мать умирающего ребенка повисла на Эарене, не давая ему уйти.

— Хорошо, я съезжу за красками, — предложила Соня, не очень понимая, зачем они понадобились ее другу.

— С тобой поедут мои люди, — сказала женщина.

«Вот так из одной ловушки мы и попали в другую...» — подумала девушка.

* * *

Два всадника, приставленные охранять Соню, не представляли для девушки никакой опасности. При желании, она могла бы справиться с ними голыми руками, но Соня не могла бросить Эарена, следовательно, ей нужно было побороть гордость и как можно скорее добраться до Ианты. Когда они подъехали к нужному месту, уже стемнело, и город освещала только бледная луна с выводком маленьких звезд. Недавно прошел дождь, и земля под ногами противно чавкала, а в канаве стояла вода, и Соня даже обрадовалась, что она не одна, и можно самой не лезть в грязь, а поручить поиски сопровождающим ее людям. Девушка объяснила мужчинам, что им нужно найти, а сама сверху наблюдала за происходящим. Слуги выпачкались в грязи и красках с ног до головы, но в конце концов нашли все, что требовалось.

— Скорее в обратный путь, — скомандовала Соня, и три всадника поскакали обратно, нарушая тишину ночи дробным стуком копыт.

* * *

— Скорее же, скорее! Где вас носит! — закричал Эарен, увидев Соню. Хотя, «закричал» — не правильное слово. Сил, чтобы кричать, у Эарена

не было. Он был бледен, и по его лицу стекали струйки пота. Казалось, он держит что-то видимое только ему, и чтобы удержать это *нечто*, требуются невероятные силы.

— Скорее дайте краски и холст!

— Но мы привезли только краски, ты ничего не говорил про холст.

— Ладно, давайте краски!

За неимением холста, Эарен стал наносить мазки прямо на стену. Черная, коричневая, красная и опять черная краска накладывались друг на друга. Каждый раз, когда Эарен прикасался кистью к стене, мальчик стонал, как будто испытывал боль. Мать мальчика хотела броситься к Эарену и отнять у него кисть, но Соня ее удержала. А Эарен тем временем наносил на стену спираль черной краской. Он вел рукой так осторожно, как будто боялся, что кто-то невидимый сорвется с привязи и примется опять душировать мальчика. Из-под кисти у Эарена выходила замысловатая картина. Она притягивала взоры и вселяла в окружающих ужас.

Соня заставила себя зажмуриться. Через какое-то время стало совсем тихо. Девушка открыла глаза. Мальчик спал. Его дыхание было абсолютно спокойным. Мазки красок сложились в нечто похожее на змея, да такого жуткого, что при взгляде на него мороз пробежал по коже. Совершенно обессиленный, Эарен стоял, прислонившись к стене, с удивлением глядя на свое произведение. Тишина продлилась всего пару мгновений, а потом все разом загудело. Мать

бросилась к Эарену и принялась его целовать. Художнику еле удалось вырваться.

— Я думаю, что это надо сжечь, — сказал он, указывая на картину.

— Ты волшебник, ты спас моего мальчика! Проси чего хочешь! Денег, золота...

— Мне ничего не надо. Я рад, что сумел помочь. Я не думал, что у меня получится... — Эарену хотелось выйти из дома и глотнуть свежего воздуха.

— Вот, возьми хоть это! — Хозяйка сняла с шеи массивную золотую цепь и протянула Эарену.

— Нет, что ты, не надо! — отстранил он ее руки.

— От даров, врученных от чистого сердца нельзя отказываться, — возразила Соня, взяла у женщины украшение и вручила Эарену.

— Оставайтесь у меня, поживите... Вы теперь самые дорогие гости!

— К сожалению, нам некогда, — сказала Соня, подталкивая Эарена к выходу.

* * *

— Поставь наших лошадей в конюшню, принеси нам горячей еды и приготовь две комнаты! — крикнула Соня владельцу постоялого двора.

— Две комнаты? — переспросил Эарен. — Значит, ты сейчас уйдешь к себе, и я тебя больше не увижу?!

— А что ты предлагаешь?

— Соня, возьми меня с собой.

— Сейчас, или вообще?

— И сейчас, и вообще!

— Сейчас у тебя сил нет даже дойти до кровати. А что касается «вообще» — ты же сам понимаешь, что это невозможно. Какой из тебя воин? Ты должен жить в хороших условиях и творить. Ты очень одаренный человек. Я думаю, что ты даже сам не знаешь всех своих талантов.

— Мне плевать на мои таланты. Я хочу быть с тобой!

— Увы, это невозможно!

Соня потрепала Эарена по щеке и скрылась в своей комнате.

* * *

Утром Соня спустилась вниз и увидела, что Эарен сидит, склонившись над работой. Художник что-то рисовал.

— Ты что, так и не ложишься? — удивилась девушка.

Эарен отрицательно мотнул головой.

— Что же ты делаешь?

— Я долго думал. Ты не хочешь остаться со мной, и не можешь взять меня с собой. Я даже твой портрет написать не могу! Я решил подарить тебе свой портрет. Вот возьми.

Эарен взял золотую цепочку, подаренную матерью спасенного им мальчика, прикрепил к ней крохотную картину и повесил Соне на шею.

— Похож. Ну, прямо, как живой! — улыбнулась девушка. — А это для тебя не опасно?

— Не знаю. Но я хочу, чтобы этот портрет был всегда с тобой. По крайней мере, пока ты не найдешь Эйдана и не окажешься в безопасном месте. Пообещай мне это!

— Ну, хорошо. Обещаю.

Соня спрятала портрет под куртку и обняла Эарена. В какой-то момент ей захотелось все бросить и остаться с ним. Но чувство долга взяло верх. Девушка отстранилась.

— Ну все, мне надо идти. Прощай.

— Прощай, — повторил Эарен.

* * *

Соня пробиралась к своим. До лесов Пограничного Королевства она добралась почти без приключений, но дальше идти стало гораздо труднее. Местность просто кишела тугаурами — северными союзниками пиктов. Они считали себя хозяевами этой территории, и встречаться с ними Соне совсем не хотелось. Численность тугауров во много раз превосходила численность войска ее брата. Гирканцы терпели поражения одно за другим, и теряли людей. Тугауры теснили их к границе. Можно было вернуться в Немедию и пройти более безопасной дорогой через Бритунию. Но сейчас каждое мгновение было на счету, и Соня решила продолжать пробираться через вражескую территорию. Девушка двигалась по ночам, скрываясь днем в зарослях. Припасенная еда и вино давно закончились, и Соня питалась ягодами и съедобными корешками. Эта

еда не давала умереть с голоду, но сил явно не прибавляла.

И вот, наконец, девушка увидела шатры. Это были свои — гирканцы. Соня так обрадовалась, что потеряла осторожность. Она побежала через поле. И вдруг — тугауры. Откуда же они взялись? Вначале девушка увидела одного, потом еще одного, и вдруг поняла, что окружена. Похоже, что дикари давно ее выследили и просто хотели взять живой.

Не выйдет! Девушка выхватила меч и с яростным кличем бросилась на врага. Одному ей удалось отсечь голову, другому она проткнула живот. Но, вытаскивая тяжелый меч, она замешкалась, да еще и поскользнулась в луже крови. Дикарь воспользовался ее замешательством и опустил ей на голову рукоять меча. В голове зазвенело, мир потерял четкость и закружился перед глазами.

— Смотри-ка, а это девчонка! — сказал один тугаур другому.

— Да, и какая хорошенькая... — ответил другой.

— Она больше не будет хорошенькой! — первый дикарь мечом прочертил глубокий крест на щеке у девушки.

— Не перестарайся! Это гирканская шпионка, и мы должны взять ее живой.

— Она распорол живот моему брату, и я хочу посмотреть, что у нее внутри!

— Но Ллуг приказал, взять ее живой.

— А мне плевать на то, что приказал Ллуг.

Пусти меня! — Дикарь замахнулся. Соня ощутила в животе ужасную боль.

А потом как будто погас свет — девушка потеряла сознание.

* * *

— Эйдан, смотри, кого мы обнаружили в разгромленном становище тугауров! Это девушка. Она умирает. Ума не приложу, как она попала в самое логово дикарей...

— Какая девушка? Что вы несете?! О, да это же Соня!.. — Эйдан склонился над сестрой. — Соня, да как же это? Срочно лекаря сюда!..

— Я здесь, предводитель.

— Спаси ее!

— Это невозможно! Посмотри на ее живот. С такой раной долго не живут.

— Сколько ей осталось?

— Это известно только богам...

— Соня, нет!.. Лучше бы они убили меня! О, Боги...

— Успокойся, предводитель. Смотри, у нее на шее что-то блестит...

— Ты делаешь ей больно!

— Ей уже все равно. Смотри, золотое солнце, пронзенное стрелой. Эйдан, видишь — на солнце твой портрет!

— Это Талисман Победы. Она сумела его достать! Значит, она погибла из-за меня...

— Не печалься. Девушка выполнила свою

миссию. Она принесла Талисман. Теперь мы победим. Выше голову, Эйдан!

— Но она моя сестра. Я люблю ее!

— Надень Талисман. Ты должен быть сейчас со своим войском. Ты должен вселить надежду в души гирканцев. Пойдем! Потом, когда кончится война, ты назовешь город ее именем, или прикажешь отлить памятник из чистого золота...

— Но я хочу, чтобы она жила!

Соня слышала голос брата, чувствовала на своем лице теплые капли его слез, но не могла произнести ни слова. Сил хватало только на сдавленный стон. Девушку перенесли в шатер и положили на теплое покрывало. Соня и сама чувствовала, что умирает. Но главное — она успела. Она отдала брату Талисман. Он спасет Хайборию от пиктов.

Эйдан снял с ее шеи талисман. В этот миг лекарь склонился к Соне, затем окликнул брата девушки:

— Предводитель, у нее на груди еще какая-то картина. Чей-то портрет...

— Я не знаю этого человека. Оставь. Может быть, он дорог Соне.

Эйдан положил портрет на грудь девушки, и вдруг Соня ощутила тепло. Портрет грел, как маленькая печка. Тепло вливалось в окоченевшее тело девушки, и вместе с ним вливалось спокойствие, а боль уходила. Соня вдруг поняла, что не умрет. Она напрягла последние силы, поднесла портрет к лицу и поцеловала. И — о чудо! — она ощутила на губах ответный поце-

луй. Поцелуй был таким долгим и сладким, что у девушки закружилась голова. Она закрыла глаза и заснула. А когда Эйдан проходил мимо, он увидел, что на губах сестры играет чуть заметная улыбка.

* * *

Прошло несколько лет. Соня совершенно поправилась, даже шрам на щеке зажил, не оставив следа.

Гирканская империя все больше крепла и увеличивалась. Некоторые государства приходилось завоевывать, но многие сами просились под защиту Эйдана. Совсем недавно Эйдан, не без помощи Сони, подписал мирный договор с правителем одного из кофийских княжеств — Гьоргом. Теперь весь Коф стал частью гирканской империи. Гьорг добровольно вручил ключи от города Эйдану и даже подружился с военачальником. Князь пригласил Эйдана и Соню на свою свадьбу. В качестве подарка Эйдан собирался передать Гьоргу неограниченные полномочия над всем Кофом, сделав его фактическим владыкой этой огромной провинции растущей империи...

Свадьба обещала быть пышной и веселой. Соня не очень любила подобные торжества, но брат просил ее присутствовать, и девушка согласилась...

— ...Кстати, среди гостей должен быть один очень интересный человек. Он знаменитый лекарь, почти волшебник! Его имя Нераэ, — заме-

тил Эйдан, рассказывая Соне о приглашенных гостях, когда они появились на празднестве.

— Никогда не слышала о таком.

— А вот он много слышал о тебе, и очень хочет познакомиться... А вот и он! Видишь того мужчину возле пруда?

— Да.

— Давай, я вас представлю друг другу.

Брат подвел Соню к пруду и окликнул гостя.

— Эарен! — сорвалось с Сониных губ. — О, прости, твое имя слишком сложное. Нераэ, да?

— Зови меня Эарен. Тебе можно.

— Ну, я вас оставляю. Должен дать еще кое-какие распоряжения своим военачальникам... — Эарен дружески похлопал гостя по плечу и направился в сторону дворца.

— Ты поменял имя?

— Встреча с тобой изменила мою жизнь... можно сказать, вывернула ее наизнанку.

— Ты действительно изменился. Поседел. И этот шрам на щеке! У меня был такой же...

— Я знаю.

— Ты?! Понимаешь, шрам перешел вначале на портрет, — Соня достала из-под куртки маленькую картину. — Твое изображение было всегда со мной. Шрам был здесь, на портрете, а потом он стал бледнеть и совсем исчез...

— Портрет — всего лишь посредник между нами.

— Значит, ты спас мне жизнь?

— Я счастлив, что смог помочь тебе. И потом, мы квиты. Я помог тебе сохранить жизнь, а ты

— подарила мне новую. Теперь я целитель. И знаешь, сохранять жизнь мне нравится гораздо больше, чем отбирать. Хотя дается это тяжелее. Видишь, мои волосы почти совсем поседели...

— Ты стал еще красивее. Кстати, ты видел невесту короля?

— Да, но пока только издали. Если честно, то я не решился к ней подойти.

— Почему?

— Боюсь, что у нее может возникнуть множество вопросов, на которые мне будет трудно ответить..

— Вот как? Но кто же она?

— Наша старая знакомая, Марика.

— Марика?! Как я рада за нее!

— Ты уже приготовила подарок?

— Подарок? Я думаю, что мы с тобой преподнесли невесте самый лучший подарок. Мы сохранили для нее Гьорга. Ведь если бы не мы, то никакой свадьбы, вообще, могло бы не быть.

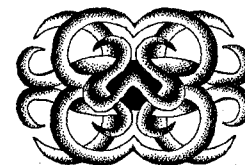
— Но Марика об этом никогда не узнает.

— Ну, и пусть. Знаешь, мне что-то не хочется идти к гостям. Я подозреваю, что Марика вряд ли захочет меня видеть. Пойдем со мной, — Соня нежно провела пальцами по изуродованной щеке Эарена. — Я знаю во дворце совершенно уединенное место, там нам никто не помешает. И ты узнаешь, что Соня умеет быть по-настоящему благодарной...

Глава первая

Она устала так, что готова спать трое суток без перерыва. Сон — точно прохладная, кристально-прозрачная вода в горном озерце... внизу желтеет песок, недвижимый, застывший, как она сама застыла сейчас, погружившись в пучину, а вода такая чистая, что невозможно определить ее глубину. Только когда нырнешь, понимаешь, что до дна не рукой подать, а много, много дальше... Она достигает дна. Она ложится на дно. Ей не хочется шевелиться, не хочется думать ни о чем. Сон-вода едва уловимо колышется в бесконечной высоте, в такт дыханию, в такт замедлившемуся пульсу, в такт ее отсутствующим мыслям. Она отдыхает. Она не хочет ни о чем вспоминать.

Видения порой мелькают совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, но она не пытается

их ловить. Видеть ни к чему. Она достаточно навидалась за эту луну. Так минует целый день, а за ним следует ночь.

...Стук. Громкий, настойчивый. Соня вскакивает мгновенно, словно и не нежилась только что в постели, — роскошь, от которой успеваешь быстро отвыкнуть за время разъездов. Она натягивает на себя первое, что подворачивается под руку: длинную тунику со шнуровкой на груди, — рубаха доходит почти до середины бедер, — и, не заботясь о том, чтобы искать штаны, тем более, что ей противна сама мысль натягивать на себя пропитанную конским потом одежду, она распахивает дверь.

Стевар на миг замирает, делает шаг назад. Ей нравится, как он краснеет, этот северянин. Лицо заливает краской, так что веснушки выступают на нем белыми пятнышками, словно россыпь крохотных монеток, затем краснеют уши, шея и даже затылок. Он смущенно прячет в рукава свои крупные крестьянские руки, отводит глаза, не зная, куда себя девать.

— Ну, что встал-то, заходи, — она отступает на шаг, едва ли не силой затягивая парня в комнату. Потом, решив, что не стоит так уж издеваться над этой невинной душой, оглядывается по комнате в поисках, чего бы надеть.

И тут же хмурится. На сундуке в изножье кровати стопка сложенной одежды. Чистой, пахнущей лавандой...

Это Мийна добавляет повсюду свои травы, — всегда знаешь, что ты дома, когда надеваешь ру-

баху с очередным цветочным ароматом. Мужчины, обитатели Логова, помнится, сперва возражали, орали во всю глотку, что не желают, чтобы от них несло, как от дешевой шлюхи, но Мийна обиделась всерьез, надулась, уступать отказалась наотрез, и, очутившись перед выбором: ходить ли в грязном, или смириться с ненавистным ароматом, парни все же благоразумно выбрали последнее. Для Сони, впрочем, такой вопрос не стоял изначально.

Ухватив легкие домотканые штаны, яркими красными узорами расшитые понизу, она натягивает их и хмурится, не обращая внимания на гостя.

— Ты чего злая-то такая?

Стевар уже слегка оправился от смущения, алые пятна постепенно сползают с лица.

— Могу и уйти, коли не вовремя.

Соня пренебрежительно машет рукой.

— Да нет, ты тут ни при чем. Просто я, видно, совсем уже чутье потеряла. Ко мне кто-то заходил сегодня, раз одежду чистую принесли, а я даже не слышала!

Она раздосадованно трясет рыжей головой. Стевар сочувственно кивает. Для него это не девичья блажь, не прихоть, он прекрасно понимает, чем так встревожена воительница. Сегодня ты не слышишь, как служанка принесла тебе чистую смену одежды, завтра не учуешь подкравшегося убийцу...

— Да ладно, — наконец пожимает он плечами. — Тебя ведь ждали еще несколько дней на-

зад. Разара себе все когти сгрызла, дозорных отправляли на дорогу каждое утро. Наверное, загода и принесли твое барахло...

Соня знает, что это не так, потому что аромат слишком свежий. Сейчас он раздражает ее, как прямое свидетельство преступного небрежения. Этот запах хуже, чем удар кинжала. Теперь она подозревает, что всегда, стоит лишь ей унюхать аромат лаванды, у нее будет такое ощущение, будто ей надавали оплеух. Ну, может, оно и к лучшему. Куда безопасней спохватиться сейчас, впредь будет осторожнее!

Мгновенно отбрасывая все неприятные мысли, ибо не таков обычай воительницы, чтобы подолгу надсаживать душу по поводу собственных оплошностей, она широко улыбается Стевару, ударяет его в плечо кулаком.

— Ну что, волчонок, рассказывай, как тут у вас. Скучал?

Здоровяк-северянин трясет кудлатой головой, расплываясь в широкой ухмылке.

— Не-е, не скучал.

Простая душа, он даже не понимает, что слова его могут показаться кому-то обидными. По счастью, Соня ему не подруга, не любовь всей жизни. Ей совершенно не обязательно, чтобы Стевар, пока она в отъезде, мучился и не находил себе места от тоски.

— А чего появился тогда с утра пораньше, если не скучал? — подкалывает она парня.

— Ну, так бегать вдвоем веселее, в одиночку я замаялся, да и не то совсем. Пойдешь?

Сейчас ей меньше всего хотелось бы выбираться на улицу, где, как она видит через узкое окно, еще лишь отчаянно неохотно пробиваются первые предрассветные лучи, тусклым серым светом заливая просторный двор Логова, черепичные крыши служб и золотой купол храма. Постройки выделяются из тьмы едва различимыми перламутровыми тенями. Кажется, дунь и исчезнут... Иногда ей хочется, чтобы они исчезли. Сейчас особенно.

Но не в ее привычках раскисать... В углу, как обычно, стоит таз и медный кувшин с водой для омовения. Не обращая никакого внимания на жмущегося к окну Стевара, она начинает умываться, затем тщательно расчесывает костяным гребнем свои роскошные рыжие кудри, отмечая попутно, что слишком давно не уделяла нужного внимания волосам, и они опять безобразно отросли. Безобразно, по меркам Сони, означает почти до поясницы. В таком виде их не спрячешь ни под капюшон плаща, ни, тем более, под шлем. Пачкаются в любой грязи, в лесу цепляются за ветви, — сущее безобразие! Порой ей вообще хотелось бы остричься налысо, но жалко. И к тому же насколько быстро они растут! Никогда и ни у кого не видела подобного. Со вздохом она прикидывает, успеет ли вечером заглянуть к Мийне: помимо обязанностей прачки, та всегда помогает желающим справиться и с этой заботой.

Соня стоит перед зеркалом долго. Вообще, это зеркало — ее гордость. Великолепно отполиро-

ванный пласт тончайшего серебра, закрепленный на медной основе. По краям — изящная чеканка в виде каких-то диковинных птиц, цветов с листьями, маленьких загадочных фигурок... порой Соне кажется, что они все время меняются, каждый раз, когда она смотрит на них. И вообще, это зеркало, пожалуй, одна из самых ценных вещей, какими она владеет, если не считать оружия, разумеется. Но сейчас она вертится перед зеркалом не для того, чтобы собой полюбоваться. Она и так знает, что там увидит, и по счастью, не достигла еще того возраста, когда поутру смотреть в зеркало столь отвратительно, что стараешься оттянуть эту процедуру как можно дольше.

Дело не в этом. Стевар ее старый друг и приятель, он появился в Логове всего на полгода позже ее самой. Она знает его, как облупленного, и сейчас ясно чувствует, что с парнем что-то не так. Не обязательно что-то плохое, нет. Просто — он *не такой*. И, исподволь наблюдая за ним, пока делает вид, будто прихорашивается, Соня пытается понять, мерещится ей это спросонья, или, и впрямь, дело нечисто.

Впрочем, кто их разберет, этих оборотней. Конечно, Стевар — волколак не чистокровный, таких, должно быть, даже в самых глухих заимках Пограничного королевства уже не осталось, и сам он затрудняется определить, сколько именно у него человеческой, а сколько волчьей крови в жилах, так все перемешалось... Пограничное королевство давно уже не является тем странным

наростом на теле Хайборийской цивилизации, каким оно было четыре века тому назад, когда оборотни-волки в буквальном смысле сумели прогрызть себе дорогу к трону, перенесли столицу в Вольфгард и основали новую династию, уверенные, что это — на века. Увы, как оказалось, так надолго их не хватило. Умерли первые короли-оборотни, пришел черед уйти на Серые равнины их прямым потомкам, и всё... развернулись, обрюзгли, обленились. В отличие от людей, сытый волк не бегаёт, не суетится, не ищет поживы. Он сыт — значит, всем доволен. Может отдыхать, пока не проголодается. И волки Пограничья успокоились. В отличие от своих соседей-людей.

Первым, кто заметил слабость Пограничного королевства, оказался немедийский король Ги-хор. Но его отряды были встречены рассерженным ополчением, состоящим не только из оборотней, но также из людей, коим вполне выгодно жилось и при столь чудных правителях, и даже подгорных карликов-гномов, которым отнюдь не улыбалось, чтобы какие-то чужаки пришли на эти земли, принялись устанавливать свои законы, требовать новые налоги в казну... превыше всего, коротышки всегда ценили покой, и на защиту этого покоя двинулись всей своей немногочисленной, но не по росту упорной и крепкой ордой. В общем, немедийцы убрались несолоно хлебавши.

...Подумав немного, Соня принимается заплетать волосы в тугую косу: меньше будут мешать

при беге. Одна прядь, другая, третья. Одна, другая, третья. Да, третий немедийский король. Третий из Гихоров. Он был умнее, этот парень с лисьей мордой, чьи портреты до сих пор украшают множество казенных зданий в немедийской столице, да и не только там. Пожалуй, Гихор Третий в памяти многих останется как один из самых хитроумных, безжалостных и удачливых правителей за последние два, если не три века.

Он начал с того, что заслал в Пограничье своих жрецов. Митрианцев сперва там встречали в штыки, но они были людьми мирными, драк ни с кем не искали, и мало-помалу их оставили в покое. После чего они принялись доходчиво разъяснять заблудшим душам Пограничного королевства, какой грех те совершают, подчиняясь нелюдям, живя с ними бок о бок, торгуя, собирая урожай, да еще хуже того, порой вступая в браки. Жрецам не слишком противоречили, их, пожалуй, скорее не замечали. Так, бурчат себе что-то под нос, да и Митра с ними. Но почувствовав, что к их проповедям народ мало-помалу привык, те сделались агрессивнее. Пошли в ход угрозы, обещания кары небесной и прочие подлые приемчики. Да тут еще вышел недород в Пограничье... дело, в общем-то, совершенно обычно при тамошнем климате, весьма скупом на солнце, зато щедром на дожди, снега и прочую погибель для урожая. Однако зерно, в буквальном смысле, упало на подготовленную почву, и наконец к митрианцам прислушались. Еще год

прошел, еще один плохой урожай, и многие уже всерьез начали роптать против тогдашнего короля-оборотня Вольфера, а латники Гихора уже стояли на границе...

В общем, королевство упало Немедии в жадные руки, как перезрелый плод. Но на этом Гихор не успокоился. То ли он был так умен и дальновиден, и опасался, что разбитые оборотни неминуемо вновь поднимут голову, в особенности, памятуя о былых бунтах так называемых Бешеных Вожаков, во время которых пролилось немало человеческой крови, то ли и впрямь он был религиозным фанатиком, каких мало, — кто может сейчас сказать?.. В любом случае, Гихор перед ликом солнца, что есть самая торжественная клятва для митрианца, поклялся, что не успокоится и не будет спать в мире и довольстве, покуда на земле останется хоть один проклятый выродок из этого ненавистного волколачьего племени.

Отряды их так и назывались — Волкодавы. Одетые в серое, в плащах, на которых вышито было золотой и алой нитью солнце с четырьмя лучами, изогнутыми к югу, северу, западу и востоку, в шлемах с султанами из белоснежного конского волоса — вот когда разбогатели конезаводчики! — они прошли по всему Пограничному королевству, точно коса жнеца по колосающему полю, а дойдя до его пределов, повернули обратно и прошли по нему еще раз, уничтожая всех тех, кто умудрился уцелеть в первый раз и теперь имел глупость вновь поднять голову. Так

продолжалось добрых три десятка лет. Население Пограничья сократилось едва ли не втрое. Разумеется, не все были убиты, многие просто разбежались, кто в Бритунию, кто в Замору, кто еще дальше. Что же касается оборотней, то те, кому удалось уцелеть, ушли в леса, многие там окончательно одичали, перестали перекидываться в человеческое обличье, навсегда забыв, что когда-то имели способность ходить на двух лапах. Другие... те нашли приют в самых дальних деревнях и заимках на болотах, куда Волкодавам добраться было нелегко, ибо лошади их оказывались слишком тяжелы, чтобы пройти по хлипким гатям. Там оборотни оседали, заводили хозяйство, женились... и чаще всего, естественно, на местных. Так постепенно размывалась кровь, и через сто пятьдесят лет после безжалостного Гихора Третьего, которого в Пограничном королевстве до сих пор именовали Кровавым, в то время как в Немедии он славился эпитетом Мудрейший, волколаков на севере не осталось вовсе, и о них все забыли.

Вплоть до нынешних дней, когда о них вспомнил орден Волчицы.

Стягивая заплетенную косу под налобную повязку, Соня принимается искать свою любимую обувь, которую всегда натягивает в лесу для упражнений. Для постоянной носки в городе совершенно непригодные, эти полусапожки-полусандалии на очень толстой кожаной подошве, изумительно охватывают ногу со стороны пятки и в носке, совершенно не стесняя движений.

Кроме того, подошва у них достаточно гибкая, чтобы при беге идеально принимать форму стопы. Пошарив под кроватью, Соня выуживает оттуда обувь, с брезгливой гримаской сдувает пыль и принимается зашнуровывать сандалии. Все это время Стевар неподвижно стоит у окна. Пожалуй, за это время Соня, вообще, могла бы забыть о его существовании, и это еще одна из поразительных особенностей приграничников. Человек — обычный человек — даже если постарается стоять смирно, затаить дыхание, притихнуть, едва ли сумеет по-настоящему замереть, если не считать, конечно, специально обученных лазутчиков, проводящих по полжизни в лесах. Человек все равно шевельнется. Там затечет рука, там хрустнет сустав... даже сам не заметит, как дернется, как выдаст себя. Стевар — совсем иное. Он может прекратить движение полностью, совершенно, став не то что даже деревом или стеной — став воздухом, просто окрашенным в тон человека. Казалось, даже мысли его замирают в такие секунды, хотя Соня никогда не осмеливалась спросить, о чем он думает в это время.

Однако о другом ей спросить сейчас хотелось бы.

— Слушай, Стив, — бросает она весело, притоптывая ногой, чтобы проверить, как сидят сандалии. — А почему из всего вашего племени в Логове только ты один? Ведь если вдуматься, вы — полуволки, здесь богиня — Волчица, вам бы тут самое место...

Северянин пожимает могучими плечами, и литые мышцы перекатываются под домотканой безрукавкой.

— Во-первых, не один, — бурчит он. — Еще двое есть, Малика и Тавер, впрочем, ты их не знаешь, да и не важно. — Он запускает веснушчатую пятерню в белоснежную шевелюру. — Видишь ли, они приходили к нам, ну, эти, посланцы Волчицы. До самих наших заимок, конечно, не добрались, туда, вообще, никому не добраться, но в городах ходили, расспрашивали, что, где, где волки, как найти... — он хмыкает то ли презрительно, то ли... Но нет, скорее все же презрительно. Соня усмехается тоже. Ясное дело, какой деревенский поверит горожанам вообще, а тем более таким, как посланцы Волчицы, странно одетым, ведущим какие-то загадочные речи. Чего хотят эти люди, что им нужно — кто разберет? Да и кому придет в голову идти за ними?

— Так что вы почесали в затылке и решили, что себе дороже, да?

Стевар разводит руками.

— Ну, а ты как думала? Впрочем, они настырные оказались, эти волчатники. Ну, ты же их знаешь. Пару наших все же отыскали. Тут и оказалось, что мы им уже вроде как не подходим. Те, что в лесу, чистоту крови хранили. В тех больше от волка стало, чем от людей. Да и какая там чистота крови, если каждый год по весне они с волчицами валяются.

У Сони округляются глаза.

— Да неужто?

Стевар как будто смущен, вновь начинает краснеть. Пятна, прятавшиеся под рубахой, ползут по шее, заползают на щеки.

— Ну, врать не буду, сам не видел. Говорят так. Да и какая разница. В общем, волчатники сказали — нет, сильно дикие.

— Ну, а как же насчет вас?

— А мы слишком люди, тоже, стало быть, не подошли. Мне просто любопытно стало, — добавляет он после недолгой паузы. — Надоело на болотах сидеть, что там увидишь? Отец орет что ни день, мать пилит, жениться заставляют, в общем — плюнул я на все, котомку собрал, пошел волчатников искать. В город прихожу — их уже и след простыл. Пока я прособирался, да пока из трясины своей вылезал, они уехали уже. — Он усмехается. — Ну, ты меня знаешь, мы народ настырный, пошел за ними. Пешком, босой, как привычно, припасов взял с собой всего на три дня, не знал же, что так все сложится. Денег опять же, ни медяка...

Соня выжидательно смотрит на него, но Стевар, похоже, не намерен продолжать. Он опять застыл у окна в какой-то странной позе, приподняв голову, левую руку закинув за спину, а левую ногу согнув в колене, точно цапля. Странная поза, чтобы погружаться в воспоминания. Она решается все же вырвать его из забытья.

— Ну, нашел все же, раз ты здесь?

— А то... — Он внезапно спохватывается, срысывается с места, тащит ее за рукав. — Ладно, хватит сидеть-то. Сказал же, бегать будем. Пошли.

Соне и самой уж неважно находиться в этой комнате. Здесь все пропитано сном. Воздух кажется затхлым, каким-то медленным, свет сочится сквозь единственное окно, окрашенный странной тревогой. Она не находит здесь себе места — возможно, здесь не ее место? — и, запретив себе оглядываться, вслед за Стеваром она выходит в коридор.

Коридор жилых покоев Логова узкий и длинный, в него открывается не меньше трех десятков дверей, за каждой из которых комната, подобная Сониной. Впрочем, на одного человека — это большая роскошь. В большинстве, своем они рассчитаны на троих-четверых, и, насколько может судить воительница, сейчас, в большинстве, своем они заняты. В Логове неслыханный приток новобранцев. Неужто и впрямь готовится что-то любопытное?

Но Стевар не тот человек, у которого можно узнать последние новости. Как правило, он полностью погружен в себя, в собственные немудреные дела и заботы, и любой разговор сворачивает именно на это. Как спутник в дороге он хорош, отлично также биться с ним бок о бок, если уж, не дай Небо, придется такое, но вот как соглядатай в стане врага... Нет, это не для Стевара.

Полутемный зев коридора внезапно раскрывается ярким световым пятном. За то время, пока она прихорашивалась у зеркала, да предавалась пустым размышлениям, оказывается, уже взошло солнце, но во дворе Логова пока еще

пустынно. Лишь слева, у кухонь, вовсю уже царит суета, там колют дрова, тащат полные ведра воды, готовя все к утреннему завтраку, когда в Логове пробудится сотня голодных ртов, и все толпой устремится требовать свою долю.

Чуть поодаль, левее, у конюшен, лениво бьет молотом по наковальне Микар. Хороший кузнец, хотя в Заморе и Кофе Соне встречались и лучше. Пожалуй, свой меч она бы ему править не доверила. Но вот лошадь подковать, какие-то заклепки поставить — это куда ни шло. Проходя мимо, она дружески машет рукой нордхеймцу.

— Ты сегодня рано, Микар. Что, решил всех вокруг своим стуком и звоном перебудить? Или тебе специально приплачивают любители подремать, чтобы ты не дал им проспать завтрак?

Микар хохочет, откладывает молот в сторону, протягивает Соне мощные руки, поросшие густым черным волосом.

— Иди сюда, рыжая лисица, иди, обнимемся! Где тебя носило столько времени?

Соня звонко смеется, но подходит с опаской, и тем паче не спешит броситься кузнецу в объятия. Хватит, один раз он уже ей от радости встречи едва не сломал ребро. Пусть теперь радуется на расстоянии.

— Да ладно тебе, медведь здоровый, — улыбается она. — Меня и не было-то всего ничего, когда бы ты успел заметить? Тут целое войско могло через ворота туда-сюда двадцать раз пройти, ты бы и внимания не обратил.

— Ну, может, как ты уезжала, и впрямь не

запомнил, — басит Микар, — зато вчерашнее твое возвращение надолго в память залегло. Еще кошмары сниться будут лет пять, не меньше. — Он раздражается утробным хохотом.

— А что такое? — вмешивается Стевар.

Кузнец, пожалуй, единственный человек, не считая Сони, с кем он держится по-свойски, почти запанибрата, не стесняется болтать и первым задавать вопросы. С остальными он обычно по-девичьи робок, едва подбирает слова и каждый раз, если должен о чем-то спросить, с такой старательностью мнет ногой землю, что, того и гляди, провертит в ней дырку до самого Нергалова подземелья.

Он оборачивается к Соне.

— Ну, выкладывай, что такое было вчера, чем ты напугала нашего медведя? Учти, ему ведь когда дурные сны снятся, он ревет так, что на десять лиг в округе все зверье разбежится...

Прекрасный образчик деревенского юмора!

Соня пожимает плечами.

— Да ничего особого. Ну, загнала лошадь, с кем не бывает. Жалко, конечно, хорошая была каурая. Но ничего не попишешь...

Она явно намерена двинуться дальше, не желая продолжать этот разговор, но Стевар волчьим нюхом своим чувствует, что приятельница чего-то не договаривает, и, словно хищник на добычу, устремляется на Микара.

— Темнит чего-то наша Рыжая. Давай, выкладывай, что там было вчера? — И уже к Соне. — Ты куда моталась-то, кстати?

Теперь уже воительница раздосадована всерьез. Меньше всего ей хотелось бы сейчас вспоминать о своей недавней поездке. Впрочем, так бывает всегда. Надо дать себе немного времени, чтобы улеглась тревога, чтобы не было этого проклятого поганого ощущения, что вот-вот, зловеще дзинькнув, сзади вопьется в шею стрела, что чьи-то недобрые глаза постоянно сверлят затылок. Надо дать себе отдышаться, размяться немножко, пройтись по лесу, тогда можно и рассказывать. А вот так сходу, да еще после ночи, полной дурных снов, — хотя ей помнится лишь песок, вода, да какие-то глупые красные рыбы, — нет, говорить она совершенно не расположена. Демонстративно насупив брови, она поворачивается к парням спиной.

— По-моему, это ты хотел бегать, а не я, Стев. Если раздумал, так и скажи.

Но, вместо ответа, оборотень со смехом хватается за талию и, сперва высоко вскинув над головой, торжественно усаживает прямо на наковальню Микара, с которой тот предусмотрительно успевает сгрести кожаным фартуком всю железную мелочь.

— Молчи, принцесса! Микар, расскажи нам сагу о возвращении великой воительницы в родное Логово!

— О, это было незабываемо, — басит черноволосый. Как и все северяне, он жить не может без добрых историй. Это у них в крови. Долгие зимы большую часть времени приходится сидеть под крышей у огня, заняться нечем, всех развле-

чений — только рассказывать друг дружке одни и те же бесконечные байки. Так неудивительно, что даже безобидная история с гусем, зашипевшим на ребенка, обретает почти эпические масштабы и пересказывается каждый раз все более красочно, до тех пор, пока никто уже не в состоянии узнать в ее цветистой пышности первоначального скромного сюжета.

— Короче говоря, иду это я вчера с ужина...

— А, — Соня вздыхает с облегчением. Похоже, в этот раз от эпоса, сравнимого с «Большим кольцом», они останутся избавлены. Микар еще не успел расцветить свою легенду пышными красками. Иначе им пришлось бы слушать как минимум с момента его появления на свет, а в самом страшном варианте, вообще, всю историю сотворения мира с того дня, как богиня Трейя вдохнула жизнь в золотое яйцо, снесенное ее любимой голубицей Куу... — Так вот, иду, ни о чем себе не подозревая, эля кувшин прихватил, сыра да хлеба немножко, чтобы на ночь глядя подкрепиться и вдруг — не поверишь! — топот копыт, земля затряслась, огонь вспыхивает какой-то зеленый над лесом, точно свора демонов на нас мчится. Я — хочешь верь, хочешь нет, — тут же бросился за наковальню, затаился. Лошади взбеленились, копытами бьют, ржут, стойло едва не снесли, а зарницы так и пылают над лесом, одна, другая, и грохот стоит, и рев, словно камнепад прошел...

Нет, похоже, без голубицы Куу все же не обойтись. По мере рассказа, глаза Микара заго-

раются поистине берсерковским огнем, он принимается широко размахивать ручищами, грозя в любой момент снести Соню с ее хрупкого наместа. Как видно, живописуемая картина ему и самому очень по душе, он даже оглядывается на лес, зеленеющий за стенами Логова, словно и впрямь ждет увидеть там разноцветные зарницы.

На самом деле, она просто скакала на лошади к воротам. Скакала быстро. Ну, может быть, даже очень быстро. Не разбирая дороги, потому что неслась через лес напрямик. Выбирать дорогу было некогда. Просто скакала и все. А зарницы — ну, впрочем, она не оглядывалась. Могли быть и зарницы...

— И вот, — вдохновенно продолжает кузнец, — Среди всего этого шума и грохота, среди звона стали, камнепада, пляшущих огней и завывания демонов, несется она, рыжеволосая дева, почти обнаженная, на огромном жеребце цвета ночи, и за ней свора тварей самого ужасного вида, с раззявленными пастьями, с клыками, с которых падает ядовитая слюна, с горящими очами, как болотные гнилушки...

— О боги, да уймись же наконец! — Соня хочет так, что едва не падает на землю. — Не было никаких демонов, что ты парню голову морочишь? Смотри, он весь аж закаменел!..

Микар виновато оборачивается к Стевару, который и впрямь слушает кузнца, раскрыв глаза так широко, что они кажутся нарисованными на его бледном веснушчатом лице.

— Извини, друг, — бормочет Микар. Но извиняется он не за себя. — Извини эту глупую девочку. Она ни на медный грош не смыслит в хороших историях.

— И что было дальше? — выдыхает зачарованный Стевар.

Кузнец вновь взмахивает руками.

— А дальше, она несется, сосны, словно травинки, уклоняются с ее дороги, ветер сметает листву и сучья, чтобы конь ее ненароком не повредил ноги, и пылью залепляет глаза подлым тварям, а она скачет прямо сюда, к воротам, и мы бежим отворить ей поскорее, и она скачет прямо к нам, и мы понимаем, что она не успеет, и тут... — Он делает театральную паузу, держит ее до невыносимого, до тех пор, пока у слушателей не порвутся все нервы в напряженном ожидании. —...И тут ее конь совершает огромный скачок. Клянусь тебе, друг мой, я никогда не видел, чтобы лошади так прыгали. Он пролетел, должно быть, сотню шагов в одном парении, и приземлился прямо здесь, — заскорузлым пальцем с ногтем, украшенным жуткого вида кровоподтеком (обычная беда кузнеца!), он тычет на землю прямо перед собой. — Вот здесь приземлился ее конь... словно птица, он летел, да разразит меня Небо, если я вру хоть в единой букве. Приземлился и пал замертво. Пена выступила на губах, алая, как кровь, глаза закатились, и он прохрипел человеческим голосом: «Прости!» и... умер.

Стевар восхищенно вздыхает. Соня испускает

громкий стон, не зная, злиться ей или смеяться. Будь сейчас время чуть более позднее, в особенности, если бы она уже успела позавтракать, то не стала бы и лишнего мгновения думать над этим. Но с утра она не человек. С утра, как она любит повторять, вообще, люди не живут. Какое уж тут чувство юмора!

— На самом деле, — оборачивается она к Стевару, — Я просто удирала от одного болвана. Он думал обмануть Волчицу, этот глупый офирский купчишка. Я должна была купить у него манускрипт «Магических Арканов», может быть слышал, Разара бредила им последние три луны, как только услышала, как кто-то выставил книжонку на рынок, а этот ублюдок Раззак решил нас надуть. — Она усмехается не без толики самодовольства. — Конечно, чисто внешне невозможно было понять, что чего-то не хватает. Просто какое-то странное чувство у меня возникло, да еще ленточка какая-то болталась странная, на закладку не похоже, к чему — непонятно. В общем, отыскала я там в Келадисе одного мага. Слабенький колдунишко, скорее, даже подмастерье, нашим в Логове в подметки не годится. Но, правда, мастерства его кое на что хватило. Понял, что дюжины листов в книге не достает. Там должны были быть Звездные таблицы. За ними и пришлось идти обратно к Раззаку.

Тон ее по контрасту с эпическим повествованием Микара куда более будничным, ибо для нее это приключение — самое обычное дело. Таких поездок она совершает по десятку в год, а

то и более. Правда, по счастью, в большинстве своем они проходят не столь бурно.

— Верно ли я понимаю, о рыжеволосая гордость Логова, — перебил ее кузнец, — что этот подлец, как ты его назвала? Раззак? — пытался всучить пресловутые арканы другому покупателю?

— Ну, еще бы! — Соня усмехается, вспомнив эту сцену. Тощий маленький купчишка с огромным носом и горящими глазами, который, жестикулируя, объясняет что-то высоченному, похожему на жердь незнакомцу в костюме провинциального мага... Ибо кто еще, кроме сельского некроманта, станет украшать свой балахон таким количеством звезд, полумесяцев и прочего ничего не значащего барахла. В общем, осознав ситуацию, Соня не стала тратить время на разговоры. Просто, соскочив с подоконника, куда опустилась по веревке с крыши, схватила со стола вожаденные листы пергамента и сиганула вниз, где заранее оставила дожидаться свою верную каурю лошадку.

Не рассчитала только того, что покупатель явился не один, а с хорошей охраной. Так что не успела Соня оглянуться, как на хвосте у нее уже повис десяток самого грозного вида солдат, да еще сам маг и оскорбленный в лучших чувствах купец со своими прихвостнями. Ей удалось оторваться от них лишь на считанные мгновения, чтобы заскочить в дом к давешнему магу-недочке. Тот, осознав, что вяпался в какую-то крупную историю, попытался, разумеется, сде-

лать вид, что не понимает, кто перед ним и чего от него хотят, а все, на что он способен — это в лучшем случае навести чары на дом какой-нибудь тетушки Мины, чтобы пыль по углам не садилась и молоко некисло. Однако, с кинжалом, приставленным к горлу, все начинают соображать быстрее, а у магов колдовское искусство вырастает просто на глазах, так что чары на каурю он наложил более чем сносно — и довольно-таки споро. Соня едва успела выбежать из дома мага, вскочить в седло и устремиться прочь, когда в конце улицы показались ее преследователи, с радостным улюлюканьем принявшиеся загонять жертву.

У них было преимущество сменных лошадей, преимущество в количестве, преимущество в силе. На стороне Сони, как очень часто случалось в ее жизни, была только хитрость и ловкость, ну, и возможно, самая малая толика удачи.

Так что никаких зарниц и чудовищ с глазами-гнилушками на подъезде к Логову, конечно, не было. Она, вообще, сильно сомневалась, что противники ее последовали за ней аж сюда. Скорее всего, отстали где-то за лигу до заветной долины, осознав, наконец, куда едут и в пасть какому зверю могут угодить. Но останавливаться, чтобы это проверить, разумеется, она не стала, и поэтому, не сбавляя ходу, внеслась во весь опор в ворота Логова. Ну, а дальше...

— В общем, лошадка меня несла, пока не кончились чары Мерцилия. А потом бедняжка кауря просто издохла. Сердце не выдержало.

— И ты так просто говоришь об этом, — Микар полон укоризны. — Да у меня у самого чуть сердце не разорвалось, когда увидел, что ты летишь прямо к моим ногам... Бесчувственная, холодная, как камень...

— Это ты имеешь в виду только вчера, или вообще всегда? — с иронией перебивает воительница. — Мужчины хохочут, и как всегда, когда радуются доброй шутке, бьют друг друга по ладоням, по плечам, ну, в общем, две родственные души, нашедшие друг друга. Наконец, Стевар силой стряхивает подругу с насиженного местечка. А та уж только понадеялась, что он забыл о своих жестоких планах и оставит ее наконец в покое... Тем более, запахи со стороны кухни уже доносятся самые соблазнительные...

— Ладно, пошли, а то скоро так жарко станет, что и не побегаешь толком.

Не слушая никаких возражений, он тянет ее за руку, они пересекают посыпанный желтым песком двор, движутся к воротам Логова. У самого выхода, обернувшись, Соня машет рукой Микару, вспомнив, что так и не удосужилась спросить у него, откуда в конюшне столько лошадей. Она успела заметить это мельком, когда они болтали и веселились все вместе.

Даже если появились новые послушники, едва ли все они приехали верхом. Лошадь все-таки — это слишком большая ценность, чтобы ею мог обладать любой вор или наемник, а именно из таких, как правило, и состоит армия новобранцев Волчицы. Если же в Логове гости, то кто та-

кие и откуда, и почему Стевар до сих пор не сказал ей ни слова?

Но сейчас спрашивать его слишком поздно. Отойдя на три десятка шагов за ворота, без всякого предупреждения, северянин припускает бегом. Босые пятки мерно ударяют по земле, усталанной пружинистым ковром рыжеватой хвои. Проходит несколько мгновений — и вот он уже почти скрывается за деревьями. Махнув на все рукой и выбросив заботы из головы — по крайней мере, на время — Соня устремляется следом. Она пробует ногой землю так, как иной пловец пробует воду и — начинает бег.

Ноги ступают уверенно, находя привычный ритм, словно и не было перерыва. Деревья проносятся мимо, мелькая на периферии зрения расплывчатыми коричневатыми пятнами. Она не смотрит по сторонам, не смотрит прямо под ноги и уж тем более не смотрит вперед. Нельзя. Взгляд должен быть косым, устремленным шагов на пять вперед себя на землю, захватывая чуть-чуть дороги повыше и впереди, а также по бокам. Но в целом, очень узкий туннель, куда более сжатый, чем обычное зрение, каким пользуется человек. Это помогает сосредоточенности. Когда так смотришь, то и дышишь иначе, и движешься тоже. Сама она этого не знала, ее научил Стевар. Помнится, она даже спросила его как-то с насмешкой, не желая признавать преимущество какого-то деревенского увальня перед собой, закаленной в боях наемницей, опытной воровкой и вообще... красоткой хоть куда:

— А на болотах своих ты тоже бегал? Где ж ты там место нашел? Там, небось, и бегать-то негде.

— Почему же, — отозвался он невозмутимо, бросив на Рыжую Соню странный взгляд. — Бегать там можно, только очень быстро, чтобы в трясину не провалиться.

И как всегда, она не могла понять, шутит он или говорит серьезно.

С горки, перепрыгнуть канаву — ах, проклятье! — нога чуть не угодила в ловушку, словно каким-то недобрый духом сплетенную из упавших сучьев... Солнечные пятна кидаются в лицо, как невесомые бабочки, слепят глаза на мгновение, затем еще шаг, в тень, в полумрак, и опять солнечные бабочки... Запах хвои, острый, всепроникающий, от него щекошет нос, трудно дышать. Или она просто задыхается оттого, что отвыкла от продолжительных усилий? Впрочем, зрение свернуто в туннель, и разум сворачивается тоже, отсекая все ненужные мысли. Все мысли вообще. Бежать. Шаг, еще шаг, мимо деревьев, перепрыгнуть ручеек... Нога в уютном сапожке встает ровно, не соскользнув с камня, поросшего мокрым мхом...

Спина Стевара мелькает где-то впереди, на полотняной тунике сверху темное пятно от пота. Прежде они чаще бегали бок о бок, и даже умудрялись разговаривать на бегу. Точнее, говорил один только оборотень, Соня берегла дыхание, но он обладал поразительным даром не задыхаться никогда, и вел беседу спокойно, что-то

рассказывал, сам спрашивал и сам себе же отвечал, при этом все прибавляя и прибавляя темп.

Но сейчас он бежит молча, бежит, словно пытается догнать кого-то. Или убежать... А Соня просто бежит. Досадливой мухой мелькает мысль, что неприятно выйдет, если давешние преследователи не повернули восвояси, опознав долину Логова, а затаились где-нибудь поблизости в засаде, и сейчас как раз злополучная воровка угодит к ним в руки. Машинально рука тянется к кинжалу в небольших ножнах на поясе. Но тревога напрасна. Она точно знает, что они ушли. Невесть почему, но Соня в этом уверена абсолютно.

Стевар сворачивает на знакомую тропинку. Солнце припекает все жарче, и воительница радуется знакомым местам. Тут недалеко до лесного озера, где они обычно отдыхают, прежде чем уже спокойным шагом направиться обратно в Логово.

Вот и оно, наконец. Иссиня-зеленая гладь, не тревожимая ни единым дуновением ветерка. Сосны вокруг, коричневые валуны, точно сонные медведи, которые недавно вылезли из берлоги и ползут к водопою. Солнце россыпью золотистых брызг играет на воде, а совсем рядом, в ветвях, брызгами искрящегося звука разливается какая-то пичуга. Городской житель, Соня никогда не могла запомнить названия всех этих птиц...

К озеру она подходит, замедляя шаг, идет вдоль берега, чтобы отдышаться и прийти в себя, затем с наслаждением падает в траву. Рядом,

шумно отфыркиваясь, умывается Стевар, оборачивается к девушке.

— Давай живей, не разлеживайся.

Ей лениво не то что шевелиться, но даже поднять голову, чтобы ответить.

— Куда спешить-то? Без завтрака не останемся.

— А ты разве не знаешь? Ах, да, конечно, кто мог тебе сказать?.. Сегодня в полдень Разара собирает всю стаю во дворе Логова, что-то важное намечается. Сбор по третьему колоколу.

— А, — Соня небрежно машет рукой. — Обойдусь.

Неожиданно белесые брови сходятся на переносице, оборотень вперивает в нее сердитый взгляд голубых глаз.

— А ты что, какая-то особая, да? Думаешь, здесь все законы не про тебя писаны?

От изумления Соня даже забывает про усталость, приподнимается на локтях, и мгновенно солнце золотистой чешуей осыпается с кожи, и противный холодок пробегает по спине.

— Да что с тобой такое, парень? С каких это пор ты мне указываешь, для кого писаны законы Логова? Или стал теперь самым правоверным из волков?

Она одновременно смущена и раздосадована. Стевар всегда казался ей чем-то вроде тайного сообщника. Как нерадивые школяры, готовые в любой момент сбежать с занятий, они не то чтобы в открытую пренебрегали дисциплиной Логова, но по крайней мере всегда делили между со-

бой тайную искорку неповиновения, эдакий крохотный очаг свободы для двоих, дававший иллюзию свободной воли. А теперь... что же теперь?

— Что молчишь, волк? С каких это пор волки ходят в узде?

— Не в узде, а в стае, — неожиданно твердо парирует северянин. Красные пятна вновь заползают на щеки, должно быть, от волнения. Но губы сжаты твердо, и, судя по всему, он, в самом деле, думает то, что говорит. — В стае должны быть законы, должна быть дисциплина. Если ты не бежишь со всеми, ты отстанешь.

Несколько мгновений Соня размышляет. Затем:

— Скажи-ка мне вот что, милый. Я сразу почувствовала, что что-то изменилось. Уж не прыгнула ли Волчица в твой огонь, в прошлую полную луну?

Стевар еще больше багровеет, прячет глаза.

— А-да, это случилось. Я не верил. Соня, ты представить себе не можешь... Я... Это такое... Нет, не могу говорить. Но поверь, это... я не нарочно...

Соня пожимает плечами с деланно беззаботным видом. Затем даже находит в себе силы подняться, потрепать приятеля по плечу, но тут же отворачивается, опускается на колени у озера, чтобы умыться, бездумно плещет в лицо холодную воду.

— Что ж, поздравляю. И что было дальше?

Впрочем, она не слушает ответа. Те, кто был избран, никогда ничего не рассказывают.

Сама Соня не менее дюжины раз уже присутствовала на этих обрядах. Огромное зеркало из полированной бронзы, высотой в рост человека, с рамой, сделанной так, что кажется, будто волчица, став на задние лапы, удерживает его сзади, положив сверху огромную голову с приоткрытой пастью... Искусство неведомого мастера поразительно. Когда в крошечной тьме Большого храма перед зеркалом Волчицы разводят жертвенный огонь, на который проливают кровь животного, соответствующего этому месяцу года, будь то заяц, куропатка, ягненок... Когда огонь начинает трещать, вспыхивает, и пламя возносится к самому сводчатому потолку, то сквозь эту огненную завесу Волчица кажется живой.

А потом, говорят, она и впрямь оживает. Выступает прямо из зеркала, огромная, белоснежная, пугающая, движется сквозь огонь... Входит в своего избранника, сливается с ним. Впрочем, это видят лишь избранные, те, кто уже пережил великое Единение. Для глаз же стороннего наблюдателя все очень просто. Горит огонь, потом внезапно один из людей, что только что кружились в медленном заученном ритуальном танце, падает на каменные плиты, иссеченные древним рисунком... Падает, чтобы подняться только наутро. Подняться совсем другим.

Его, доселе обнаженного для танца, одевают в белое, уводят куда-то, и остальные послушники встречают его лишь седмицу спустя, и он больше никогда не рассказывает о том, что с ним случилось.

Все двенадцать раз Соня оставалась простым наблюдателем.

А вот теперь избранным оказался Стевар. Странно, почему-то она думала, что с ним никогда ничего подобного не произойдет, по крайней мере, не так скоро, ведь обычно, по ее наблюдениям, Волчица избирала книжников, любителей древних наук, обожающих копаться в пыльных фолиантах, ведущих заумные беседы философов с глазами, горящими древним безумием. Но вот Стевар... И как она должна теперь разговаривать с ним?

— Так что, мне теперь кланяться при встрече? — она сознает, что голос ее звучит слишком резко, что ее устами сейчас, возможно, глаголет ревность... Но ничего не может с собой поделать.

Стевар смущается еще больше.

— Ну ладно, ну что ты так, в самом деле? Она выберет и тебя, вот увидишь!

Но Соня уже закусила удила, и сознание того, сколь нелепо она выглядит сейчас в собственных глазах, лишь подстегивает ее все сильнее.

Впрочем, у нее хватает мудрости удержать язык за зубами. Она поднимается с колен, стряхивает с ладоней воду, вытирает их о тунику и разворачивается.

— Ладно, пошли, а то и впрямь опоздаем.

За всю дорогу до Логова они не обмениваются ни единым словом.

Впрочем, по возвращении ее дурное настроение постепенно рассеивается. Со Стеваром они прощаются у ворот, тот исчезает куда-то, и она

даже не спрашивает, куда, а сама направляется на кухню. Если не все старые друзья еще предали ее, то повар, добродушный кофиец Кабо, наверняка оставил ей что-нибудь вкусненькое.

Хвала Небесам, на свете еще остались верные друзья. Так она и заявляет Кабо, с удовольствием уплетая свежвыпеченную лепешку с маслом и медом, и запивая теплым молоком. Кофиец подогрел его ровно настолько, как это любит рыжеволосая воительница, и одобрил специями, секрет которых ведом ему одному.

Закончив с делами, толстяк присаживается напротив, с почти болезненной пристальностью наблюдая, как она ест.

— Совсем отошала, как я погляжу, — наконец роняет он сочувственно. — Ну ладно, отъедайся. Надеюсь, теперь они хоть пару седмиц тебя трогать не будут.

— По мне, так я к лошади еще полгода не пойду. От одного вида седла и поводьев меня тошнить скоро начнет, — веселым тоном произносит она, но ей самой кажется, что слова эти звучат фальшиво. На самом деле, желание вновь уехать из Логова становится почти нестерпимым. Впрочем, это бывает, и чаще всего проходит.

Чья-то тяжелая рука хлопает ее по плечу, и от неожиданности она принимается кашлять, поперхнувшись молоком.

— Ну, ну, ты что это? — басит над ухом знакомый голос. — Напугал я тебя, что ли?

Она со смехом вскидывает голову, трясет рыжими кудрями.

— Так и на Серые равнины отправиться не долго. Думай, что делаешь, Сигер!

За спиной у здоровяка ванира маячит Гунн, его вечная тень, и оба улыбаются воительнице совершенно одинаковыми белозубыми улыбками. Они близнецы, прибыли в Логово с полгода назад, и сразу сделались всеобщими любимцами. В отличие от большинства ваниров, угрюмых, как вечная зима в их суровых краях, эти двое всегда добродушны, приветливы, пусть и на свой дикарский лад, и готовы помочь по первой же просьбе.

— Глотай живее, — гудит Гунн из-за плеча брата. — Народ уже собирается.

— А в честь чего такая толпа? — восклицает она. — В стойлах свободного места нет. Все чужие лошади стоят. Что тут затевается? Никто мне толком ничего объяснить не может.

— А никто и не знает, — встревает Кабо в разговор. — Приезжать начали с седмицу назад. Большею частью, старые знакомые, но ты, возможно, ни с кем из них и не встречалась. Они были в Логове задолго до тебя: четыре, даже пять лет назад, потом разъехались по поручениям Волчицы. Про многих я думал, их и в живых нет вовсе.

— А теперь все здесь? Должны собраться по третьему колоколу? Любопытно. — Соня поднимает брови. — И никто не знает, в чем дело?

— Ну почему, никто, — усмехается повар. — Разара знает. Можешь спросить у нее самой, если хочешь.

Соня мотает головой, тянется за кружкой, чтобы допить молоко, но гигантская лапища из-за плеча уже потянулась и выхватила чашку у нее из-под руки, после чего с грохотом опускает обратно. Пустую, разумеется.

— Ну, спасибо, — оборачивается Соня к братьям. — Удружили, красавцы.

— Растолстеешь на Кабовых харчах, некрасивая станешь, никто замуж не возьмет, — гогочет Сигер. Гунн также заливается лошадиным ржанием. Вдвоем они подхватывают воительницу под локти, поднимают в воздух и, не давая встать на ноги, несут прочь. Она отбивается, заводится дружеская потасовка, и именно так, хохоча, толкаясь и выкрикивая что-то неразборчивое, они вываливаются на залитую солнцем площадь... Где вмиг оказываются в центре внимания пяти десятков глаз.

Ничтоже сумняшеся, Соня встряхивает рыжими кудрями и уверенным шагом движется вперед. Сигер с Гунном, на миг замешкавшись, также следуют за ней, под настороженным, слегка неприязненным взглядом Разары, которая в своем обычном кресле, украшенном сверху огромной волчьей головой и когтистыми лапами на поручнях, восседает, прямая, застывшая, недвижимая, словно изваяние.

Остальные выстроились перед ней. По большей части, мужчины, крепкие, закаленные... в каждом из них виден опытный, бывалый боец. Это сквозит во всем: в манере стоять, удерживая равновесие, так, чтобы в любой миг отразить на-

падение с любой стороны, в живых, настороженных взглядах, устремленных словно бы в никуда, но не упускающих ничего из происходящего, в положении рук, небрежно положенных на пояс поблизости от оружия...

Впрочем, нет, здесь не только воины. Книжники, которые в такой чести у Волчицы, тоже здесь. Их человек семь или восемь, в темных балахонах, они стоят чуть поодаль, шурясь на солнце, словно совы, которых невольно разбудили и вытащили на яркий свет. Странно, думает внезапно Соня, что среди них у нее нет не то, чтобы близких друзей или даже приятелей, — она почти никого из них не знает и по именам. В Логове она общается лишь с такими, как Сигер и Гунн, как Стевар, как кузнец Микар... Все они чем-то похожи. Немногословные, крепкие, слегка туповатые парни, которым кулаками куда сподручнее работать, чем мозгами или языком. Хотя сама она совсем не такая. По тому образованию, которое она получила в юности, ей должна была быть куда более привычна компания книжников; уж по крайней мере, она не ударила бы перед ними в грязь лицом, да и манеры, привитые ей с детских лет, подходили скорее для королевского двора, нежели для конюшни, и все же... Здесь, в Логове, ощущение дома для нее связано именно с такими парнями, как эти северяне. В книжниках она словно подсознательно чувствует какую-то опасность. Или, вдруг пронзает ее нежданная, и от этого еще более неприятная мысль, это просто ревность. Сродни

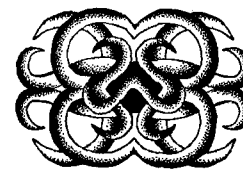

тому уколоу зависти, что она опутила нынче у озера, узнав об избранничестве Стевара...

Но времени додумать эту мысль у нее не остается. Разара слегка приподнимает бледную костистую руку с непомерно длинными ногтями, и все почтительно замолкают, склонив голову. Сама Волчица намерена говорить с ними сегодня.

Глава вторая

Рак всегда, голос Разары звучит негромко, чуть хриловато, но слышно его повсюду на площади. Она начинает с обычного приветствия во имя великой Белой богини, затем произносит еще какие-то ритуальные слова о положении дел в ордене, о вестях с севера из большого Логова... Соня делает вид, будто слушает внимательно, как и все остальные, но на самом деле, мысли ее далеко. Смутная тревога владеет ею, словно что-то готовится, что-то должно случиться, и неминуемо поджидает какая-то неприятная неожиданность, если только она не успеет вовремя сосредоточиться, уловить, откуда дует опасный ветер. Однако все тщетно. Ничего пугающего нет ни в тоне Разары, ни в тех людях, что стоят сейчас рядом.

Кстати, не все из них такие незнакомцы, как

показалось ей сперва. Помимо нескольких новичков, таких, как Сигер с Гунном, здесь есть и те, с кем она пришла в Логово почти одновременно. Вот, к примеру, чуть левее стоит Сармор, низкорослый жилистый зингарец с длинными, загнутыми вниз усами, что придают ему одновременно чуть печальный и комический вид. Впрочем, несмотря на это, он остается одним из самых стремительных и беспощадных убийц, каких только знала Соня. Они не друзья, но относятся друг к другу с изрядным уважением, и сейчас, перехватив на себе взгляд девушки, — а такие вещи он чувствует за лигу, — он едва заметно улыбается ей одними глазами. Чуть дальше еще одна знакомая фигура. Кажется, этого парня зовут Тарквин, и родом он откуда-то из западной Немедии. Холеный аристократ, знаток военной стратегии. Он был старожилом Логова, еще когда она прибыла туда совсем зеленой, неопытной девчонкой, потом куда-то надолго исчез, и вот теперь, два года спустя, довелось свидеться... И еще пара знакомых лиц. Впрочем, пока она не может вспомнить их имен, но это придет.

Словно от толчка, она вдруг пробуждается из плена грез, и в задумчивость ее врывается сиплый голос Разары:

—...Поэтому положение представляется нам сейчас критическим. При том количестве культов зверобогов, что появляются в Хайбории с каждым годом и даже месяцем, нарисовать четкую картину становится все сложнее, и должна признаться, здесь есть и наша вина. Мы слишком

отгородились от мира, перестали обращать внимание на кого бы то ни было, кроме себя самих, занятые лишь собственными нуждами, планами и заботами, и абсолютно не задумывались о том, как могут нашим планам помешать те, кто способен воздействовать на них извне.

— Но почему нас это должно тревожить? — подает голос кто-то из собравшихся. Вместе со всеми прочими, Соня невольно оборачивается к наглецу, осмелившемуся столь дерзко прервать Волчицу. Она узнает еще одно знакомое лицо, но теперь вспоминается и имя — Гвейд. Тоже один из «бывших». Родом из Аквилонии, кажется, сын какого-то мелкопоместного дворянина. Неудивительно, что он презирает любую субординацию. Голубая кровь, как-никак...

— Разве не все зверобогии наши потенциальные союзники? Разве не все мы трудимся ради одной и той же цели? Почему мы должны их опасаться? Что тут такого страшного для нас, если каждый из них занят своим делом. Ведь в конце концов...

— В конце концов, возможно, к концу жизни, — звучит едкий голос Разары, — ты научишься не перебивать старших, щенок. Помолчи и дослушай.

У многих на губах мелькают улыбки. Похоже, им понравилось, как Волчица осадила аквилонца, хотя, на самом деле, тот же вопрос готовы были задать и все они.

— Разумеется, наш основной противник — это старый порядок, — невозможно продолжает

Разара. — Мы все понимаем, насколько сильно прогнили устои нашего мира. Боги, сотворенные людьми по собственному образу и подобию, окончательно выдохлись, обессилели и не способны поддерживать порядок в несотворенном ими мире...

Все это мы слышали уже сотни раз, вздыхает Соня. И не то, чтобы она была не согласна с Разарой, иначе ее не было бы в Логове Белой Волчицы. Так называемые «цивилизованные страны» она ненавидит всей душой, ибо все, что она видела в них все эти годы, это ложь и подлость, пронизывающие все их существование от самого низа до верхов, это жажда наживы, готовая разрушить все, ради поддержания самой себя. Это власть, готовая подняться на крови невинных, единственной целью которой является обретение власти еще большей... Все эти боги, которым с такой лицемерной страстью поклоняются на Западе, все эти Митры, Асуры, Эрлики и прочие, для Сони — лишь тупые деревянные изваяния, не наделенные собственной жизнью. Это лишь пустые оправдания на устах тех, кто именем этих богов творит зло и беззаконие.

Звериные боги чище. Если они берут кровь, они берут ее по справедливости, пусть даже это право сильного. Если они грозят огнем, то лишь нечестивцам, дабы выжечь скверну и оставить жизненное пространство истинным детям своим, готовым в простоте и суровости возводить на ней нечто новое и, возможно, лучшее.

Однако, теперь, судя по всему, Разара утвер-

ждает, что и среди зверобогов нет единства. Похоже, человеческая природа одинакова везде, и проклятая скверна проникла даже в ряды Избранных.

Теперь она прислушивается внимательней, но в душе, зародившись, как отравленный плод, вызревает отчаяние.

— Нет, никого из Древних мы не числим среди своих противников, — продолжает Разара. — И ты прав, Гвейд, вместе с ними мы намерены исполнить Великую Цель — разрушить то, что должно быть разрушено, и привести на землю тех богов, которые будут править здесь с истинной справедливостью своими детьми, очищенными в горниле огня и крови. Однако не все поклонники Великих достаточно разумны. Среди них множество тех, кто заражен скверной прежнего мира, они видят в культе зверобогов лишь орудие, которое можно использовать для достижения власти. Они пытаются использовать истинную веру и пламя сердец искренне верующих для своих низких, подлых целей, и таких мы должны выявить заранее, дабы помешать им опорочить Великую Цель.

— Но о ком ты говоришь, Старшая? — подает голос все тот же неутомимый Гвейд, на которого отповедь Волчицы не оказала, похоже, желаемого действия. — Кого из зверобогов ты подозреваешь в отступничестве?

— Не самих богов, нет, ибо помыслы великих Древних непостижимы для нас, и мы даже не осмелимся утверждать, что всегда понимаем в точ-

ности, чего желает от нас наша покровительница — Белая Волчица... Но здесь, на земле, боги действуют руками людей. И об этих людях мы должны знать как можно больше. Ибо близится час, когда двинутся орды с запада и с востока, когда нахлынет неумолимая волна с юга и с севера, и тогда мы должны знать в лицо тех, с кем нам надлежит сражаться бок о бок, тех, кого лучше обходить стороной, и тех, с кем доведется скрестить мечи в беспощадной битве.

Соня исподволь оглядывает людей, стоящих рядом. У всех на лицах одинаковое зачарованное выражение и мрачная решимость в глазах. Сигер с Гунном аж подались вперед, ухватившись за рукоять мечей, словно готовые в любой миг, по сигналу Разары, кинуться в бой, рубить и крошить всех тех, кого Старшая поименует недостойными жить. Пожалуй, лишь лица книжников чуть более сдержанны, и, как всегда, на устах их играет тень едва уловимой усмешки, словно у людей, которые за словами, произносимыми вслух, слышат нечто большее, чем сказано на самом деле, словно ведают некую истину, доступную лишь посвященным, и насмеваются над простецами, которых надо гнать на битву торжественными речами и звуками фанфар.

Близится решающее наступление на старый мир, и в победе уже почти ни у кого не остается сомнений. Поэтому можно начинать примериваться и делить власть. И искать союзников в этой борьбе, и возможных противников, кому придется перегрызть горло, чтобы первым взой-

ти на трон, — вот что слышат они за словами Разары. И Соня, осознав это, понимает, почему столь предпочтительным кажется ей общество таких, как Стевар, с их простой нерассуждающей преданностью и нежеланием искать тайный смысл в речах и деяниях Старших. Она и сама хотела бы быть такой же. Она старается притвориться такой, как они. Увы, но сейчас на своих собственных губах, непрошеной, она чувствует ту же самую усмешку, что и у книжников, стоящих рядом.

— Итак, — скрежещущим голосом продолжает Разара. — Что видели мы прежде, когда взирали вокруг себя? — Она делает паузу, словно ждет ответа, но все молчат. — Мы видели дикарей. Мы видели охваченные жаждой крови орды пиктов на западе и знали, что их небесные покровители Вепрь и Медведь внушают им эту жажду. Мы смотрели на юг и ощущали там, в глубине черных джунглей, присутствие великого Отца Крокодила и Матери Кобры, нерассуждающих, безмысленных, охваченных всепоглощающей страстью к уничтожению. Снежный Барс разжигал алчный огонь в душах своих служителей на севере, вводя в амок ваниров и асиров, и затрагивая даже души куда более хладнокровных киммерийцев. И на востоке, в степях Гиркании, и далеко за бескрайним степным морем, мы чувляли схожее влияние, хотя и не знали по именам тамошних богов. Однако в одном мы были уверены твердо — каким бы ни был их внешний облик, сколь бы ни разнились ритуалы, какими

приветствуют их служители своих небесных владык, но они были схожи в одном — их единственной целью было уничтожить все вокруг себя, всю эту так называемую цивилизацию Запада, стереть ее с лица земли, дабы уничтожить вековую несправедливость, при которой одни богатели, купались в роскоши, предавались разврату, безделью, чревоугодию и прочим порокам, тогда как другие, в поте лица своего добывая хлеб, оставались нищими, обездоленными, терзаясь болезнями и прочими несчастьями, какие только могут выпасть на долю рода человеческого.

Она сама вдохновляется собственной речью. Лицо делается еще более древним, но на этом костистом лице пронзительно-синие глаза вспыхивают ярчайшими сапфирами, белые волосы едва ли не встают дыбом, как во время грозы, пальцы вцепляются в подлокотники кресла, она вся подается вперед, словно впиваясь взором в каждого из слушателей. Они зачарованы точно также, ибо все эти слова суть именно то, во что они верят искренне и горячо, и жизни свои они положили именно на то, чтобы приблизить тот миг торжества справедливости и мщения, о котором говорит Разара.

— Но мы — другие, — разносится над площадью хриплое карканье Разары. — С самого начала орден Волчицы отличался от прочих, ибо его создавала и питала Белая Рука гиперборейцев, и сама всемогущая Лухи учила нас всему, что знала сама. Поэтому, хотя мы и видели в молодых нарождающихся культах звериных богов своих

союзников в борьбе против прежнего мироустройства, мы яростно ощущали, что наше призвание иное, что там, где они стремятся лишь только разрушать, уничтожать, стирать с лица земли и губить все, что вызывает их праведный гнев, — мы придем созидать. Именно к этому мы готовились все эти годы, мы копили и изучали древние манускрипты, артефакты, оставленные в наследство от того мира, что был еще до человека. Наши мудрецы размышляли, долгие годы проводя в аскезе, молитвах, раздумьях и философских спорах. Мы пытались открыть новые законы мироустройства, которые можно было бы применить в том, новом мире, пришествие которого столь же неотвратимо, сколь и восход солнца после долгой ночи. В чем-то мы преуспели, хотя еще многое предстоит сделать. Но за этими заботами, отгородившись от мира, мы сделались слепы и глухи, мы не замечали, что мир вокруг нас продолжает меняться, что он стал совсем другим. Появилось то, что я бы рискнула назвать Третьей Силой.

— Да, Волчица, те же пикты... — раздается взволнованный юношеский голос совсем рядом. Соня бросает в ту сторону косой взгляд, но она не знакома с этим молодым человеком, дочерна загорелым, с пронзительными, черными, как угли, глазами. — С пиктами что-то неладно, я говорил тебе вчера. Появляются новые ордена, и они таятся от всех прочих. Пикты уходят в леса и там, под рокот барабанов, ведут какие-то новые, никому не ведомые обряды, в которые не

допускают даже посвященных из других, старых орденов.

— В Черных Королевствах еще хуже!

Это выкрикивает другой мужчина, смуглокожий, с гладким лицом, которое, на первый взгляд, кажется молодым, но, приглядевшись, Соня понимает, что ему, должно быть, перевалило уже за четвертый десяток. Глаза под тяжелыми веками смотрят рассеянno и устало, но во всем теле чувствуется затаенная сила.

— Там новые ордена полностью вытеснили Крокодила и почти уничтожили Кобру. Их служители где силой, а где обманом и хитростью переманили к себе сторонников старых зверобогов и увели их в забытые города. Дорога туда неведома никому из непосвященных...

Слышатся еще какие-то выкрики, но тут Разара предупреджюще вскидывает сухую, похожую на птичью лапу руку.

— Замолчите вы все! Я выслушала каждого из вас в эти дни и сейчас не желаю, чтобы вы гомонили, как купцы на базаре. Вспомните, вы воины. Ваше дело не тревожиться о будущем, а исполнять приказы. — Она молчит, ждет, пока они успокоятся и, дождавшись наконец, чтобы все затихли, продолжает обычным своим ровным и невозмутимым тоном:

— Мы думали об этом. Спohватившись, пусть лучше поздно, чем никогда, мы долго размышляли о том, что происходит. Мы постарались соединить воедино все вести, что вы принесли нам с разных уголков Хайбории. Мы постарались по-

нять, что объединяет новый возникший в Гирканских степях орден Кобылицы, у которого уже тысячи приверженцев, с крохотным орденом Козодоя на юге Коринфии, где моление совершают едва ли трое-четверо жрецов. Мы попытались осознать, что общего в учениях ордена Ворона, который призывает пиктов учиться военному искусству у своих соседей аквилонцев и посылать своих сыновей в их университеты и школы, дабы те смогли обрести там науку воевать, и орденом птицы со столь непроизносимым названием, что я даже пытаться не буду его выговорить, который возник в дебрях Вендии и чьи последователи дают обет молчания и ходят голышом, так что непонятно, каким образом их немые жрецы могут обучать последователей своей загадочной науке... В общем, все это дело не воинов, но книжников, и я не желаю вас посвящать в сокровенные тайны, которые лишь усложнят вам жизнь, но не дадут ничего взамен. Вам следует знать лишь самое главное, к чему мы пришли. — Пронзительным взглядом она обводит собравшихся воителей. — В Хайбории не только Белая Волчица готовится жить после грядущего великого катаклизма. Прочие зверобогои, похоже, также готовят к этому своих сторонников. Великая война неизбежна. Она начнется очень скоро. Это дело нескольких лет. А затем понадобится еще от силы лет десять или двадцать, чтобы прежний мир был разрушен окончательно и бесповоротно, ибо он, подобно статуе на основании из прогнившего дерева, ожидает лишь толчка, дос-

таточно сильного, чтобы повалиться наземь и разбиться вдребезги. Об этом речь уже не идет. Однако, если прежде мы были уверены, что останемся единственными, кого заботит построение нового мироустройства на обломках прежнего, то теперь у нас больше нет такой убежденности. А если так, то нам необходимо знать, к чему именно готовятся прочие ордена. Каким они видят себе этот новый мир. Нам необходимо выяснить это заранее, узнать их планы, их взгляды на мироустройство, их реальную силу, ибо мало иметь бездну замыслов, нужно также обладать возможностью привести их в исполнение... И лишь после этого мы сможем определиться, кто станет нашим союзником, а с кем придется привести неминуемую борьбу на уничтожение, если взгляды их будут столь коренным образом расходиться с нашими, что никакой компромисс окажется невозможен.

Вот так-то. Соня тихонько вздыхает, надеясь, что это останется незамеченным для окружающих, которые по-прежнему с горящими глазами внимают хриплым речам Волчицы. Странно, и почему ей мечталось, что все дразги и свары проклятого западного мира останутся далеко в прошлом, стоит лишь омыть его очищающей кровью и пройти огнем, который выжжет все пороки и слабости человеческие?.. Теперь же становится ясно, что ни слабости, ни пороки эти не денутся никуда. Еще не успев получить власть над миром, различные ордена, культы и группировки уже готовы грызть друг друга

глотку ради призрака будущего могущества, использовать дикарей как боевую силу, как таран, призванный проломить ворота в западный мир, и воцариться самым на крови и развалинах, попутно уничтожив всех тех, кто мог бы занять верховный трон до тебя... И какими прекрасными словесами ни прикрывай свои надежды и замыслы, смысл остается прежним. Соня с трудом удерживается, чтобы не сплунуть презрительно.

Но с другой стороны, что она может поделать? В одиночку встать против всего мира? Изменить враз человеческую природу, убрать из нее жадность, корысть, властолюбие и презрение к себе подобным? Даже боги не способны на это. Даже величайшие из богов никогда не могли улучшить нравы своих верных служителей, что уж говорить о звериных богах, которые, по самой сути своей, пробуждают в людях низшее, животное начало. Прежде Соня верила, и верила искренне, что именно это низшее, на самом деле, более чистое, нежели последующие напластования так называемого «человеческого», и ей казалось, что именно в звериной душе кроется тот кристальный исток, подобный бурному ручью, в котором вода еще не замутнена ни илом, ни песком, как в реке, в которую он превращается на равнине. Она убеждала себя, что стоит приникнуть к этому истоку, напиться из него... и станешь другим, сильным, смелым, уверенным в себе человеком, твердо видящим перед собой единую Цель и стремящимся к ней без тени со-

мнений и колебаний. Именно такой она желала стать, такой хотела видеть самое себя.

Но, похоже, до звериной чистоты людям еще далеко. От зверей они взяли все только самое худшее: коварство, жажду крови, стремление к власти и презрение к слабым.

...Разара продолжает вещать, но Соня уже не прислушивается к словам, смысл ясен и так. Осознав, наконец, что ситуация в мире усложнилась, орден Волчицы, спохватившись, намерен разослать тайных эмиссаров во все известные ордена, дабы те либо хитростью проникли в них, либо сумели найти подход к старшим жрецам и выяснили точно, каково состояние дел в этих культах, их планы на будущее, число сторонников, — в общем, все, что может иметь значение в грядущей великой войне. Не зря же Волчица собрала здесь всех самых верных, самых проверенных своих порученцев, тех, кто на протяжении многих лет исправно служил ей во всех уголках бескрайнего мира. Соня чувствует искорку гордости в сердце, что и ее сочли достойной стоять здесь, бок о бок с этими людьми, ибо рядом с такими, как Тарквин или Гвейд она может казаться зеленым неоперившимся новичком... Также ей хотелось бы, чтобы Разара поскорее прекратила разглагольствовать и сообщила, наконец, куда она посылает каждого из них.

Что бы предпочла она сама? Соня задумывается. Возможно, Гирканию. Да, эта бескрайняя степь, откуда был родом ее отец, давно манит воительницу, но до сих пор она так и не удосу-

жилась там побывать. Хорошо бы вырваться наконец на свободу, скакать по бескрайней равнине на могучем тонконогом жеребце, стрелять из лука, вечерами наслаждаться отдыхом у костра...

Вернувшись мысленно к настоящему, Соня осознает внезапно, что Разара замолкла. И в этой тишине ей кажется каким-то удивительно нелепым все их сборище. Группа в полсотни человек, почтительно замершая перед хрупкой женщиной, сидящей на волчьем троне, и все это посреди огромного запыленного двора Логова, где они кажутся крохотными, словно муравьи на ладони, под палящим солнцем, в окружении далеких сосен. К тому же, она чувствует на себе любопытные взгляды, не только на себе, разумеется, на всех них, и понимает, что сейчас вся прислуга вместе с новобранцами Логова приникли к щелям и из-за дверей и закрытых ставен слушают, наблюдают за происходящим, дивясь, что происходит в Логове, и к худшему или к лучшему могут оказаться неизбежные перемены.

Разара наконец повелительным жестом вскидывает руку.

— Расходитесь. У вас будет время до вечера. Затем по одному я стану приглашать вас к себе, дабы поведать о том, куда каждому из вас предстоит направиться. Сведения эти не подлежат разглашению, и если я узнаю — а я обязательно узнаю это! — что вы стали делиться с кем-то вокруг, поручение будет немедленно отозвано, а вашей судьбой займется совет Храма.

Впрочем, эта угроза излишня, и обида явно

читается на суровых лицах воинов. Они и без того не привыкли болтать, и никогда не обсуждают поручений Волчицы с кем бы то ни было.

Все расходятся, и Разара в своем кресле-троне остается одна посреди желтого двора, — крохотное пятнышко, точка мироздания, в которой заключена власть столь огромная, что это потрясает воображение. Одна хрупкая, бледная, как смерть, женщина под палящим солнцем. И люди, уходящие прочь, не смеющие лишний раз оглянуться на нее...

* * *

Разару, утомленную долгой речью, четверо храмовых прислужников уносят прочь в святилище, подхватив ее кресло, как портшез, за особые рукоятки спереди и сзади. Странно, но Соня, кажется, вообще никогда не видела, чтобы старуха ходила своими ногами вне стен храма. Однако сейчас ей лень гадать, вызвано ли это слабостью стареющей женщины, или какой-то особой прихотью, поскольку ум Сони обращается к более практическим делам.

Не обращая внимания на сотоварищей, которые разбредаются кто куда, и дружески помахав рукой Сигеру с Гунном и Стевару, с веселым, но насквозь фальшивым обещанием увидиться попозже и непременно выпить за ее удачное возвращение, Соня направляется на другой конец площади, туда, где неподалеку от кузни и конюшен располагается вход во владения Мамы.

Мамой в Логове кличут Тойбо, крохотного гирканца-карлика, который ростом едва достает Соне до груди, хотя при этом обладает могучим телосложением богатыря. Он носит черные волосы перевязанными в длинный хвост, в который вплетает разноцветные нити, и занимается в Логове всеми вопросами снабжения, начиная от закупок породистых лошадей и оружия для воинов, и заканчивая особыми приправами, которые Кабо требует на кухню. Крохотный рост для Тойбо ничуть не помеха, хотя как-то раз за его столом Соня заметила деревянную подставочку, на которую карлик, должно быть, встает, если желает произвести впечатление на каких-нибудь купцов. Но с ней все эти церемонии излишни. Издалека, завидев рыжеволосую воительницу, гирканец спешит ей навстречу, вытягивая не по росту длинные руки.

— Я уж тебя заждался, моя птаха, но ты, как всегда, порадовала старика. Скажи на милость, зачем ты так замучила несчастную каурую? Ты знаешь, что я отдал за нее сто двадцать немецких золотых! Ведомо ли тебе, с каким трудом я копил все эти деньги, отрывал их буквально от сердца, видела ли ты кровь души моей, которая стекала с этих монет, когда я передавал их в алчные лапы торговца?.. И все ради чего! — восклицает он, патетически возводя глаза к небу. — Чтобы какая-то лихая девчонка, которая думает только о себе, загнала бедную лошадку в первый же месяц!..

Впрочем, огорчение его скорее притворное.

Он никогда не мог сердиться по-настоящему, по крайней мере, на Соню.

В Логово Тойбо привез однажды Кучулуг, вернувшись из очередной поездки в родные края. Втайне он поведал кое-кому из близких друзей, что просто не мог поступить иначе, хотя в ту пору он понятия не имел, чем может пригодиться великой Волчице этот странный маленький уродец, который из-за роста не может даже держаться в седле. Но именно поэтому Тойбо в родных краях грозила смерть, ибо клан его был захвачен другим, более могущественным племенем, и вождь, собрав всех на совет, объявил свое решение: в живых будут оставлены только молодые, полные сил воины, которые согласятся вложить свои стрелы в его колчан и подчиняться новому кагану, который поведет их тропой крови и славы. Всем же прочим, кто воевать не способен, отказано в праве на жизнь, ибо они суть лишь пустые рты, кормить которые у вождя нет ни возможности, ни желания. Так что Кучулуг увез Тойбо с собой.

Правда, в Логове его тоже не все приняли с распростертыми объятиями, ибо увечных служители Волчицы никогда не жаловали, — им это казалось оскорблением в глазах своего божества. Соня оказалась одной из тех немногих, кто сразу принял карлика под свое покровительство... И впоследствии, сделавшись одним из самых незаменимых членов маленького сообщества Логова, Тойбо отплатил ей стократ.

— Ну, что скажешь, как будешь оправдывать-

ся, глупая девчонка?! — он дружески толкает ее в плечо, но удар его столь силен, что Соня невольно отлетает на шаг назад... И упирается прямо в чью-то крепкую грудь. Оборачивается рывком.

— А, Тарквин, видела тебя издалека, думала, встретимся на обеде в трапезной. Как ты? — дружески приветствует она немедийца. До этого им пару раз приходилось участвовать вместе в небольших вылазках, и с тех пор немедийца она чтит как одного из лучших бойцов и самых верных товарищей, что встречались ей на пути. Но сейчас, похоже, он не слишком склонен рассказывать о своих делах, ибо устало машет рукой.

— Притомился с дороги. Ноги не держат, язык не ворочается. Расскажи лучше о себе. И, кстати, а где Север, что-то не видно его сегодня?..

Лицо Сони застывает. С кем другим она просто наотрез отказалась бы говорить на эту тему, но Тарквин ничем не заслужил такой обиды. Она пожимает плечами.

— Он в отъезде. Не знаю, куда отослала его Волчица. Это случилось, пока меня не было в Логове. Но вообще-то... У нас с ним сейчас не самое лучшее время.

Тарквин понимающе ухмыляется.

— Опять как кошка с собакой, да?

— Ну... — Соня рада, что не нужно больше ничего объяснять.

Тойбо, понимая, что сейчас самое время вме-

шаться, дабы отвлечь девушку от неприятных мыслей, дружески хлопает ее по руке.

— Значит, скоро опять в дорогу, да?

— Как обычно. Нужна лошадь, кое-что из оружия. Сделаешь?

— О чем разговор.

Они еще какое-то время обсуждают необходимое снаряжение для грядущей поездки, ибо Тарквин зашел к Тойбо за тем же самым, затем, оставив гирканца в своем царстве мечей, подков и кольчуг, рука об руку удаляются в сторону трапезной.

— Я, правда, не голодна, успела перехватить лепешку с медом у Кабо, — улыбается Соня.

— Ну ничего, посидишь, посмотришь, как я ем. Мне-то с утра даже передохнуть свободно не дали... Разара со своими стратегами. От голода живот сводит.

— Вот и отлично. Думаю, Кабо сумеет помочь этой беде.

Через полсотни шагов Соня вдруг хватает своего спутника за рукав.

— Постой, ты куда? Трапезная вон в той стороне.

— Разве? — он оглядывается на нее в недоумении.

Соня усмехается невесело.

— Теперь я вижу, что ты и впрямь тысячу лет не был в Логове. Здесь многое изменилось, знаешь ли. Теперь трапезная вон там. — Она указывает на длинное здание, где раньше были казармы стражников. В дверях Тарквин застыва-

ет в немом изумлении, затем чуть слышно цедит сквозь зубы:

— Демон с головой свиньи!..

И по этой реплике Соня понимает, где именно носило последнее время неугомонного немедийца, ибо так ругаются лишь жители Турана, по преимуществу на восточном берегу Вилайета, да еще местные разбойники, грабящие на перевалах иранистанских и вендийских купцов. Любопытно, что за зверобогии поднимают свои головы в тех краях, но об этом она не спрашивает Тарквина: в Логове излишнее любопытство не считается приличным.

Вместо этого она бросает взгляд по сторонам, словно заново оценивая обстановку трапезной.

— Да, тут, конечно, все стало попроще. Честно говоря, именно поэтому я и предпочитаю кормиться с руки у Кабо. У него, по крайней мере, тихо, уютно, всегда ухватишь лакомый кусочек.

— Это у повара, что ли? — переспрашивает Тарквин.

— Ну да, — Соня пожимает плечами. На самом деле, она в общую трапезную не заглядывала, должно быть, добрых пару лун, и сейчас с трудом может вспомнить, в каком углу положено брать себе миску с ложкой, а где стоят горячие лепешки. Они усаживаются за длинный стол из плохо оструганных досок, в дальнем конце узкого, точно кишка, зала с серыми каменными стенами и давящими сводчатыми потолками. Редкие крохотные окна-бойницы прячутся в окон-

ных нишах и почти не дают света. Факелы, установленные в скобах на стенах, больше чадят, чем разгоняют тьму, так что тут немудрено и промахнуться ложкой мимо миски.

Один из поварят подходит к ним с котелком жаркого и удивленно смотрит на гостей, заметив, что у Сони нет ложки. Она пренебрежительно машет рукой.

— Что-то я не голодна сегодня.

— Да и у меня, по правде сказать, аппетит пропал, — цедит Тарквин, но все же протягивает миску поваренку. Как любой бывалый солдат он привык не пренебрегать возможностью поесть, поскольку никогда не знает, скоро ли выдастся шанс еще раз набить желудок.

— А что со старой трапезной? — удивленно поднимает брови немедиец, с удовольствием принимаясь за еду. — Хвала Небесам, хотя бы стряпня здесь осталась прежней. Будем благодарны богам за маленькие милости.

— Прежняя трапезная? — усмехается Соня. — Видишь ли, в Логове, вообще, многое изменилось с тех пор, — она задумывается ненадолго, — да, пожалуй, с тех пор, как Халима стала правой рукой Разары. Именно тогда появились все эти книжники, мудрецы и философы, которых прежде в Логове было не сыскать, все эти бесконечные писцы, звездочеты...

— Тьфу, — морщится Тарквин. — Скажу честно, не то чтобы я был против ученой братии, все же и сам не из свинопасов, и грамоте учен, но честно говоря, от *этих* меня какая-то дрожь

нехорошая пробирает. Небо свидетель, Соня, не к лучшему все эти перемены в Логове...

На эти слова воительница не отвечает ничего. Ей и самой кажется, что с каждым годом Логово делается ей все более чужим, что они постепенно отдаляются друг от друга, и она перестает понимать вообще, зачем находится здесь, и ради чего делает то, что она делает. Но говорить об этом Тарквину было бы странно, да и жаловаться она не привыкла, и уж тем более позорным считает посвящать кого бы то ни было в свои душевные терзания.

— Так вот, что касается трапезной, — деланно бодрым, насмешливым тоном продолжает она. — Халима сочла, что там гораздо светлее и просторней, поэтому тот зал лучше подойдет для ее писцов, соответственно, обеденные столы перенесли сюда, в бывшую казарму, а туда переместились...

— Ну да, казармы, — крепким кулаком немедиец ударяет по столам. — А я-то все гадаю, что же раньше здесь было... Но постой, а где теперь помещается стража? Здесь же раньше было полно народу. Я, вообще, удивился сегодня, когда Разара устроила сборище во дворе. Нас было едва полсотни человек. Где все остальные?

— Остальные? — Соня и сама не успела заметить, как и когда это произошло. Численность стражей Логова уменьшалась постепенно, а ведь когда-то здесь было полторы сотни бойцов, не меньше, да еще около сотни послушников.

— Не могу тебе сказать. Спроси у Разары, ес-

ли хочешь. Знаю, что сейчас, когда я приезжаю сюда, то встречаю едва лишь два десятка старых знакомых. Куда подевались остальные — не ведаю.

Тарквин хмурит брови.

— Думаешь, Логово умирает?

— Едва ли, — Соня качает головой. — Просто они делают что-то такое... о чем не сообщают нам, непосвященным. Здесь остаются книжники, да и то, похоже не из самых главных. Возможно, где-то есть другое Логово. Там готовят бойцов, может быть, ведутся еще какие-то магические работы, не знаю. Здесь же остался храм, Разара, горстка послушников и мы, время от времени возвращающиеся сюда с очередного задания. Если бы это не было так нелепо, я бы сказала, что это Логово они сохранили специально для нас, чтобы нам было куда возвращаться.

— А, возможно, ты не так уж и неправа, — задумчивым тоном произносит Торквин. — В этом что-то есть, Соня. Хотя странно, ты знаешь... — голос его делается мечтательным, каким-то далеким. — Я ведь всегда возвращался сюда, в Логово, как домой, хотя и не скажу, чтобы мне всегда были приятны эти возвращения. Порой приезжаешь вот так, как сегодня, обнаруживаешь, как сильно все изменилось, как сильно все тебе стало не по нраву и думаешь: «Зачем? Ради чего?» У тебя не бывает такого?

Он в упор смотрит на нее орехово-карими глазами, но Соня ловко отводит взгляд, делая вид, что высматривает каких-то знакомых в той

толпе, которая как раз сейчас вваливается в трапезную.

Ей не хочется отвечать, хотя слова Тарквина эхом вторят ее собственным мыслям. Но если человеку захотелось пооткровенничать, то, на самом деле, меньше всего его интересует мнение собеседника, а если, паче чаяния, это некое *задание*, и ему поручили выведать ее сокровенные мысли и настроения, то тем более следует молчать, как бы сильно ни хотелось ей открыть душу.

— Но на самом деле, — продолжает Тарквин, хлебной коркой собирая подливу со дна миски... то-то сейчас вознегодовали бы его благородные немедийские предки! — На самом деле, не имеет значения, что у тебя на душе, когда приезжаешь сюда. Потому что Логово стало домом, а дом можно не любить, можно на него негодовать, можно даже ненавидеть порой, но в него всегда возвращаешься, и он ценен лишь тем, что он есть... Ты понимаешь, о чем я? Тьфу!.. — он презрительно смеется, скаля белоснежные зубы, яркой полоской выделяющиеся на загорелом лице под черточкой усов. — Совсем отвык нормально говорить с этими распроклятыми дикарями. Верить ли, думал, что уже, вообще, все слова забыл, кроме «жратва», «сабля», «бабы», да «спать».

Соня смеется. Верно, и впрямь такому человеку, как Тарквин, это далось нелегко, ведь она помнит, как ему нравились ученые диспуты и просто болтовня ни о чем. Должно быть, ему здорово не хватало такого общения, пока он был

там, в Туране. Поэтому и набросился теперь на первую попавшуюся собеседницу.

Она делает знак пробегающему поваренку, чтобы принес им эля. Пожалуй, пора поговорить о чем-то другом. Тем более, что шумная компания устроилась прямо рядом с ними, за тем же столом. Не годится вести при посторонних беседа, в которых недоброжелательное ухо может уловить нотки предательства. Халима таких вещей не терпит, а желающие ей донести наверняка найдутся...

С Тарквином они понимают друг друга без слов, поскольку тот, едва лишь бросив короткий взгляд на соседей по столу, с кем-то перемахнувшись рукой и пообещав встретиться чуть погодя у конюшен, резко меняет тему разговора.

— Да что я все о себе, да о себе! Лучше ты мне, красавица, поведай, что у тебя нового? Сколько новых зарубок на мече сделала, сколько сапог стоптала и коней загнала?.. Впрочем, — он многозначительно цокает языком, — насчет коней можешь не беспокоиться. Эту сагу наш велеречивый кузнец уже пропел мне дважды, и с радостью испытал бы на мне свое красноречие в третий раз, если бы я не пригрозил загнать ему в глотку его же собственный молот. Хотя... — он с усмешкой косится на рыжеволосую воительницу, — та часть, где поминались демоны с глазами, точно плошки, полные гнилушек, на меня произвела впечатление. Что тут стряслось, подруга, докладывай!

Соня со смехом разводит руками.

— Наш, как ты выразился, велеречивый кузнец тоскует по родным северным просторам и по благодарной аудитории, коей он лишен здесь, среди дикарей и варваров, у которых отсутствует поэтический дар и терпение выслушивать его оды. Поверишь ли, уже год он мучает меня, желая сочинить сагу о *деве-воительнице*, — эти слова она произносит подчеркнуто насмешливо, словно показывая, что никоим образом не относит к себе сие определение. — К несчастью, «подвигов» моих не хватило бы не то что на полноценную сагу, но даже на краткое предисловие к таковой, и потому он упражняется, как может, в ожидании, пока я совершу нечто действительно героическое, достойное описания. — Она иронично усмехается. — А пока успешно делает меня посмешищем для всего Логова.

— Ну, не скажи. Думаю, ты скромничаешь, как обычно, и история эта вполне достойна упоминания, — он с удовольствием отпивает эля из кружки и делает приглашающий жест. — Ну же, ты знаешь, что я все равно не отпущу тебя без доброй истории! Должен же я вспоминать хоть что-то приятное, сидя вечерами у костра в окружении тупых дикарей и их грязных наложниц. Я хочу вспоминать твое личико и представлять, как ты дерешься с тысячей демонов, унося похищенное сокровище на груди... На твоей прекрасной пышной груди, — добавляет он, устремив деланно плотоядный взгляд на округлые формы Сони. Та сперва смущается, затем понимая, что лучше будет отвлечь его внимание раз-

говором, сдается и начинает как можно более сухо пересказывать все, что случилось с ней за последние полторы луны.

Впрочем, сухо не получается. Теперь, спустя какое-то время, вся ситуация начинает ей казаться настолько комичной, что она и сама не может удержаться от смеха, и к тому моменту, как речь заходит об обнаружении пропажи драгоценных звездных таблиц, она уже вовсю хохочет, всплескивает руками и ударяет ладонью по столу в тех местах рассказа, которые достойны особого внимания.

— И вот представь себе, — голос ее звонко разносится по залу, заставляя с улыбкой прислушаться даже сотрапезников в самых дальних углах, — я прыгаю на подоконник, бросив веревку, выбиваю окно, и что я вижу? Этот хитрый старый ублюдок, это хромой лис, да отсохнут у него и его лживый язык, и та его мужская гордость, что пониже пояса, сидит, по грудь утопая в подушках, на этом своем клятом продавленном диване, с которого чтобы встать, тебя должны за руки тащить два раба-кушита, и торгуется с каким-то тощим хмырем за мои, представь, мои Звездные Арканы. Клянусь, у меня едва хватило терпения не прикончить обоих на месте, но уж больно любопытно было, какую цену он заломит...

— И какую же? — давясь от хохота, восклицает Тарквин.

Но этого ему узнать не суждено. Фигура в длинном черном балахоне внезапно возникает

рядом с ними и со злостью хватает Соню за плечо.

— Вот из-за таких, как она, из-за таких, как эта болтливая девчонка, у которой не хватает соображения держать язык за зубами и не трепать о сокровенных тайнах ордена, Волчица и рискует потерпеть поражение в великой битве! Из-за таких, как она... она... — негодуяще звенит мальчишеский срывающийся голос.

Соня ошеломлена настолько, что даже не сразу вспоминает сбросить с плеча дерзкую руку. Вскинув голову, в изумлении смотрит...

Лицо, худое настолько, что фас выглядит как профиль, с длинным горбатым носом и почти сросшимися бровями, из-под которых угольями горят два черных глаза. Смоляные волосы, разделенные на пробор, падают до плеч, на лбу перехваченные кожаной веревочкой. Длинный балахон с квадратным вырезом на шее, украшенный золотым шитьем с непонятными фигурами, скрывает тело до пят.

— Эй, эй, подружка! — восклицает Соня, всем своим видом изображая невинное изумление. — Что-то я не припомню такой мордашки среди наших прачек. Откуда ты взялась, такая крикливая?

Поднявшись со скамьи, она с недовольством обнаруживает, что парень все равно выше ее по меньшей мере на полголовы, но, по крайней мере, ей удалось его разозлить. На бледном лице двумя ослепительно яркими пятнами вспыхивает румянец.

— Да как ты смеешь! Я...

— Помолчи, Муир! — Это подает голос Тарквин. Соня в изумлении косится на своего спутника. Неужто он знаком с этим наглым заморышем? — Что тебя не устраивает? Что ты привязался к моей подруге?

Слегка притихший, но по-прежнему боевитый, Муир, уперев кулаки в бедра, не желает сдавать позиции.

— Она слишком много болтает, эта рыжая, и она... Она оскорбила меня сейчас! Пусть просит прощения!

— Я никогда не прошу прощения у таких сопляков, как ты, — чеканит Соня. — Если хочешь, можешь потребовать с оружием в руках!

Она знает, что ничем не рискует. Книжники бывают вооружены лишь кинжалами и никогда не носят мечей, да и нож им служит больше для красоты, нежели реальной пользы.

— Поединки в Логове запрещены, — вмешивается кто-то из компании Муира. Еще один незнакомец. Соня, вообще, никого из них не знает. Но впрочем, там есть и пара воинов из тех, на кого она нынче обратила внимания на устроенном Разарой сборище. — Прекратите шуметь, вы оба. Тебе, девчонка, и впрямь не стоило бы так громко распространяться о заданиях Волчицы, пусть даже в Логове нет посторонних, — назидательно продолжает старший из воинов. — Но если привыкнешь болтать здесь, то можешь ненароком сболтнуть и где-то еще. Пострадаешь сама, и подведешь тех, кто тебе доверился.

От этой отповеди, вполне резонной, Соня ощущает досаду, еще более усиленную тем, что она признает справедливость всех упреков незнакомца. Будь она лет на пять моложе, то унижение еще вернее погнало бы ее в драку, заставило бы наброситься на этого дерзкого высокомерного воина с кинжалом в руке... и, скорее всего, подвергнуться умелому и обидному отпору. Но сейчас она повзрослела, поумнела и немного лучше способна держать себя в руках.

— Извини, почтеннейший, из уважения к твоим сединам я не стану продолжать этот спор, — произносит она, со злой насмешкой глядя на воина, все же не в силах удержаться от подколки. — Однако заberi своего щенка, я не терплю, когда меня лапают грязными руками, — она брезгливо отряхивает плечо. Тарквин, в свою очередь, берет ее за запястье.

— Пошли, Соня. Покажу тебе, какой роскошный клинок я привез нынче из Арэнджуна.

Они выходят под взглядами всех собравшихся в трапезной. Муир сверлит ее глазами, пылающими от ненависти. В глазах остальных — неприкрытое веселье. Они знают горячий нрав Сони и подозревают, что в ближайшие дни бедолаге книжнику придется очень туго. Пусть их первая схватка и окончилась вничью, но рыжеволосая красотка на этом не успокоится.

— А кто этот, пожилой? — неслышно спрашивает она у Тарквина на выходе из трапезной. — Ты вроде с ним знаком, мне показалось? Ты ведь ему махал рукой, когда они сели к нам за стол...

— Да не такой уж он и старый, — смеется немедвец. — Зря ты его так.

— А пусть не вмешивается, — зло шерится Соня. — Я бы сама разобралась с этим дерзким щенком. И нечего мне указывать, где распускать язык, а где нет!

— Ну, пожалуй, из всех нас, если кто и имеет право указывать другим, то только он. Тхеван был здесь наставником оружейного боя, еще когда мы с Севером пришли в Логово зелеными новичками. По-моему, он вообще здесь с самого первого дня.

— Ого, — это заставляет Соню переоценить расстановку сил. — Но как он оказался в одной компании вместе с этим червяком Муиром?

Тарквин пожимает плечами.

— Спросишь у него самого. Не сомневаюсь, что нам еще доведется повстречаться с ним перед поездкой.

— А ты уже знаешь, куда направят тебя?

— Нет, и никто не знает. Самое смешное, что, похоже, не знает и сама Разара.

— Как так? А кто же тогда решает? Халима?

— И не она тоже. Они не сумели подобрать лучшей кандидатуры для каждого из орденов, поскольку там слишком много неучтенных факторов. Скорее всего, все должно будет решиться с помощью рунного Оракула.

Пораженная, Соня невольно сбивается с шага. С рунным Оракулом в Логове ей приходилось встречаться до этого лишь дважды, да и то, когда дело, по счастью, не касалось ее самой.

Именно Оракул выносил приговор двоим провинившимся, которые нарушили законы Логова столь серьезно, что им грозила смертная казнь. В одном случае Оракул подтвердил приговор, в другом — заменил его отъездом на север, к Лу-хи. Что случилось с осужденным там, не ведает никто. Но в любом случае, при одной лишь мысли о рунном Оракуле у Сони бежал по спине холодок.

— И когда же они собираются это сделать?

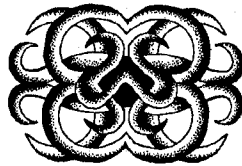
— Вероятно, как только будут готовы гадальные кости. Сегодня в полночь или завтра. Время, по предвестиям, самое подходящее.

В этом у Сони нет сомнений. Для гадателей время подходящее всегда, в особенности, когда они несут дурные вести...

Глава третья

статок этого дня и весь следующий Соня занята совсем другими делами, как нельзя более далекими от политики, в чем и черпает немало для себя удовольствие. Она входит

в царство, где безраздельно правит

Олдар, старший конюший Логова. Между ней и этим седым гирканцем с лицом, иссеченным тысячью ветров, нет особой душевной привязанности, и все же пусть и неохотно, но каждый из них отдает дань уважения другому, ценя чужие способности и талант.

Олдар угрюм и неразговорчив: похоже, со своими лошадами дело ему иметь куда приятнее, чем с большинством двуногих, и он даже не пытается этого скрывать. Каждый раз, когда кто-то из обитателей Логова приходит к нему выбирать себе скакуна для очередной поездки, он смотрит на него как на личного врага, по ты-

сяче раз предупреждая, как следует ухаживать за конем, на какие его личные склонности и особенности обратить особое внимание... И бесится, как степная лисица, если указания его не выполняются. Так что Соня, которая регулярно теряет лошадей в ходе своих вылазок, отнюдь не числится у него среди любимчиков.

Вот и сейчас он встречается ее хмурым взглядом исподлобья, не переставая стремительно ловкими пальцами перебирать упряжь. Он не полагается на глаза, когда ищет мельчайшие пороки и трещинки в коже, утверждая, что пальцы его видят вглубь, там, где обычным зрением не разглядеть ровным счетом ничего. До сих пор, кстати, чутье никогда его не подводило.

— Явилась? — хмуро бурчит он вместо приветствия.

Соня широко улыбается ему, делая вид, будто не замечает грубости.

— Доброго утра и тебе, Олдар. Всегда радостно, когда тебя встречают так по-дружески.

— Ты мне зубы-то не заговаривай, — Олдар неумолим. Он явно не может простить Соне зангнанную каурую кобылку. — В следующий раз вообще на порог тебя не пущу, девчонка пусто-головая. И когда только научишься с лошадьми обращаться!

— Олдар, ну прости, в последний раз, честное слово, — у Сони сегодня не то настроение, чтобы собачиться еще и с гирканцем. Она по-прежнему не может отойти от словесной порки, которую устроил ей в трапезной тот незнакомец.

— Ладно, — Олдар сменяет гнев на милость. — Опять тебя демоны несут куда-то, да? Иди выбирай, чем скорее выберешь, тем скорее уберешься отсюда, глаза бы мои на тебя не глядели...

Соня входит в конюшню. Длинные ряды стойл, светлых, чистых, пахнут сеном и чуть-чуть навозом, хотя за этим помощники старшего конюшего следят строго, и он немилосердно гоняет их каждый раз, когда они чуть запаздывают с уборкой, но лошадиный запах... от него никуда не денешься. И звуки здесь тоже обычные, такие привычные, успокаивающие и родные, что совсем не хочется выходить из этого крохотного уютного мирка в мир людей. Кони всхрапывают, отгоняя мух, перетаптываются, хрупают свежей травой... В промежутках между денниками на стенах развешана упряжь, седла, изящной работы поводья, большинство из которых Олдар украшает сам. Именно из-за этого порой приходится покупать снаряжение в другом месте, едва отъехав от Логова, уж очень приметна гирканская работа...

Здесь есть пара подходящих кобылок — жеребцов Соня не признает принципиально — и помявшись немного перед стойлами, она опять выходит к Олдару.

— Поможешь выбрать?

— А сама-то что? — еще один неприязненный взгляд из-под насупленных бровей, но все же неохотно поднимается, откладывает уздечку в сторону и, отряхнув руки о штаны, вслед за Соней,

тяжело ступая, идет внутрь по центральному проходу.

— Да я побоялась, не напутать бы, ведь гостей целая толпа понаехала в Логово... еще выберешь чужую лошадь, потом оправдывайся, — усмехается Соня. На самом деле, она знает, что лошадей чужаков держат в другом месте, у них особая конюшня, однако сама она истой лошадицей не была никогда, и выбор дается ей не просто, к тому же с норовом своих четвероногих питомцев Олдар знаком куда лучше, сможет посоветовать, если кобылка слишком норовистая, или, к примеру, любит вскидывать задом, или обладает еще каким скрытым пороком, который может оказаться помехой для седока. У Сони и без того проблем по горло с каждым новым заданием, чтобы еще тратить время и силы, чтобы управиться с капризной лошадей.

— Вот эту возьми, — останавливается Олдар у неприметной мышастой кобылы. Та иссиня-черным взглядом косит на подошедших людей, затем отворачивается равнодушно, продолжая мерно пережевывать сено. Клок травы торчит у нее изо рта.

— А почему не вон ту? — оборачивается Соня к стойлу напротив, где красуется изящная тонконогая лошадка поразительной масти. Шкура у нее желтая, словно янтарь, а грива и хвост ослепительно-белые. Пожалуй, слишком приметная красotka, но есть в ней что-то такое, что невольно притягивает взгляд Сони.

— Ох, уж эти девки, — ворчит Олдар, похло-

пывая мышастью по крупу. — Ты, похоже, лошадь себе под цвет волос подбираешь.

Соня пожимает плечами. Ей эта перепалка уже начинает становиться поперек горла, и терпение ее после отвратительной утомительной поездки и всех этих досадных мелочей, какими встретило ее Логово, на самой низшей отметке.

— Олдар, — начинает она медленно, стараясь не раздражаться, чтобы еще больше не настроить против себя гирканца. — Я прекрасно знаю, что все твои лошади отлично обучены и любая из них подходит для самого придирчивого наездника. Ты знаешь их лучше, чем кто бы то ни было. Если есть причина, по которой эта желтая мне не подходит, скажи. Твоего мнения о своих качествах наездницы я пока не спрашивала.

— Да, а потом ты мне и Искорку вернешь в таком же виде, как давешнюю каурую, — со злостью бросает Олдар. — Не бережешь ты лошадей, Соня. И людей не бережешь точно также. Как я могу тебе доверять?

Все, терпение иссякло. Рывком воительница оборачивается к конюшему, зло очеривается.

— Я тебя с собой не зову, Олдар. Ты со мной бок о бок в сече не рубился, спину мне не прикрывал, поэтому не тебе судить, берегу я людей или нет. А что касается лошадей, ты, по-моему забыл здесь, среди навоза, что они все-таки не люди. Это инструмент, понимаешь, орудие для того, чтобы мы могли исполнять то, что нам поручено, и не больше.

Гирканец зло сплевывает под ноги.

— Лошади — орудие для вас, вы — орудие для Волчицы. И тебя точно также кто-то не бережет, Соня, не боишься?

— Я за себя постоять сумею.

— Вот-вот, к тому и речь, — вздыхает Олдар. Запал его неожиданно прошел, глаза делаются тоскливыми, точно у умирающего волка. — Ты можешь, а они — он поводит рукой в сторону, — нет.

Соне неожиданно делается стыдно за свою вспышку и, редкий для нее жест, она обнимает старого гирканца за шею, нежно касается пальцами щеки.

— Ладно, прости меня.

Тут же отстраняется, чтобы никто не мог заподозрить ее в излишней чувствительности.

— Я ведь, действительно, не нарочно, и я стараюсь тебе ее вернуть в целости и сохранности. Честное слово, Олдар. Просто понимаешь, не то чтобы я не люблю лошадей, но...

— Уж они всяко лучше людей. Лучше и честнее.

— Не знаю, так про всех животных любят говорить.

Соня пожимает плечами и, распахнув дверь стойла желтой кобылы, подходит к ней ближе, подает руку, чтобы та могла ее обнюхать, начиная долгий церемониал знакомства. Олдар, стоя у входа, внимательно наблюдает за ней.

— Насчет собак я бы еще могла согласиться, — продолжает Соня, скорее сама с собой, нежели обращаясь к слушателю. — Но лошади... Я не хо-

чу сказать, что они подлые, или еще какие-то, хотя норовистые, конечно, бывают, и такие, которым только дай возможность тебя за колено укусить, или лягнуть, если случайно зазеваешься... Но дело даже не в этом. Просто знаешь, когда аквилонцы сожгли поместье моих родителей, они забрали лошадей. И тот самый вороной жеребец, которого отец мой вскармливал, когда тот еще был сосунком, ухаживал за ним, не спал ночами, когда тот болел, лично его обучал и ездил только на нем... Так вот, этот самый вороной оказался потом под седлом у его убийцы. И он носил его справно, ни разу не взбрыкнув, потому что был хорошо обучен.

Лицо Сони во время всего этого монолога остается совершенно бесстрастным. Она ласково почесывает нос кобыле, затем треплет ее по шее и, вынув из кармана краюху хлеба, начинает скармливать лошади, морщась, когда та щекочет ей губами ладонь.

— Так вот, убийце моего отца этот вороной служил еще два года, пока я его не настигла. Я его убила, Олдар. А лошадь забрала себе. И он точно так же ходил под седлом у меня. Отличный конь, Олдар, выездженный, послушный, сделал бы честь даже твоей конюшне, слово даю. Я продала его через две седмицы, не могла на него смотреть...

Она замолкает. Молчит и Олдар. У него явно свое мнение по этому поводу, но он предпочитает держать его при себе.

— Сейчас я принесу тебе упряжь, — наконец

произносит он просто, и Соня понимает, что разговор закончен. Она уже сожалеет о своей недавней откровенности. Впрочем, прекрасно знает, что слова ее дальше Олдара не пойдут. Гирканец никогда не отличался болтливостью.

Вместе они седлают желтую кобылку, чтобы будущая владелица могла выехать на небольшую прогулку вокруг логова и начать привыкать к своей новой лошади.

И лишь у самого выхода из конюшни, на миг замерев перед выходом из благодатной тени на палящее солнце, Олдар опускает руку Соне на плечо.

— Прости.

Она не слишком понимает, за что он извиняется. То ли за свою недавнюю вспышку, то ли... за того вороного. Как бы то ни было, обернувшись, она широко улыбается гирканцу.

— Твои лошади чудо, Олдар. Как и ты сам. Я постараюсь беречь твою Искорку.

* * *

Но на сей раз все ее возвращение в Логово словно проходит под дурной звездой, так что Соня невольно даже задается вопросом, уж не наложил ли на нее какое проклятье этот колдун, что преследовал ее почти до самой долины. В самом деле, еще не было случая, чтобы за неполных три дня она поцапалась с таким количеством народа, и в особенности с самыми близкими друзьями. А на очереди оказался Стевар...

А началось все вполне невинно. На следующее утро она проснулась в отличном настроении и уже было собралась отправиться навестить свою новую кобылу, думая об этом даже не без некоего удовольствия, ибо этой Искорке, кажется, впервые в жизни удалось затронуть в душе у Сони некую струнку, о наличии которой она даже не подозревала. В редком порыве заботливости, она вознамерилась даже зайти к Кабо, прихватить для лошади что-нибудь особо аппетитное, какое-нибудь изысканное лакомство для столь изящной красавицы.... Но по пути ее перехватил Стевар.

— Увиливаешь, подружка, — пробасил он, торжествуя, словно бы уличил воительницу в чем-то недостойном. — А как же бегать? Думала слинять от меня потихоньку, прежде чем я проснусь? Не выйдет.

Соня пытается отговориться чем угодно, неотложными делами, свиданием, необходимостью объезжать новую лошадь, но, разумеется, все тщетно. Стевара не переупрямить. Заканчивается все тем, что плюнув в сердцах, она отправляется к себе переодеваться, поскольку изящные сапожки аллой кожи, в которых нога словно сама вырастает в стремяна, конечно же, отнюдь не годятся для бега по лесу. И, вздохнув, она лезет под кровать за сандалиями.

Бежать им весело, почти как в старые времена, и Соня начинает наконец забывать, что отныне Стевар немного *другой*. И даже то, что его избрала Волчица, перестает играть какое-либо

значение. Они вновь, как и прежде, добрые друзья, которые, словно вырвавшиеся на волю из конуры шенки, несутся вприпрыжку, наслаждаясь ароматной хвойной свежестью утреннего леса, звенящей птичьими трелями тишиной и свободой... Свободой, призрачной, иллюзорной, и все же в этот редчайший, драгоценнейший миг почти ощутимой.

У заветного озерца в чаще, умыв разгоряченное лицо, Соня оборачивается к Стевару.

— Ну, выкладывай, какие новости, почему все тянется так долго?

Он устремляет на нее изумленный взгляд своих круглых голубых глаз, и знай она его чуть похуже, то, видит Небо, могла бы ошибиться.

— Ты о чем?

Соня усмехается.

— Да будет тебе дурачка строить, Стевар. Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Розара собирает всех на общий сбор, созывает в Логово даже тех своих питомцев, которых здесь не видели долгие годы, грозит скорейшими назначениями, но вот идет уже третий день, а все ни слуху, ни духу. Неужто у волчицы какая-то заминка вышла? Ну, — она дружески толкает оборотня локтем в бок. — Давай, не томи, страсть как интересно послушать.

Она не хотела ничего дурного. Видит Небо, не хотела. Ну, разве что самую чуточку. Но Стевар пятится испуганно, и на лице его, открытом и честном, столь несвойственное парню выражение замешательства.

— Соня, прости, ради Волчицы, но ты же знаешь... Я не имею права... Мне нельзя...

— Да что ты ломаешься, как девка, которая в первый раз с парнем в кусты завалилась, — Соня мгновенно начинает злиться, и от этого говорит куда более грубо, чем ей самой свойственно, и она замечает, как шокируют подобные речи Стевара. — Что ты мне все твердишь, нельзя, нельзя... Ты мне друг, или кто? Да и потом, — она пожимает плечами, — ладно я была бы какой-то лазутчицей или кем-то посторонним, и ты опасался, что от меня может быть вред. Но ведь я же своя, из Логова, точно так же, как и ты. Что ты устраиваешь представление, как будто герой, обороняющий крепость от пиктского нашествия?

Она пыталась сдержаться, и все же злиться не на шутку. Если бы сейчас она чуть лучше владела собой, то признала бы, что виною всему все та же глупая недостойная ревность, ревность к избранничеству Стевара. Но когда она вот так распаляется, то утрачивает способность мыслить трезво, а Стевар недостаточно опытен и мудр, чтобы суметь совладать с девушкой в таком состоянии. Растерянный, ошеломленный, он отступает на шаг и трясет головой.

— Соня, ну брось, ну я прошу тебя, давай оставим этот разговор. Мне запрещено говорить о внутренних делах Логова с кем бы то ни было, лично ты тут совсем ни при чем. Просто запрещено.

— И с каких это пор какие-то нелепые запре-

ты тебя удерживают? А, Стевар? — Соня зло сплевывает прямо к его ногам. — Что-то раньше ты таким почтением к местным правилам не отличался. Вот что делает с человеком одна дурацкая церемония. Что, теперь вообразил себя избранным, да? Прикоснулся к великому? — Она уже почти кричит. Голос разносится в гулкой лесной тишине, и птицы примолкают в испуге.

Стевар морщится, словно от удара.

— Послушай, ну зачем ты так? Ну, что... ну я же не хотел, — бормочет он, сам толком не понимая, что говорит.

Но Соню уже не удержать.

— Мы с тобой были *друзья*, Стевар. Понимаешь, друзья. И это куда важнее, чем твоя непонятно откуда взявшаяся преданность горстке разряженных шутов в балахонах. Хочешь им служить, твое дело, хоть наизнанку вывернись. Но дружба — она дороже, понял? А если это не так, так открой рот и скажи как мужчина, что ты мне больше не друг, и покончим с этим. Ну, скажи! — и она вперивает яростный взор в несчастного оборотня, который, похоже, сейчас больше всего желает, чтобы земля расступилась у него под ногами и поглотила его без остатка. В таком состоянии свою подругу он не видел еще ни разу, но вместе с тем что-то заставляет его держать оборону, не уступая ни пяди.

— Нет, Соня, мы друзья по-прежнему. Но если *ты* мне друг, то ты должна понять...

— А я не понимаю! — выкрикивает она в запальчивости. — Да, так объясни мне!

Стевар умоляюще протягивает к ней руки.

— Понимаешь, служение — это такая вещь... когда Волчица избрала меня, когда она вошла в меня, я в первый раз за всю свою жизнь обрел что-то такое... Я даже не знаю, как выразить это словами. Это больше, чем семья, больше чем дом, это такое родство, может быть, как у ребенка в утробе матери, не знаю. Это важнее всего, понимаешь? — Он смотрит на нее с мольбой, словно действительно надеясь, что Соня его поймет. Но разумеется, она *не хочет* понимать. И еще хуже для нее, почти как нож в сердце, сейчас его восторг, смущенное лепетание, и эти слова о какой-то общности, семье... Обо всем том, о чем так тоскует она сама, и чего она лишена до сих пор.

Внезапным рывком, когда Стевар меньше всего того ожидает, погруженный в собственные переживания, она заходит ему под локоть, проводит молниеносный захват с подножкой и... валит парня на кустарник у него за спиной. Гибкие, прочные, но достаточно тонкие побеги клонятся под его весом, но кусты достаточно плотно растут, чтобы не сломаться и не прогнуться до земли, так что Стевар зависает в какой-то совершенно нелепой позе, полулежа и полностью утратив равновесие и контроль над ситуацией, а кинжал Сони уже впивается ему в горло. Он чувствует, как острая сталь кусает кожу, и легкий ветерок, коснувшись надреза, причиняет острую боль.

— Ты... ты что? — Он судорожно машет рука-

ми, словно пытаюсь за что-то зацепиться, но, разумеется, тщетно, а Соня слишком проворна, чтобы он мог ее ухватить. Она отпрыгивает на шаг, подальше от его ищущих рук... Но тут же новый укол кинжалом, значительно ниже.

— Еще раз дернешься, предупреждать больше не стану. Оставляю тебя без вот этого твоего богатства.

Еще один ощутимый укол, и Стевару действительно становится страшно. Не того, что Соня это сделает, нет, он по-прежнему не верит, что она на такое способна, но он боится ее самой. За все то время, пока они знакомы, он никогда не видел ее такой, никогда не видел этой маски у нее на лице, этих бледных, словно выцветших глаз, поджатых обескровленных губ. Должно быть, такой девушка является лишь своим врагам.

— Соня, ну ладно тебе, брось, — пытается отмахнуться он. — Что на тебя нашло, в самом деле?

— Не двигайся, — голос ее звучит тоже совершенно по-новому, безжизненный, сухой и ломкий, как осенняя трава.

Она легонько щекочет ему пах кинжалом.

— Либо ты сейчас, волчий выкормыш, расскажешь мне все, что я хочу знать, либо в следующий раз, когда заявишься к своей Мийне, тебе нечем будет ее порадовать.

Несколько мгновений Стевар молча смотрит на нее. Несколько бесконечно долгих мгновений... и в глазах его мудрость, которой не было прежде у этого простого парня, всю сознатель-

ную жизнь прожившего где-то на болотах в глуши Пограничного Королевства. Наконец, он произносит совершенно спокойным тоном, словно они беседуют в трапезной за кружкой эля, а вовсе не здесь, посреди леса в такой нелепой ситуации и с этим треклятым ножом...

— Ничего особенного не происходит, Соня. Просто дело в том, что в чужие храмы отправитесь не только вы, воины, должны ехать еще и жрецы из круга посвященных. Некоторые из них будут действовать с избранными воинами заодно, другие сами по себе. Это будет зависеть от каждого конкретного случая, как больше шансов преуспеть. Но сначала Оракул выбирал именно их, по двенадцать человек каждый день, то есть всего двадцать четыре, и столько же будет и вас. Для воинов избрание произойдет в полночь сегодня и завтра в главном храме. Вот и все, что я знаю. — Он вздыхает и пытается взглядом найти ее глаза, но ему это не удастся, взор девушки ускользает, как стайка серебристых рыбок под поверхностью пруда. — Ну что, стоило оно того? Неужели то, что я сообщил тебе, было и впрямь настолько важно, чтобы разрушить давнюю дружбу?

Он не злится, нет. Скорее, в его голосе горечь недоумения: Он и впрямь не понимает, что нашло на его давнюю подругу, и тоскует по их отныне навсегда утраченной дружбе.

Но Соня, если и чувствует то же самое, если и испытывает какое-то разочарование оттого, что все с таким трудом выбитые ею сведения,

оказались не стоящими и ломаного медяка, никак не дает этого понять. Сосредоточенно пожевывая губами, она спрашивает:

— Скажи, а тебе известны все храмы, куда должны ехать воины?

— Пожалуй, что да. Желаеться, чтобы я тебе их перечислил?

Если в голосе Стевара и звучит насмешка, Соня делает вид, что не замечает этого.

— Нет, — она качает головой. — Просто скажи мне, какой храм среди всех считается самым худшим, самым опасным, ну, в общем, ты понимаешь... Какой?

Стевар надолго задумывается, и, наконец, изрекает.

— Они все один хуже другого, Соня. самого худшего среди них нет, потому что они все таковы. В те, с которыми хоть что-то ясно, или где можно что-то узнать через официальных посланцев Волчицы с помощью даров, подкупа и так далее, будут отправлены совсем другие люди, не вы, опытные воины и маги. Нет. Если уж Волчица отправляет вас туда, то это значит, что никто, кроме вас, не справится. Так что худшего места просто не существует. Равно как и лучшего.

Соня отступает на шаг, даже не думая помочь Стевару подняться, и тот, краснея от смущения и неловкости, вынужден перекатиться набок, свалиться на землю, оцарапав лицо и руки острыми сучьями кустарника, и лишь затем, с четверенек, поднимается на ноги.

У воительницы при этом вид рассеянный и отстраненный, словно она сейчас где-то в сотнях лиг от этого места.

— Почему ты сказал — вы? — неожиданно звучит ее голос. — Поверить не могу, что ты никуда не едешь.

Стевар разводит руками. Его и самого гложет именно это, и как раз от этих переживаний он и хотел отвлечься нынче утром, вытащив Соню на пробежку... Отвлекся, как же.

— Со мной незадача, — произносит он деланно равнодушным тоном. — Я уже не могу считаться воином, поскольку получил поцелуй Волчицы, но еще и не посвященный, поскольку с того дня не прошло и одной луны. Поэтому... — он вновь разводит руками с сокрушенным видом.

Соня усмехается чуть заметно, впервые за все это время в упор глядя на северянина.

— Да, не повезло тебе, Стевар, ну да ладно, вернись — расскажу, что там и как. Я, в отличие от тебя, таиться не собираюсь.

Несправедливость этих слов возмущает его почему-то даже больше, чем недавно пережитое унижение, ее угрозы и грубые речи. Он пытается найти слова, чтобы объяснить, насколько она к нему несправедлива... Но воительница уже направляется прочь по лесной тропинке, что ведет обратно в Логово. Силуэт ее, окруженный солнечным танцем пылинок, кажется едва ли не призрачным, охваченным золотистым сиянием, в этом замершем зачарованном лесу.

Стевар идет за ней следом. Он и сам не понимает, почему. Куда разумнее было бы подождать, чтобы она ушла подальше, а затем вернуться в одиночку. Ему так было бы куда приятнее... Но что-то, какая-то странная сила или чувство, коему он не знает названия, не позволяет ему оставить сейчас подругу... Бывшую подругу, тут же поправляется он мысленно, ибо знает, что с этого дня дружбе их настал конец. Даже если бы он сам пожелал забыть, она никогда не забудет. Он может лишь гадать, что чувствовала эта рыжеволосая воительница, угрожая ему ножом, что ощущала она, когда пролила его кровь... Он невольно подносит руку к порезу на горле, который, по счастью, уже перестал кровоточить. Но ответа на этот вопрос ему не дано узнать никогда.

Уже ввиду Логова, когда остается лишь спуститься полторы сотни шагов с холма, чтобы оказаться у ворот, он неожиданно нагоняет ее и, тронув девушку за плечо, произносит негромко:

— Знаешь, я хотел бы попрощаться с тобой сейчас, пока это еще возможно. Прощай, Соня.

Она недоуменно оборачивается к нему, и он видит, что ее лицо вновь принадлежит ей самой. Оно опять стало живым, и краски жизни вернулись в него, и глаза вновь сияют прежним блеском.

— Ты что же, хоронишь меня, Стевар?

— Да нет, ты не так поняла. Просто для тебя в Логове все кончено, — поясняет он терпеливо, сам не зная, откуда пришло к нему это неждан-

ное понимание. Должно быть, избранники Волчицы и впрямь получают от своей божественной покровительницы какую-то толику ее необъятной мудрости. Во всяком случае, людей он теперь понимает куда лучше, чем раньше, хотя... Стевар вынужден признать себе, что должно быть, был куда счастливее, когда этим пониманием не обладал.

— Я не говорю о том, что ты не вернешься с этого задания, — продолжает он негромко, медленным, размеренным тоном. — Вернешься, скорее всего, и уедешь опять, и опять вернешься, но с каждым разом ниточка, что влечет тебя сюда, будет делаться все тоньше и тоньше, пока не порвется окончательно, и ты не поймешь, что приезжать больше нет никакого смысла, но я не думаю, что нам в будущем выпадет еще возможность поговорить об этом. Поэтому я хочу проститься сейчас.

Соня смотрит на него в недоумении, затем, словно что-то осознав для себя, тяжело вздыхает.

— Прости, Стевар.

— За что? За то, что там, на поляне...

Она качает головой.

— Нет, не за это. Если бы пришлось, я бы сделала это еще раз, ни на миг не задумавшись. Я о другом. Я завидовала тебе, что ты был избран Волчицей, но теперь я вижу, что она сделала достойный выбор. И у тебя, и у нее я прошу за это прощения.

Северянин смущен, и в этот миг он уже отнюдь не уверен, был ли прав, когда променял

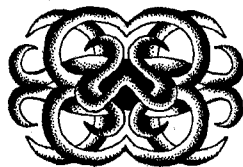
такую подругу на сомнительную радость служить загадочному звериному божеству. Что-то рвется в этот миг в его сердце, рвется навсегда, и он опять становится тем прежним, неуклюжим и неловким пареньком с болот, для которого выдать из себя лишнее слово — сущее мучение. Что-то пробормотав, он, обреченно махнув рукой, устремляется вниз по склону, туда, к распахнутым настежь вратам Логова, украшенным двумя медными изображениями волчьей головы.

Соня идет вслед за ним. Очень медленно, размышляя над последними словами Стевара. Невольно она задумывается, сколько раз в этой жизни еще ей придется проделать вот этот путь.

Глава четвертая

Новое утро приносит с собой двенадцать разноцветных бусин и три узелка. Ровно столько их на кожаном шнурке, который лежит на подносе с завтраком. Какое-то время Соня безмолвно вертит в руках послание Волчицы. Нынче в полночь, в храме... Пожав плечами, она с кривой усмешкой повязывает шнурок себе на лоб, вместо обычной ленты, скрепляющей рыжие волосы. Пусть полюбуются!

Разумеется, на нее смотрят. Не осталось незамеченным использование храмового послания в качестве головного убора. Однако никто не произносит ни слова. За последние дни, вольно или невольно, Соня в Логове сделалась неким источником напряжения, точкой, где сходятся самые разные силовые линии, где сплетаются нити возможных конфликтов, и, по негласному уговору, никто не трогает ее, словно чувствуют, что в лю-

бой момент натяжение может разразиться взрывом. Соня, в свою очередь, также не рвется ни с кем заговаривать первой, и весь день проводит с Искоркой, пока, наконец, не приходит время привести себя в порядок и отправляться в храм.

* * *

Большой храмовый гонг медленно и гулко отбивает полночь. Распахиваются тяжелые двери, обитые медью с непонятным рисунком, на который лучше не смотреть слишком долго, потому что начинает кружиться голова. Где все остальные, Соня не знает. Она одна перед дверями. Впрочем, в храме немало входов, точное число их неизвестно никому, кроме жрецов Волчицы. Ей был указан именно этот. Вполне возможно, что остальные получили приказ зайти из других мест, либо каждому назначено свое время, так, чтобы они не пересеклись друг с дружкой у Большого Огня.

В храме темно. Темнота эта давит на глаза, и ей словно приходится делать над собой усилие, чтобы не выпустить из виду крохотный огонек, горящий далеко впереди. Мрак стискивает со всех сторон, мешает дышать, каждый шаг дается все с большим трудом, и вскоре ни на что постороннее у Сони уже не остается мыслей. Она движется словно сквозь густую черную воду, как будто на веревке подтягиваясь по лучику света к его источнику, сверкающему во мраке острым булавочным уколом.

Внезапно тяжесть отпускает. Столь стремительно, что, не удержавшись на ногах, Соня падает на колени... И понимает, что тьма сама вывела ее на место. Прямо перед ней — Большой Огонь.

Она по-прежнему не видит ни души, однако чувствует незримое присутствие посторонних поблизости. Казалось бы, в свете пламени, тем более столь яркого, как этот огонь, разведенный в широкой мраморной чаше, украшенной изображениями рун, можно было бы разглядеть почти все внутренности храма... Но огонь странным образом не дает света. Тьма подступает к самым его границам. Порой Соне кажется, будто на самой периферии зрения мелькают какие-то смутные тени, образы... она даже не может сказать, люди это, животные или некие потусторонние существа... Слышатся звуки: шорохи, шепоты, какой-то скрип и скрежетание... их происхождение определить она также не способна.

Вместо этого она сосредотачивается на чаше. Та представляет собою гигантскую полусферу, охватить которую будет едва ли под силу двоим людям. Бортики украшены позолотой, и в рисунке золота ей чудится какой-то рисунок... Но, возможно, это лишь отблески огня. Точно так же, из-за царящего вокруг мрака она не в силах разглядеть, что за руны высечены на мраморной поверхности чаши, хотя некогда ей и доводилось учить рунический алфавит, который до сих пор в ходу в Нордхейме. Но тревожная пляска рыже-багровых языков пламени не дарит света,

чтобы помочь ей, и Соня вскоре оставляет это безнадежное занятие.

Неожиданный шорох, низкое гудящее монотонное пение... и с шести сторон к чаше выходят, скользят призрачные белые тени. Каждая из них словно светится собственным светом, и фигуры эти — единственное, что можно разглядеть в крошечной тьме. Единным движением вскинув руки, расплескав широкие рукава, они начинают странный замедленный танец, причем движения его кажутся столь болезненно вычурными, что на них почти неприятно смотреть. Однако Соня вскоре обнаруживает, что не в силах отвести от них взор.

Это Халима и еще пятеро ее прислужниц, имен которых Соня не знает. Впрочем, в Логове жриц Волчицы вообще мало кто знает по именам, по крайней мере, из обычных воинов. Больше того, Соня едва ли взялась бы отличить их одну от другой, все они кажутся ей похожими, невысокие, хрупкие, и в то же время с какой-то опасной затаенной силой, приглушенной и лишь изредка сквозящей в прозрачных голубых глазах.

Но сейчас глаза их полуприкрыты, они движутся, словно во сне, совершая свой таинственный ритуал, и в какой-то момент Соня понимает, что движения их почти полностью повторяют пляску языков пламени в мраморной чаше.

Ритм танца ломается. Поочередно жрицы вскидывают руки и внезапно словно ныряют в огонь, оставляя там внутри что-то белое, ослепительно

сияющее, отчего пламя вспыхивает каждый раз с новой силой, сыпля снопами алых искр. Оставив свою ношу в огне, женщины поочередно отходят, и тьма тут же поглощает их. Последней дароприношение совершает Халима, затем разворачивается... и взор ее на несколько мгновений упирается прямо Соне в лицо, так, что ту невольно пробивает дрожь. Но тут же все проходит. Соня едва успевает моргнуть... и когда она открывает глаза, огонь ровно горит в чаше и вокруг него нет ни души.

Но теперь появляется музыка. Точнее не музыка даже, а некая странная какофония, состоящая из ударов большого храмового гонга и нескольких других поменьше, перезвона бронзовых колокольчиков и еще каких-то ударных инструментов, каждый из которых отбивает ритм в своем собственном темпе. Музыка сия, если можно ее так назвать, кажется отталкивающей и завораживающей одновременно. Соне стоит огромных усилий удержаться на месте, ибо все тело ее в этот миг, подчиняясь равномерной пульсации, само рвется к движению.

Но откуда-то она знает, что сейчас — не ее время, что нужно сидеть неподвижно, из последних сил побелевшими пальцами хватаясь за тонкую циновку на полу.

Какое-то движение вокруг... Она не видит лиц, но поочередно, подчиняясь манящему зову, рядом с Соней начинают подниматься фигуры — и одна за другой устремляются к огню.

Рокот храмовых барабанов внезапно делается

нестерпимым. Он накатывает, подобно приливной волне, заполняя ее тело без остатка, словно вода — пустую раковину. Она уже не владеет собой. Вместо пульсации крови в ее жилах этот мерный непрекращающийся рокот. Он управляет ее руками и ногами, заставляет подняться... двинуться вперед...

Она идет, запрокинув голову, не видя перед собой ничего, кроме тьмы. Какофония звуков по-прежнему бьет в уши, угрожая разорвать на части черепную коробку. Но лишь одна нота ведет ее, подобно зову. Вечному зову природы, тому же, что заставляет устремляться в пламя крохотных мотыльков-однодневок. Она сама сейчас — всего лишь рыжая бабочка, которая не может, не в силах свернуть с намеченного пути.

Вот она уже у самой чаши. Мраморный, украшенный позолотой и изображениями рун, бортик больно врезается в живот, когда она, по-прежнему повинувшись необъяснимому колдовству, перегибается через край, устремляясь вперед и вниз, — в жарко распахнутый, пылающий зев огня.

Пламя не обжигает, но сейчас у нее нет мыслей, нет способностей к удивлению. Языки пламени словно бы отступают, отшатываются, ускользают из-под рук, и она стремится склониться еще ниже, достигнуть дна чаши, которое неожиданно начинает казаться неимоверно далеким, как вдруг... что-то начинает с силой тянуть ее к себе, словно какая-то прочная нить, уходящая прямо в ладонь — и эта нить натягивается

сейчас, манит за собой, увлекает на дно полыхающей чаши, туда, где без всяких угольев или древесных щепок зарождаются багровые огненные языки.

Теперь они покорно лижут ей руку, словно подталкивая к избранному месту. Пальцы тянутся вперед и, внезапно нащупав искомое, сжимаются жадно, вцепившись, как нищенка в горбушке хлеба.

Торжествующе вскинув руку, Соня выпрямляется — и понимает, что колдовству пришел конец. Тьма, давящая и угнетающая, что заполняла доселе зал Храма, отступает, и теперь она ясно видит всех — тех, кто подобно ей самой, пришел решить свою судьбу к рунному Оракулу. Здесь дюжина ее братьев-воинов, жрицы — помощницы Халимы, еще какие-то люди в отдалении у колонн. Впрочем, Соня лишь окидывает их беглым взглядом, не обращая особого внимания ни на людей в храме, ни на пышную торжественную обстановку обряда, не вслушивается она также и в перезвон храмовых гонгов и колокольцев, которые из навязчивой, сводящей с ума какофонии, превратились в едва слышный шорох где-то на границе сознания.

Она смотрит на руну у себя на ладони. Точнее, это даже не руна... просто небольшая квадратная костяшка светло-желтого цвета, прохладная, словно она и не побывала в огне, а на ней — высеченный и смазанный чем-то красновато-бурым рисунок...

Соня смотрит на кость и не может отвести от

нее взгляда. Существо, кровью изображенное на поверхности, смотрит на нее в упор, пугающе-реальное, и как будто даже приветственно скалится. И внезапно все вокруг исчезает, и лишь этот крохотный квадратик остается перед глазами, а затем разрастается, ширится, превращаясь в слепящий, полный яркого света выход из тьмы туннеля. Не задумываясь, Соня делает шаг вперед...

И оказывается в совершенно ином мире, неизмеримо далеко от уютной вселенной Логова. Здесь круговерть лиц и фигур, все в непрестанном движении, и она не может толком уловить, знакомы ли ей эти люди, что толпятся, ежесекундно меняясь, вокруг нее. Некоторые тянут к девушке руки, другие, напротив, отталкивают ее, третьи проходят совершенно равнодушно. Ей неведомо, кто они, да впрочем, она не желает этого знать. Она как будто ищет кого-то здесь, в этой пышно украшенной зале, где сейчас, похоже, проходит то ли некий прием, то ли бал, то ли какое-то торжество.

Ноги сами несут Соню вперед. Она не знает, куда идет и чего ищет, но полностью отдается на волю этому странному притяжению, — точно так же, как перед этим шла к огню, влекомая биением гонга. Люди по-прежнему мелькают вокруг. Женщины в пышных многослойных одеяниях, с лицами, прикрытыми полупрозрачными вуалями всех оттенков радуги, с высокими головными уборами, украшенными фигурками диких животных... Мужчины почти все в

черном, но в одежде, богато украшенной шитьем и самоцветами. У каждого на поясе кинжал, и видно, что для владельцев, именно эта деталь одежды — предмет наибольшей заботы и похвалы. Никогда прежде Соне не доводилось видеть столь вычурно украшенного оружия. Рукояти в форме птичьих крыл, бегущие львы на ножнах, хоровод каких-то диковинных рыб... впрочем, все это привлекает ничуть не больше внимания, чем лица этих людей. Она ищет кого-то одного, и не может никому и ничему позволить отвлекать себя.

Внезапно фигура.

Мужчина...

Он стоит спиной к ней, и в тот момент, когда взор Сони падает на него, между ними пространство каким-то чудом освобождается, словно гости торжества торопятся расступиться в стороны, чтобы дать ей дорогу. Мужчина по-прежнему стоит спиной, словно и не подозревая о ее присутствии, хотя Соня больше чем уверена, что он прекрасно знает, кто рядом с ним. Она не может понять откуда знает этого человека. Не ведет даже, какие чувства он вызывает в ней, — симпатию, презрение, или... Ясно одно, эмоции эти пылают в сердце сильно и ярко, подобно слепящему факелу, который и осветил ей путь сюда, к этому месту, где стоит человек, который должен сейчас обернуться, дабы она наконец узрела его лицо.

— Ну, что ты встала? Ступай на место, мы не можем продолжать церемонию, — слышится вне-

запно брюзгливый голос прямо у нее над ухом, и Соня, вскинувшись, трясет головой, словно человек, очнувшийся от глубокого сна. Мигом исчез и парадный, освещенный тысячами огней зал, и все эти люди, и незнакомец, чьих черт ей так и не довелось разглядеть. А сейчас перед ней Халима, со всегдашней своей надменной миной, трясет Соню за плечо. — Очнись! Сколько можно? Ты задерживаешь нас!..

Соня вновь устремляет взгляд на квадратик из кости у себя на ладони, затем недоуменно смотрит на старшую жрицу Белой Волчицы.

— Здесь нарисован шакал, — произносит она громко, и голос ее отдается в самых отдаленных уголках зала. Соня не пытается скрыть своего изумления. — Шакал? Я никогда не слышала о таком ордене! Где это?

— Молчи! Кто дал тебе право вслух произносить... — шипит на нее Халима, но тут же другой голос заглушает ее, нервный, надрывный, словно у обиженного мальчишки:

— Нет, не может быть, чтобы *она* вытянула Шакала! Не может быть, Халима! Волчицей кланусь, это ложь, она обманывает всех...

— Замолчи, щенок! — Халима рывком оборачивается к Муиру. Но очарование обряда уже безвозвратно нарушено, воины, сидящие у чаши с огнем, начинают рассеяно тереть глаза руками, вертеть головами, и жрицы испуганной стайкой жмутся к мигом начавшему угасать огню.

— Тысячу проклятий на тебя, Рыжая! — с ненавистью бросает Халима. — Я так и знала, что

ты испортишь нам всю церемонию. Ну почему боги при рождении не укоротили тебе твой болтливый язык?! Теперь нам придется начинать все заново. А нынешней ночью положение звезд безнадежно упущено... Так что еще четверо останутся без назначения до завтрашнего дня. И все из-за тебя!

В обычное время Соня, разумеется, огрызнулась бы, не позволила жрице отчитывать себя, словно нашкодившую девчонку, но нынче, то ли потому, что она и впрямь виновата, ибо ее предупреждали о строжайшем запрете нарушать церемонию какими-нибудь возгласами, либо потому что она до сих пор не оправилась от явленного ей видения...

Соня молчит. И даже, выждав какое-то время, смущенно произносит:

— Извини, Халима, мне жаль, что так получилось. Я и сама не ожидала... Могут ли я как-то поправить дело?..

Но старшую жрицу так просто не улестить. Черные брови сдвигаются в единую линию на переносице, она презрительно окидывает Соню взглядом, а затем цедит сквозь зубы:

— Ты нарочно это подстроила, я знаю. Ну ничего, тебе же хуже! Посмотрим, каково будет сладить с Муиром... Уж он устроит тебе сладкую жизнь! — И, криво усмехнувшись, призывно кличет: — Эй, стража, сюда.

В одном из тех двоих, что немедленно являются на зов Халимы, Соня узнает Стевара. Но у того сейчас сосредоточенное, застывшее лицо чу-

жака, словно морда геральдического зверя на парадном щите... Красивая, ничего не выражающая маска.

— Препроводите нашу драгоценную Соню в покои Разары, — велит им Халима. — Мы поговорим с ней там. И следите, чтобы Муира не допустили к ней до времени.

Оба стражника безмолвно склоняют голову, берут Соню под локти. Она, впрочем, даже не думает сопротивляться. Во взглядах воинов, которые, осознав, что продолжения церемонии сегодня не будет, начинают подниматься с места, и перешептываясь, тянутся к выходу из храма, читается любопытство и сочувствие. Сейчас Соню раздражает и то, и другое.

* * *

Лицо Разары, изжелта-бледное, похожее на кусок смятого пергамента, как обычно, не выражает ничего. Черные птичьи глаза прикрыты полупрозрачными веками. Ее хрупкая фигурка кажется частью огромного кресла-трона, словно барельеф, высеченный на поверхности. Но Соня не тешит себя иллюзиями. Перед ней истинная владычица Логова, та, кто держит в сморщенном старушечьем кулаке все нити их жизни.

Халима, как бы она ни пыжилась и ни кичилась своей не столь давно обретенной властью верховной жрицы, тоже сознает это. И потому почтительно кланяется Разаре и молчит в ожидании, когда та первая обратится к своей по-

мощнице. Старуха некоторое время жует губами, затем недовольно шелестит:

— Ну, что там еще у вас стряслось? Неужели так необходимо было поднимать меня среди ночи. Мы ведь кажется все уже обсудили. Обо всем договорились...

— Да, моя госпожа, — Халима одновременно старается изобразить и полное подчинение, и негодование. — Но эта ваша любимица, — она гневно тычет ухоженным пальчиком в Соню, — как обычно, все перевернула. Надсмеялась над оракулом! Испортила торжественную церемонию!..

Ведьма вскидывает редкие седые брови, устремляя пристальный взгляд на Соню. В глазах ее скорее сквозит лукавство, нежели гнев, но воительница все равно невольно ежится. Разара из тех, кто способен убить, не испытывая ни тени гнева или ярости. Ей довольно и простого негодования.

— И что же ты натворила на этот раз, девчонка? — Голос хозяйки Логова подобен шелесту холодного осеннего ветра в опавшей листве, и Соня невольно ежится вновь, точно ощутив его промозглое прикосновение.

— Я не хотела ничего дурного, просто вслух сказала о том, какую вытащила кость, — неуверенно произносит она.

— Да! А ведь я их предупреждала заранее, — выкрикивает Халима, — что нельзя ни в коем случае раскрывать рта, пока не выйдешь за порог Храма, и уж тем более, что никому и ни при каких условиях нельзя открывать тайну своего

назначения. Вспомните, госпожа моя... — она с мольбой взирает на Разару. — Вы ведь сами сказали им то же самое, когда собирали всех во дворе!

На сей раз Соня уже не выдерживает. Какое-то время она еще в силах терпеть несправедливость, но это уже переходит все границы.

— Я, может, конечно и не права, но церемонии вашу треклятую нарушила отнюдь не я... спросите у своего щенка! — Она с ненавистью смотрит на Муира, который жметесь у Халимы за спиной. — Что ему вздумалось вопить на весь храм?! Именно когда он принялся биться в корчах, точно припадочный, все остальные пришли в себя, и огонь начал гаснуть. Когда я просто сказала про Шакала, ничего не произошло.

Утомленная собственной вспышкой, она замолкает, чтобы перехватить дыхание, тогда как Разара впервые за все время смотрит на нее с неподдельным интересом.

— А, Шакал... Он все же достался тебе? Почему-то мне казалось, что так оно и будет, хотя, конечно, это странно... Там гораздо лучше справился бы кто-нибудь вроде Тарквина. — Разара легонько поводит тощими плечами, и складки на ее одеянии опадают, словно сухой пепел. — Впрочем, такова воля Волчицы. Не нам идти против ее высочайшей мудрости.

Теперь уже Соня заинтригована. Она понимает, что из всех назначений храм этого Шакала, о котором она никогда и ничего не слышала прежде, жрицы выделяли особо.

— А что это за культ такой? И где это, вообще? — с горящими глазами бросает она вопросы, мигом позабыв об опасности, что может грозить ей самой в этой комнате, в самых недрах храма Волчицы. Впрочем, это одно из ее свойств: забывать обо всем на свете, когда перед глазами маячит какая-нибудь загадка.

Разара одобрительно усмехается. Халима, похоже, готова вмешаться, но, заметив предостерегающий жест Владычицы Логова, отступает в тень, не переставая Соню жечь ненавидящим взглядом, и та радуется, что слишком мало времени проводит здесь, в Логове, иначе Халима нашла бы способ сделать ее существование невыносимым.

— Так вы расскажете мне про этого Шакала, госпожа?.. — почтительно обращается она к Разаре.

— Ну, конечно, дитя, раз уж тебе предстоит отправиться туда. — Она надолго замолкает, задумавшись. Тонкие костистые пальцы бездумно перебирают складки белоснежного одеяния, а голова вдруг принимается клониться на грудь, словно старуха засыпает у них на глазах. Соня уже готова кашлянуть, чтобы привести Разару в чувство, но та неожиданно вскидывается... И на бескровных губах появляется лукавая усмешка:

— Тебе предстоит веселое приключение, девочка. Это все, что я могу обещать. Если в Коршене ничего не изменилось с тех пор, когда... Впрочем, — она пренебрежительно машет рукой, и взгляд Сони невольно цепляется за невероят-

но длинные, желтоватые, загибающиеся внутрь ногти. — Впрочем, это не имеет никакого значения. Я рада, что туда поедешь именно ты.

— Коршен? — переспрашивает Соня, не желая сейчас строить догадки, что может связывать с этим странным местом саму Разару. — Где это? Чудится что-то смутно знакомое, но я не уверена...

— Не так уж далеко, — бормочет Разара, — в Коринфии. Северная ее часть, на границе с Немедией, и рядом с Заморой. Крошечное княжество в сердцевине гор, словно в ладонке у великана. — Разара улыбается. — В Коринфии всегда были проблемы с центральной властью. Кто бы ни захватывал трон, ему никогда не удавалось распространить свое влияние на все небольшие уделы и княжества королевства. А Коршен был, пожалуй, одним из самых независимых.

— А Немедия? — заинтересовано бросает Соня. — Неужели они допустили, чтобы у них под носом оставался нетронутым такой лакомый кусочек?

Разара поводит плечами.

— Это целая история. У них полтысячи лет общения с немедийскими Драконами. Там были и какие-то тайные пакты, и предательство с обеих сторон, и многочисленные союзы. Как бы то ни было, немедийцы несколько раз за последние триста или четыреста лет собирались навалиться на Коршен всей своей мощью, даже выдвигали в поход армию, войска скапливались на границе... но до решающей схватки так почему-то нико-

гда и не доходило. То мешала погода, завалив снегом горные перевалы до полной непроходимости, то коршенцы молили о милости и откупались богатой данью... в общем, на сегодняшний день положение таково, что княжество, формально входя в состав Коринфии, подчиняется также и Немедии, уплачивая налог в королевскую казну, но на самом деле не принадлежит никому, кроме собственных правителей.

— И велико ли княжество? — с любопытством спрашивает Соня. Не так часто в нынешнем мире встречаются островки независимости...

— Да какое там, — сухо хихикает Разара. — Один город, да пара деревень вокруг. Много ли поместится в долине!

— И кто там правит...

— Князь Ксавиан его зовут, — отвечает Разара. И неожиданно в разговор вмешивается недовольная Халима, которой явно досадно, что ее совершенно не включают в беседу:

— Не имеет никакого значения, кто правит в Коршене, как и почему, — брюзгливо заявляет она. — Тебе довольно и того, что в Коршене лучше не попадаться на глаза стражникам. Они суровы и сперва вершат суд, а потом уже пытаются выяснить, виновен ты, или нет.

При этом во взоре ее, устремленном на Соню, несомненное злорадство, словно она заранее предчувствует, что именно этим стражникам воительница и попадет в лапы и, наверняка, не сумеет ни откупиться, ни избежать наказания.

Соню невольно пробирает холодок. В про-

шлом ей уже доводилось, несмотря на все свою неприязнь к Халиме, порой переходящую в открытую вражду, все же убеждаться в том, что жрица обладает несомненными зачатками ясновидения, и способна порой угадывать будущее. Так что же сейчас кроется в ее словах и в этом отвратительном взгляде... предвидение или всего лишь недоброе пожелание?

Презрительно мотнув головой, Соня запрещает себе тревожиться об этом, и вновь оборачивается к Разаре, подчеркнуто делая вид, словно, кроме них, в комнате вовсе нет посторонних. Впрочем, это не так уж сложно. Стражники храма застыли в дверях неподвижными изваяниями, слепые и глухие ко всему происходящему, а тощий кадыкастый Муир вжался в тень, словно настоящий крысеныш, каким Соня его и считает. Там, в темноте ему самое место.

— Ну хорошо, с Коршеном мне все более или менее ясно, — обращается она к Разаре. — Но что за Шакал такой?.. И почему, если княжество такое крохотное, то для нас может представлять интерес зародившийся там культ очередного зверобога... Ведь понятно, что последователей у него может быть не больше пары десятков. Неужели они представляют собой реальную опасность? — Соня в недоумении, и даже не пытается этого скрыть. На миг ее охватывает зависть к таким, как Тарквин или Тхевар, которые, наверняка, отправятся вершить подвиги куда-нибудь в дальние земли Черных королевств, к пиктам, или гирканцам. Туда, где сотни разряженных жрецов

с разрисованными лицами творят в полночь свои загадочные и чудовищные ритуалы, исторгая восторженные вопли из глоток тысяч верных последователей... Туда, где земля содрогается под мерной поступью легионов, идущих на приступ старого мира. Туда, где стрелы, взмывая в воздух, грозят затмить солнце, и...

Надтреснутый голос Разары вырывает ее из объятий грез:

— Ах, девчонка, если бы огонь твоего разума горел так же ярко, как твои волосы. — Из тени слышится хихиканье, и Соня невольно стискивает кулаки, с трудом удерживаясь, чтобы не броситься к Муиру и не надавать наглому мальчишке по шее. Он еще смеет насмехаться над ней!

— Скажи, — продолжает тем временем Разара, — разве велик скорпион? А один укус его приводит к смерти и коня, и всадника. Велик ли паук ксалатан? А яду его хватит, чтобы смазать наконечники сотни стрел, сделав их смертоносными для всякого врага... Так и тайные ордена: им не к чему быть большими, чтобы обладать реальной властью. И все же в том, что касается ордена Шакала, ты не права. Он не так уж и мал.

— Вот как? — Соня удивлена, и все равно не может понять. Она всегда ненавидела цветистые метафоры. Это только кажется, будто они что-то объясняют, и в первый момент человек остается ошеломленным, с ощущением будто вот-вот постигнет что-то значимое, но затем, если подума-

ет как следует, поймет, что над ним посмеялись, отыгрались ничем не значащими словами. Что с того, что скорпион или паук очень маленькие и ядовитые?.. Какое отношение это имеет к горстке людей, молящихся неведомому богу в горах Коринфии? Впрочем, Соня слишком умна, чтобы говорить об этом вслух, и потому, всем своим видом изображая почтительное внимание, она лишь устремляет почтительный взгляд на Владычицу Логова.

— На самом деле, — поясняет Разара, — мы даже не знаем толком, существует ли орден Шакала на самом деле, или нет...

— Госпожа моя, — не выдерживает Халима. — Мы уже говорили с вами на эту тему, и я повторяю вам еще раз, если уж вы желаете вынести наши разногласия на суд посторонних. Шакал существует, это доказано нам огнем Белой богини. И то, что руна с его изображением была принята ею, лучшее тому свидетельство...

Разара вскидывает сухую руку, похожую скорее на птичью лапку, с несоразмерными когтями.

— Ладно, ладно, — бормочет она примиряюще и вновь устремляет взор на Соню, и той кажется вдруг, что Разара желает ей что-то сообщить безмолвно, так, чтобы это осталось незамеченным для старшей жрицы. Однако, увы, воительница не в состоянии проникнуть в смысл тайного послания. Она может лишь слушать то, что будет ей сказано.

— Как бы то ни было, — продолжает свой

рассказ Разара, — наверняка нам известно лишь одно. В Коршене действует школа для обучения наемных убийц, которую именуют *схолой* Шакала. На самом деле, они готовят кого угодно. Телохранителей, соглядатаев, лазутчиков, воров... Ну, и убийц, конечно же. Слава о выпускниках *схолы* давно уже разнеслась от западного побережья до восточного. Правители Аквилонии, Вендии и Кхитайя равным образом почитают для себя величайшей удачей заполучить на службу кого-то из шакалов. Причем известно, что люди эти не берутся за разовые поручения, а подписывают пожизненный контракт. Это дороже обходится нанимателям, но, в конечном итоге, служит их собственной выгоде, ведь таким образом, они могут быть уверены, что все их тайны останутся в надежных руках, а недавний союзник не переметнется на сторону врага, соблазненный большей платой или какими-либо посулами.

— Честно говоря, пока не вижу ничего в этом странного, а тем более магического, — против воли замечает Соня. — Непохоже, чтобы здесь речь шла о каком-то тайном ордене. Служение зверобогу и *схола* наемников как-то плохо сочетаются между собой.

— Погоди судить, — вмешивается Халима, почувствовав сомнения воительницы, — все не так просто. Дело в том, что из выпускников *схолы* почти никто не остается в ней по окончании срока обучения. Большинству из них приходится навсегда распрощаться с обителью мудрости, после того как они исполнят одно-единственное

поручение, данное им наставниками. Кстати, именно это и составляет плату за науку, ибо учителя этой *схолы* не берут за свои услуги ни золота, ни драгоценностей, ни каких-либо иных сокровищ. Итак, человек, закончив обучение в святилище Шакала, делает то, что велят ему старшие, а затем навсегда обретает свободу. Он волен отправляться на все четыре стороны, заниматься на службу к кому угодно и устраивать свою жизнь так, как ему заблагорассудится, никто более не властен над ним, за исключением тех хозяев, коих он сам для себя найдет... Однако есть и другие.

— Да, некоторым предлагают остаться, и вот они-то, наверняка... — Соня даже вздрагивает от неожиданности. Этот захлебывающийся, привзвизгивающий голос принадлежит Муиру. Уничтожающим взором она вперивается в него, и Разара, также недовольная, машет рукой Халиме.

— Уйми щенка, жрица, ему пока никто не давал слова.

Обиженный Муир замолкает и вновь сливается с тенями у стены.

— Впрочем, он прав, — неохотно добавляет Разара. — Некоторым предлагают остаться. Лучшим ученикам, разумеется.

Соня пожимает плечами. Пока что все это не вызывает у нее ничего, кроме недоумения.

— Ну и что? В конце концов, им же нужны новые наставники, разве не так? Чего же удивительного, если самым лучшим они предлагают вступить в свои ряды? Прошу простить меня,

госпожа, но до сих пор я не усматриваю здесь ничего, даже отдаленно похожего на культ какого-то зверобога. Почему вы так убеждены, что...

— А вот это уже не твоя печаль, — резко обрывает ее Халима. — Думать: что, как и почему — это обязанность жрецов, а не воинов. Если мы говорим тебе, что святилище Шакала существует, и сам этот бог поднимает голову на земле Коринфии, значит, так оно и есть. Взгляни на руну в своей руке — ее коснулась Богиня. И пламя Ее выжгло рисунок, сделанный жертвенной кровью. Каких доказательств тебе нужно еще?!

Что ответить на это, Соня не знает. Да, впрочем, после недолгого размышления решает, что ей это совершенно все равно. Если Волчице угодно послать ее в Коршен, значит она поедет туда. А существует ли Шакал, или нет... Разберемся на месте!

— Значит, насколько я понимаю, вы ждете, чтобы я постаралась стать ученицей в этой *схоле*, прошла обучение и постаралась стать одной из лучших, так, чтобы в конце концов меня приняли за свою... — полувопросительно, полуутвердительно бросает она Разаре с Халимой. И не дожидаясь ответа, вопрошает: — Но как долго длится обучение? Волчица свидетель, мне бы не хотелось убить лучшие годы на это дело.

Разара сухонько кхекает.

— Не тревожься, твои лучшие годы никуда не денутся. Да и мы едва ли согласились бы расстаться с тобой так надолго. Что ни говори, а ты

скрашиваешь мое унылое существование, рыже-кудрая... Что же до обучения, то оно для всех длится по-разному, но редко когда превышает полгода, обычно сводясь к трем-четырем лунам. Это не слишком долго для тебя?

Заулыбавшись помимо воли, Соня качает головой. Хотя их отношения с Разарой никогда нельзя было назвать безоблачными, она все же питает к старухе необъяснимую скрытую симпатию и порой, как сейчас, ощущает, что та платит ей взаимностью.

Халима, как видно, чувствует искорку, пробежавшую между двумя женщинами, молодой и старухой, и недовольно бросает:

— Не думай, что все это будет так просто. — Она явно стремится разрушить колдовство. — В *схолу* очень тяжело попасть. И многие из тех, кто является за этим в Коршен, убираются не солоно хлебавши. Так что твоя самоуверенность на этот раз может тебя и подвести.

— Да неужели? — Соня устремляет на нее невинный взгляд своих серых глаз. — Поспорим, а? Ставлю свой кинжал против твоего!

Помимо воли, Халима хватается за острый клинок в резных ножнах, символ своего жреческого ранга, и шипит на Соню, словно рассерженная кошка:

— Твоя дерзость погубит тебя!

— Ну, многие так говорили... — Соня небрежно поводит плечами, затем вновь оборачивается к Разаре. — Но я что-то никак не пойму, зачем нужен этот крысеныш. — Она небрежно машет

рукой в ту сторону, где затаился Муир. — Уж у него-то точно нет никаких шансов пройти отбор в школу Шакала.

Мальчишка что-то пищит в углу, но никто не обращает на него внимания, и лишь Халима заступает за своего выкорыща:

— На самом деле, — с ледяной язвительностью замечает она Соне, — именно он и был основным стержнем всего нашего плана, ибо должен был с помощью колдовства подстраховать тебя на экзаменах, подхлестнуть твои способности, чтобы ты наверняка не провалилась, и в дальнейшем все время тебя поддерживать, дабы ты сумела достойным образом окончить курс обучения. Но теперь...

— Начнем с того, что в поддержке я ничуть не нуждаюсь, — с величайшим презрением бросает Соня, — в особенности когда она исходит от такого, как он. Ну и кроме того, о чем вы думали раньше, когда ставили нас в пару?!

Вместо Халимы отвечает Разара:

— Мы тут ни при чем. То, как это было задумано нами, планировалось для некоего воина и некоего колдуна — просто как общая задумка. Но ваши имена названы были самой Богиней. И для нас не меньшая неожиданность, чем для вас двоих, что именно вы оказались в паре. Признаться, и я, и Халима, теперь в полном замешательстве, ибо для нас очевидно, что с Муиром вы работать не сможете. Ты никогда не доверишься ему, а он никогда не сделает и десятой доли того, что мог бы, дабы помочь тебе.

— Еще раз повторяю, я в этом не нуждаюсь, — гордо бросает Соня. — Я вполне в состоянии пройти отбор в школу и стать там лучшей ученицей без помощи какого-то жалкого колдунишки-недоучки.

— О, самоуверенность молодости, — вздыхает Разара. — И все же Волчица ничего и никогда не делает просто так. Поэтому вы отправитесь вдвоем.

— Ладно, пусть только он не вздумает мне попадаться на глаза! — И Соня угрожающе выплевывает взглядом прячущегося во тьме жреца. — Пусть делает, что хочет, все эти полгода. Пьет горькую, забавляется с девками по кабакам... мне все равно. Главное, пусть не путается под ногами!

— Да что она себе позволяет, эта рыжая кошка, — не выдерживает Муир. — Я жрец третьей ступени! Я... Да я ее...

— Замолчи, сопляк! — бросает Соня небрежно. И вслед за этим — короткий свист, ледяная вспышка в воздухе... И тут же перепуганный вопль колдуна, рядом с которым, в каких-то двух сенмах у правого уха в стену вонзилось остро отточенное лезвие, пущенное через плечо рукою воительницы.

На Халиму, так же как и на ее прислужника, это произвело надлежащее впечатление. Она шлепает губами, словно вытщенная из воды рыба, и пучит глаза, не в силах вымолвить ни звука. Лишь Разара ведет себя так, словно бы не произошло ровным счетом ничего необычного.

— Я не позволяла тебе портить обстановку моих покоев, — ворчит она, впрочем не столь уж и недружелюбно. — Хорошо, что ты скоро уберешься из Логова, а то неизвестно, какие еще разрушения нас могли ожидать.

— Я готова выехать хоть завтра же! — объявляет Соня.

— И правильно, тем более, что набор в *схолу* Шакала производится всего лишь дважды в год, в день равноденствия.

Быстро произведя мысленным подсчеты, Соня осознает, что у нее осталось чуть более шести суток. Дорога до Коршена займет три дня, но еще ей понадобится время на то, чтобы осмотреться в городе. Значит, выезжать следует незамедлительно.

— У меня все готово к отъезду, — объявляет она Разаре. — Так что с первыми лучами солнца я покину Логово.

— Вот и хорошо, — та мелко трясет седой головой. — И мальчишка пусть едет с тобой вместе, хотя бы до Коршена. Как уж вы решите там, дело ваше. Но до княжества вы должны доехать вместе. Такова воля Волчицы. И не вздумай, слышишь, *не вздумай*, ее послушаться! — Взор, который она вперяет в Соню с этими словами, кажется неожиданно жестким, почти осязаемо твердым и жгучим, словно прямо в грудь ей ткнули раскаленным жезлом, так что воительница едва удерживается, чтобы не отступить на шаг. В такие мгновения все домыслы о старческой немощи Разары рассеиваются, как дым,

как предрассветный туман под лучами солнца. Соня почтительно склоняет голову.

— Хорошо, госпожа, только пусть мальчишка не опаздывает. Я не буду его ждать ни мгновения. Если проспит или не успеет собрать пожитки, вина не моя. Я ради него останавливаться и задерживаться не буду.

— Я успею! — срываясь, кричит Муир. — Еще посмотрим, кто кого будет ждать!

Соня пожимает плечами. Ей досадно, что в запальчивости она обрекла себя на отъезд без всякой возможности попрощаться с приятелями, а ведь отлучка на сей раз ей предстоит довольно долгая. Ну что ж, постарается с ближайшего постоянного двора послать им весточку...

Она переводит взгляд с Разары на Халиму.

— Что-нибудь еще?.. Или я могу идти отдыхать перед дорогой.

Халима молчит, с ненавистью испепеляя Соню взглядом.

Разара пожимает плечами.

— Я бы и рада была сказать тебе гораздо больше о том, что ожидает тебя впереди, но, увы, это все. Ступай. Да и хранит тебя Волчица на дальнем пути!

Не сказав больше ни слова, Соня разворачивается и выходит. В дверях, проходя мимо стражников, один из которых оказывается все тот же вездесущий Стевар, она задерживается на мгновение и скользит взглядом по его лицу, словно намереваясь что-то сказать, но, передумав, отворачивается и устремляется прочь.

...Спит она эту ночь спокойно, никакие тревожные видения не приходят смутить ее сон, и просыпается ровнехонько как назначила себе накануне — за полчаса до рассвета. А когда, наскоро перекусив и дружески попрощавшись с Кабо, приходит на конюшню, неся в руках тяжелые седельные сумки, дабы оседлать Искорку и тронуться в путь, то обнаруживает там Муира, сидящего на приступке, рядом с привязанным к коновязи мощным вороным жеребцом, слишком крупным для тщедушного мальчишки. Судя по покрасневшим глазам и дерганым движениям, парень не спал всю ночь, боясь опоздать. Усмехнувшись, Соня, не удостоив его даже словом приветствия, оседлывает Искорку и ровной рысью устремляется прочь, ко вратам Логова.

* * *

В дороге они не говорят ни о чем. Соня не имеет такого желания, и потому намеренно задает темп скачки, при котором никакие разговоры невозможны. На самом деле, разумеется, нет никакой нужды нестись вот так, сломя голову, равно как и выезжать ни свет, ни заря из Логова, не простившись с друзьями. Она без всяких проблем успеет попасть в Коршен до дня осеннего равноденствия. Но приказ Разары доехать до самого города вместе с этим наглым щенком вывел ее из себе. И теперь она стремиться не мытьем, так катаньем избавиться от мальчишки.

Тот, однако, упорный, не отстает. Мощный

вороной жеребец, которого жрецу, каким-то чудом удалось выцепить из конюшен Логова, с легкостью несет невесомого всадника и не отстает от легконогой Искорки. Зато, отмечает Соня искоса, взглянув назад и удовлетворенно хмыкнув, седок уже сделался бледен, глаза горят, точно у одержимого, а лицо перекошено. Да ему явно путь этот дастся дорогой ценой. Парень не привык помногу времени проводить в седле. Ноги будут стерты до крови. И ходить он еще долго сможет не иначе как вразвалочку, припадая на бок, словно курица. У самой-то Сони на походных штанах для таких вот случаев, с внутренней стороны бедер нашиты длинные прочные полосы тонкой, особым образом выделанной кожи, которые помогают не стереть себе все ноги о седло и о бока лошади. Точно также и сапожки ее не простые. В них нога держится в стремях и ничуть не устает. Но с какой стати ей советовать нечто подобное этому мальчишке. Вот еще...

Она не может толком объяснить чем ей не нравится Муир. Да и особо не задумывается об этом. До недавнего времени она даже не подозревала о его существовании, куда он не обратил на себе ее внимание, там в трапезной, обвинив невесту в каких грехах и преступлениях. С того самого мгновения неприязнь их была равносильной и обоюдной.

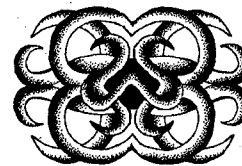
Чем ему не понравилась она сама, Соня также понятия не имела. Но подозревала, что ответ прост. За последние годы таких, как этот Муир, немало встречалось на ее пути. И всех этих сам-

цов одинаково раздражало одно: что женщина, да еще к тому же красивая женщина, смеет выполнять мужскую работу не хуже, а зачастую и лучше, чем они сами. Что она осмеливается быть вольной в своих речах и поступках, а не сидеть, потупив взор, в ожидании, пока на нее соизволят обратить внимание. Их выводило из себя даже не то, что она мнила себя равной мужчинам, а то, что она считала себя *лучше* их. Забавно, что эта манера Сони мало трогала мужчин, действительно уверенных в себе, преуспевающих и нашедших свое место в жизни. Таких это как раз не задевало, им нравилось иметь дело с женщиной сильной и неглупой. Они отнюдь не чувствовали, что это умаляет их достоинство, — но вот другие, мужчины слабые, отчаянно пытающиеся доказать самим себе и окружающим, что они что-то из себя представляют, о... для таких Соня была подобно жалящему слепню, и они не останавливались ни перед чем, пытались указать дерзкой рыжеволосой красавице, на ее «положенное» место. Разумеется, у них никогда ничего путного не выходило. И вскоре Муиру предстояло убедиться в этом на собственном опыте.

Глава пятая

Но вот смеркается. Небо нынче густо затянуто тучами, и потому темнота наступает еще раньше. Поразмыслив, Соня решает не останавливаться на ночлег под открытым небом, и не столько даже потому, что холодная земля представляется ей слишком неудобным ложем: к такому она давно привыкла. Но ей не улыбается разделить свой костер со жрецом. Волей-неволей придется о чем-то говорить, хотя бы даже договариваться о том, кому когда дежурить. Может ли она положиться на этого щенка, позволить ему охранять ее сон...

Ну, нет. Муир был бы последним, кому Соня доверилась бы в этом деле. И потому, не останавливая коня, она на ходу сверяется с дорожной картой, которую дали ей в Логове, и, обнаружив, что до ближайшего постоялого двора осталось всего лишь каких-то полторы лиги пути,

она, бодро присвистнув, дает шпоры Искорке. Кобыла, впрочем, и не нуждается в подбадривании, каким-то шестым чувством она словно знает о близости отдыха и сытного ужина, и потому, невзирая на усталость, бодро трусит по смутно желтеющей в полутьме дороге. Топот копыт вороного слышен за спиной, но Соня и не думает оборачиваться в ту сторону, даже для того, чтобы проверить, по-прежнему ли несчастный жрец держится в седле и не свалился ли на полдороге.

Как выясняется, на этом постоялом дворе, незатейливо именуемым «У трех сосен», Соне не раз уже доводилось останавливаться. Впрочем, сама бы она должно быть и не вспомнила об этом, — мало ли было подобных заведений на ее жизненном пути! — но хозяин, седобородый низкорослый крепыш, едва достающий Соне до подмышки, завидев рыжеволосую воительницу, с радостным возгласом устремляется ей навстречу. Из его сбивчивых приветственных речей, расшаркиваний и заверений в вечной преданности, она заключает, что, как видно, в последний раз была здесь при деньгах и в хорошем настроении, оттого и запомнилась к кабатчику как неплохая клиентка.

Усмехнувшись, Соня позволяет проводить себя в общую залу, проследив предварительно, чтобы мальчишка-конюший тут же, не отлынивая, позаботился о ее лошади. Сзади в ворота вваливается взмокший Муир, у которого, словно у загнанного оdra, едва ли не идет пена изо рта.

Но на него никто не обращает внимания, ибо кабатчик занят одной лишь Соней, так что ему приходится самому расседлывать жеребца, на трясущихся ногах заводить его в стойло, и уж потом отправляться на ужин.

Оказавшись внутри, в небольшой зале, хорошо освещенной, несмотря на клубы дыма, он, по счастью, даже не пытается присоединиться к Соне, которая с наслаждением угощается принесенным хозяином элем, в ожидании горячего, — а, неуверенно пошатываясь, идет к свободному столу, недалеко от огромного очага, над которым булькает котел с похлебкой.

Там Муир и усаживается, а вскоре рядом пристраиваются и новые посетители, трое не то зажиточных крестьян, не то небогатых купчихек, ездивших, должно быть, на ближайшую ярмарку.

Вообще, постоялый двор полон, и Соне остается лишь порадоваться за хозяина, у которого дела в эту пору идут, видимо, неплохо. Впрочем, осень — время ярмарок, базаров и оживленной торговли. В это время на дорогах всегда полно людей. Торговцы везут товар на продажу, наемники бродят из города в город, стремясь до наступления холодов, подыскать себе теплое местечко на службе у какого-нибудь вельможи, чтобы не пришлось зиму коротать на большой дороге. Крестьяне, собрав урожай, везут вино, зерно и мясо, в город или к ближайшим скупщикам... Точно так же торопятся до зимы завершить свои дела коробейники, ищут пристанища

певцы и менестрели, — в общем, осень для кабатчика самое милое время.

С удовольствием поглощая сытную жирную мясную похлебку, которую с поклоном поставил перед ней сам хозяин, не доверяя обслуживанию почетной гостьи своим мальчишкам-подавальщикам, Соня исподволь окидывает зал взглядом, впрочем, без особого любопытства. Знакомых как будто бы никого, и точно так же она не видит людей, которых следовало бы опасаться. Рыжеволосая женщина в мужской одежде и с мечом на поясе тоже не привлекает особого внимания завсегдатаев. Первые несколько мгновений народ еще косился в ее сторону, но сейчас никто не смотрит, не перешептывается, все оставили ее в покое, занятые едой, выпивкой, игрой в кости и разговорами.

Соня этому рада. Если и есть что-то, чего она совершенно не переносит в этой жизни, то это глупых нелепых стычек в тавернах и на постоянных дворах.

...Однако, похоже, она рано радовалась. Все же кто-то обратил на нее столь нежелательное внимание, и это оказались никто иные, как трое типов, сидевших за одним столом с Муиром. Насколько Соня может судить, сейчас он ни о чем не разговаривает с ними и никоим образом их не подначивает, сидит, словно происходящее его не касается, лениво ковыряясь ложкой в тарелке. Но Соня, что называется, нутром чувствует... без жреца тут не обошлось.

А трое купчиков уже расходятся вовсю, под-

бадривая один другого, переталкиваются локтями, скалят скверные зубы, оборачиваются к Соне, бормочут что-то неразборчивое, сально гыкая, и явно ждут только того, чтобы у кого-то из троицы достало силенок и отваги первому подняться с места и начать представление.

Подобравшись, Соня с усталым вздохом кладет руку на крестовину меча. Ну что ж, посмотрим, что из этого выйдет...

Купчишки не заставляют себя долго ждать. Первым поднимается один, тощий, жилистый, с бугристым носом, похожим на гроздь красного винограда, и глазками-бусинками, затаившимися глубоко под сросшимися бровями.

Пошатываясь, через весь зал он направляется к Соне и, оказавшись у самого ее стола, с усилием опирается руками о столешницу, и наклоняется, дыша ей в лицо перегаром.

— А что, красотка, ночи-то какие холодные! Мерзнешь, поди-ка, без мужика-то...

Лениво-заинтересованные взгляды устремляются на них, довольные неожиданным развлечением. Вот так всегда... Сами-то они, возможно, не стали бы цепляться к девушке, однако и бросаться на ее защиту никто не намерен. Все рады случайной потехе. Хозяин постоянного двора мог бы попытаться пресечь безобразие, так как видно, что дорожит репутацией заведения, но он, как назло, отлучился на кухню. А за спиной у красноногого уже вырастают двое его дружков, один кривоногий, лысый, как коленка, зато с кустистой бородой, второй — с прилизанными

жидкими светлыми волосенками и водянисто-голубыми глазами навывате, похожий на благообразного митрианского жреца. Все трое, щерясь, взирают на Соню, и первый, должно быть решив, что девушка не слишком хорошо его поняла, пытается повторить подходчивее.

— Я говорю, холодно тебе, поди, без мужика? Своего мужика ты видно потеряла где?.. Расскажи, где оставила мужика-то!

То, как часто он повторяет слово «мужик», Соне говорит о многом, но, впрочем, менее всего ее сейчас интересует анализ этого пьяного бреда. Изобразив на лице любезное непонимание, она чуть поднимает брови.

— С чего вы взяли, что я кого-то где-то потеряла?

Первый закон: всегда отвечай вопросом на вопрос, если кто-то ищет с тобой драки. Вынужденный сам искать ответ, задира зачастую забывает, ради чего он все это затеял.

В эту ловушку попадает и красноносый. Растеряннo чешет затылок, потом спохватывается.

— А, это, меч-то у тебя девка, не твой же меч, видно. Мужика, стало быть, твоего меч! Где мужика подевала?..

О, Небо. Со вздохом, медленными уверенными движениями Соня расстегивает пояс с ножнами и кладет их на стол перед собой.

— Если ты так уверен, что это оружие принадлежит не мне, можешь попробовать у меня его забрать.

Лысый напарник, видно, боясь, как бы у при-

ятеля не ослабел боевой задор, подпирает его сзади, трубя зычным басом.

— Точно, Михель, заberi у нее железяку! Такая девка должна справным парням вроде нас постель согревать, а не сидеть тут с чужим мечом. Может, он вообще у нее краденый...

Соня с ненавистью смотрит на перекошенное пьяное лицо. А еще кто-то смеет спрашивать у нее, почему она так не любит мужчин!..

— Я уже сказала: если хочешь, попробуй у меня его забрать, — чеканит она, и слова, точно капли раскаленного свинца, падают в густую тишину обеденного зала. Теперь уже все взоры устремлены на них. В глазах завсегдатаев веселое, злое ожидание. Им, в общем-то, все равно, завалят ли трое насильников девицу, возомнившую о себе невесть что и позволившую себе щеголять в мужской одежде и с оружием... либо девица эта проучит троих пьяниц. Все равно будет потеха, будет о чем вспомнить и рассказать приятелям. Так что они ждут, только что не потирая ладони от нетерпения.

За мечом первый, естественно, тянется красноносый, он ближе всего к Соне. Тянется... и натывается на колено, вонзившееся ему прямо в пах, сгибается со стоном, сыпля проклятиями, и тут же небольшой, но увесистый кулачок, обрушивается ему на шею. Хрипя и силясь вдохнуть воздух, он, скорчившись, валится на стол. А Соня тут же с силой опускает каблук прямо на край скамьи. На этот удар она рассчитывала с самого начала, и, хвала Небу, он ее не подвел.

Длинный конец лавки стремительно взлетает... и бьет светловолосого прямо в подбородок. Тот с воплем хватается за челюсть, на которой, прямо на глазах, начинает распухать безобразная багровая шишка. С нечленораздельным рычанием он и чернобородый, перешагнув через скорчившегося на полу приятеля, устремляются на Соню. Но она стоит в углу, и теперь, пытаясь до нее добраться, зажатые между стеной и столом подельники больше мешают друг другу. К тому же этих дубиноголовых никто и никогда не учил правилам боя.

Увесистая кружка уверенно ложится в правую руку. Удар, замах... и глиняные черепки разлетаются во все стороны, когда тяжелый сосуд входит в соприкосновение с физиономией бородатого. Пара осколков его здорово оцарапали, кровь хлещет из многочисленных порезов, смешиваясь с вытекшим из кружки вином. Он с воем хватается за глаза и отступает, оглашая обеденный зал отборной руганью.

На этом можно было бы и закончить. Третий, несмотря на то, что свирепо машет руками, на самом деле, уже явно потерял всякое желание нападать... Но в этот момент взгляд Сони падает на довольное, ухмыляющееся лицо Муира, который, сидя за своим столиком, не сводит с нее глаз. Бешенство застит ее взор, и во мгновение ока улетучиваются все остатки благоразумия.

— Это оружие принадлежит мне, — с презрительным видом Соня указывает на клинок, по-прежнему лежащий на столе. — И не вам, под-

лым тварям, пытаться отнять его у меня. Но для того, чтобы справиться с такими как вы, оружие мне ни к чему!

С этими словами, она с силой ударяет каблуком третьего нападающего в то место, где стопа соединяется с голенью, а раскрытой ладонью снизу вверх бьет его в лицо. Слышен хруст ломающейся переносицы, кровь мгновенно заливает белую рубаху с вышивкой, наверняка, заботливо сработанную женой крестьянина... Соня отступает на шаг, с удовлетворением оглядывая дело рук своих. Один из нападающих трясет головой, встав на четвереньки, еще не осмеливаясь подняться, двое пятятся, обливаясь кровью. Она с вызовом окидывает взглядом притихший зал.

— Может, есть еще желающие о чем-то меня спросить... Или предложить погреться ночью?.. — Она усмехается. И усмешка эта более всего похожа на оскал. — Нет? Странно, я так и думала. Впрочем, чего еще ждать от таких трусливых болванов...

Сейчас она в таком состоянии, что была бы, наверное, даже рада, если бы кто-то осмелился бросить ей вызов. Ее жажда крови не удовлетворена до конца. Поэтому она нарочно провоцирует сидящих в зале мужчин, но они как будто чувствуют это и смущенно отводят глаза, — все, кроме Муира, который по-прежнему пялится на воительницу со смесью ненависти и восхищения во взгляде.

Но он единственный, с кем она сегодня не желает связываться, хотя именно он и натравил

на нее тех трех негодяев. Нет, Муир подождет: этот красавчик заслуживает явно большего, нежели простая трепка... гораздо, гораздо больше. Успокоившись, Соня пересаживается на другой конец стола, подальше от лужиц крови, в изобилии пятнающих пол и столешницу, подпоясывается мечом, затем машет хозяину, испуганно наблюдающему из дверей кухни.

— Это тебе за ущерб, — она кладет на стол полновесную серебряную монету. — Отдашь бедняге, которому придется драить от крови пол и лавки.

Хозяин с поклоном тут же прибирает монету к рукам, а Соня, поразмыслив, поднимается с места. Сперва она хотела посидеть еще немного, ибо сна еще ни в одном глазу, а в углу она заметила менестреля, настраивающего свою лютню, и понадеялась послушать сегодня музыку. Но теперь решает, что игра не стоит свеч. Лучше уйти сейчас, оставшись в памяти этого сброда вот такой, гордой и непобежденной... Опять же, прежде чем эти трое ублюдков придут в себя. Не приведи Небо, задумают подговорить кого-то отомстить за свою поруганную честь и достоинство... С подобным ей, увы, не раз доводилось сталкиваться. Мужская солидарность в таких случаях, как правило, берет верх над благоразумием, в особенности когда шибает в голову вино. А сколь бы высоко Соня ни ценила свои воинские таланты, в драке против целой толпы ей все же не устоять. Так что, пожалуй, не стоит пренебрегать отдыхом.

— Я поднимусь наверх, — объявляет она хозяину постоялого двора. — Отправь мальчишку, чтобы проводил меня в комнату, и пусть прихватит с собой небольшой кувшин вина, и проследит хорошо ли натоплено в комнате. Ночи, знаешь ли, уж больно холодные... — с многозначительной усмешкой добавляет она.

— Все будет исполнено, госпожа. — Хозяин кланяется едва ли не в пояс и тут же кличет одного из тех пострелят, которые у него в зале на подхвате. — Покажи госпоже ее комнату. И исполни в точности все, что она ни попросит.

Мальчуган, свидетель недавней драки, взирет на Соню с неммым обожанием. О, наивная простота юности, когда геройство еще способно пробудить восхищение, не омраченное никакими сторонними соображениями и грязными мыслями... Потрепав мальчугана по вихрастой голове, Соня через весь зал направляется к выходу, что ведет на лестницу, и едва удерживается, чтобы не поежиться, — так ощутимо колют между лопаток устремленные на нее взгляды.

Ночь, впрочем, проходит спокойно. Пробудившись с рассветом, она завтракает на скорую руку и устремляется на конюшню, где ее ждет оседланная Искорка... и Муир. Судя по внешнему виду жреца, ночной отдых не пошел ему на пользу. Двигается он по-прежнему с трудом, как будто все суставы у него деревянные, да еще плохо смазанные, лицо кажется даже бледнее обычного, а под глазами залегли темно-синие круги.

Разумеется, ни он, ни она не обмениваются ни словом, усиленно делая вид, будто не замечают друг друга. Соня выводит Искорку во двор, садится в седло и трогается в путь. Сзади глухим рокотом доносится стук копыт вороного жеребца.

* * *

Еще день проходит в дороге и без всяких приключений, хотя то и дело Соня косится на хмурающееся небо. Осень понемногу вступает в свои права, особенно здесь, в близости гор. Но, по счастью, дождь так и не принимается моросить, словно ждет чего-то, и Соня от души радуется, завидев под вечер постоялый двор. Больше всего на свете она ненавидит ехать под открытым небом, когда копыта коня месят раскисшую грязь, а с небес течет вода. Может быть, еще и обойдется...

За Муиром она следит пристальнее, чем кошка за мышью. Но тот, притихший и подавленный, молча съедает в своем углу поданный хозяином ужин и тотчас отправляется в отведенную ему комнату. Проводив его сумрачным взглядом, не сулящем юноше в дальнейшем ничего хорошего, Соня возвращается к прерванной игре в кости, которую затеяла с проезжим наемником и двумя коршенскими купцами. Играть она не слишком любит и на выигрыш не надеется. Но у нее иные планы...

Попутно она старается воспользоваться воз-

можностью выведать у коршенцев как можно больше относительно их родного города, но те оказываются на диво неразговорчивыми. Княжество как княжество, правителем довольны, хотя и налоги слишком высоки, торговля идет ни шатко, ни валко... Словом, ничего такого, что она не слышала уже от тысяч и тысяч купцов в самых разных концах света.

Единственное, что ей кажется любопытным, это упоминание старшего из торговцев о том, сколь неприязненно в Коршене относятся к лубой черной магии и ведовству. Якобы еще батюшка нынешнего князя под корень извел всю эту нечисть. Самых упорных спалил на кострах, а остальным дал времени до заката солнца, чтобы убраться за пределы Коршена. Сынок его, конечно, не столь крут нравом, да и сказывают, в тайне кое-кого из магигов у себя при дворе привечает, но все же потихому, а в городе черно-книжников по-прежнему не любят. Так что даже за каким-то пустяшным приворотным средством приходится ездить в соседние Лисандию или Мадран.

Весть эта представляется Соне перстом судьбы. Довольно усмехаясь, она старается проиграть умеренно, хотя и вполне лестно для самолюбия партнеров, дружески с ними болтает и наконец удаляется в женскую спальню, — этот трактир поплотнее и попроще, нежели давешний, и потому далеко не все постояльцы здесь обретают радость собственных покоев.

Впрочем, и в общей комнате ей спится отмен-

но, настолько, что с рассветом вставать она и не думает, стойко не обращая внимания на поднявшуюся вокруг суету, на хлопочущих служанок и соседок, собирающих вещи к отъезду. Она поднимается ближе к полудню, не торопясь завтракает, болтая с хозяином и словно не замечая испепеляющих взглядов, что бросает на нее Муир.

Полуденное солнце робко пытается пробиться через завесу туч, когда Соня наконец велит оседлать свою Искорку. Вороной жреца давно переминается под седлом, но и здесь спутника воительницы ожидает разочарование. Она движется нарочито медленно, чаще всего ровным шагом, даже не переводя лошадь на рысь, а порой и вовсе блажит... То останавливается у ручья напиться воды, то сворачивает в сторону, чтобы собрать каких-то корешков и листьев на поляне у леса, то зачем-то даже поворачивает в обратную сторону и возвращается на прямой путь, лишь проехав сотню шагов.

Муир сперва выносит все это стойчески, натягивая поводья вслед за Соней и дожидаясь, когда она возвратится из очередной эскапады, но затем терпение его заканчивается, — как раз тогда, когда впереди в долине показываются крепостные стены и крытые красной черепицей крыши Коршена.

Солнце потихоньку начинает клониться к закату, и, по расчетам Сони, даже если вести лошадь в поводу, у нее все равно вдосталь хватит времени, чтобы добраться до ворот, прежде чем на землю ляжет темнота. Но Муир, судя по все-

му, придерживается другого мнения. Поравнявшись с воительницей, он обращается к ней, впервые за все время путешествия:

— Волчица велела нам доехать до города. Я считаю, мы исполнили ее волю, — он указывает рукой на город, мирно разлегшийся в долине. Тихий, спокойный городок, внешне совсем не похожий на место, где мог бы обрести приют культ грозного зверобога, или *схола* наемных убийц... — Прощай, и да поможет тебе Волчица! — с этими словами Муир дает шпоры своему вороному и устремляется вниз с холма.

Соня с усмешкой придерживает Искорку, чтобы не глотать дорожную пыль, которую поднял за собой жрец. А затем неспешно, улыбаясь каким-то своим мыслям, продолжает путь.

К городским воротам она поспевает как раз вовремя, чтобы застать последний акт драмы... Отбивающегося, негодующего, кричащего какие-то проклятия Муира двое стражников волокут прочь, третий следует за ними, ведя в поводу вороного и волоча за собой распотрошенные седельные сумки. Оглянувшись, вывернув шею, Муир замечает Соню.

— Вот она... она может подтвердить, что никакой я не чернокнижник.

— Я?! — На лице Сони искреннее негодование, и она недоумевающе оборачивается еще к двоим стражникам, которые спешат к ней навстречу из караулки. — Любезные месьюры, чего хочет от меня этот безумец? Я совсем не знаю его!

— Вот и к лучшему, добрая госпожа, — отвечает старший из стражников, помогая Соне спешиться. — Нам нынче днем донесли, что в Коршен направляется какой-то опасный чернокнижник. По всему судя, это он и есть. А мы в княжестве этой нечисти на дух не переносим. Но ничего, — угрожающе цедит он вслед бедолаге Муиру. — Начальник стражи разберется, что к чему. Если и вправду некроманта поймали, так из города его турнут в два счета. И пускай еще благодарит богов, если на костер не отправят!

— О, ну надо же, — сладким голосом поет Соня, сделав испуганные глаза. — А с виду такой молодой!.. Умеет же эта нечисть некромантская надевать на себя личины, чтобы дурить честных людей!

Неизвестно, слышит ли эти последние слова Муир, которого стражники уводят куда-то в боковую улочку, судя по всему, к городской тюрьме, но внезапно он раздражается новым потоком проклятий. И в несвязных выкриках его Соня различает угрозы, явственно направленные в адрес некой рыжей ведьмы, возомнившей о себе невесть что, и которая, несомненно, поплатится за все то зло, которое причинила честному, ни в чем не повинному жрецу Волчицы. Изю всех сил стараясь скрыть довольную ухмылку, — у нее даже губы начинают болеть от нечеловеческого усилия, — Соня с серьезным видом отвечает на все вопросы стражника, объясняет, что прибыла в Коршен, чтобы попытаться наняться к кому-нибудь из купцов в сопровождение каравана,

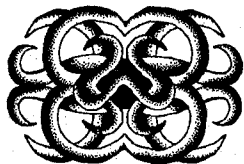
потом уплачивает положенную мзду, которая оказывается довольно высока для столь захолустного городишки, и спрашивает, где ей лучше поселиться в Коршене.

Совсем не обязательно, что стражник даст хороший совет, поскольку им, как правило, приплачивают владельцы постоянных дворов, чтобы путников они направляли именно туда, и заведения эти отнюдь не оказываются из разряда хороших или дешевых... Но сейчас начинает смеркаться, времени на долгие поиски у Сони нет, и ей для ночлега сгодится любое место. А назавтра можно будет подыскать что-то получше. Поэтому она безропотно следует указаниям стражников, и в конце концов петляющие узкие улочки выводят ее на небольшую площадь, где, судя по всему, устраивают городскую ярмарку. Здесь, на том углу, где на площадь выходит улица Прядильщиков, Соня и обнаруживает искомый постоялый двор «У золотой овцы».

Проследив, чтобы конюхи как следует позаботились об ее Искорке, девушка договаривается о комнате на ближайшие пару дней и, спустившись в обеденную залу, садится за стол в ожидании вина и заказанного жаркого.

На Коршен уже опустилась ночь. Небо по-прежнему остается затянутым густыми низкими тучами, однако Соне ни к чему видеть луну своими глазами, дабы следить за временем. Она и без того знает, что до осеннего равноденствия остается еще три дня.

Глава шестая

аутро Соня окликает хозяина постоялого двора. Как оказалось, имя его Тверик. Жилистый и худощавый, весь какой-то подобранный, напряженный, повадками он напоминает скорее воина, нежели тавернищика. Впрочем, никто не мешает ему оказаться стражником-отставником. Кто знает, в этом Коршене, чем принято заниматься бывалым воякам, после того как им наскучит махать мечом.

— Что-то пусто у тебя, как я погляжу, — оглядывает Соня полупустую залу. Вчера здесь было куда больше народу, но похоже, то были местные, зашедшие пропустить кружечку-другую вина, а на ночлег мало кто остался. По осени, в пору ярмарок, базаров и расцвета торговли после сбора урожая, следовало бы ожидать куда большего наплыва толпы...

— Не скажите, *медина*, — хозяин постоялого двора награждает ее осторожной улыбкой. В недружелюбии его не упрекнешь, но какая-то настороженность чувствуется. Он все время меряет ее глазами, но не как понравившуюся женщину, а скорее, как один поединщик другого. И Соню это немало удивляет. За свою жизнь ей довелось побывать на тысячах постоялых дворов, но, пожалуй, нигде ее не воспринимали вот так, словно некую скрытую угрозу. Или, может, парню просто не нравятся женщины с мечом? Профессиональная ревность...

— Иной гость дорогого стоит, — как ни в чем не бывало продолжает Тверик. — К тому же это ненадолго. Через пару дней здесь будет не потолкнуться. Так что за «Золотую овцу» можете не тревожиться, *медина*.

Это непривычное обращение «медина» режет ухо. И Соня не сразу вспоминает откуда оно взялось, а затем, сообразив, внутренне дергается, хотя и не может осознать причин охватившей ее тревоги. Это обращение к женщинам благородного достоинства вышло из употребления много лет назад, и ей лишь пару раз доводилось встречать его в книгах. Впрочем, само по себе слово не несет никакой угрозы, и в том, что странный содержатель постоялого двора вздумал выражаться подобным образом, нет ничего пугающего. Просто весь этот город Коршен и порученная ей миссия действуют Соне на нервы, заставляют держаться настороже, — вот она и обращает внимание на всякие пустяки.

Она улыбается Тверику, стараясь, чтобы в улыбке ее он не прочел ничего, кроме искренней к нему расположенности.

— Через пару дней, говоришь? Интересно, застану ли я еще эту толпу... Очень не люблю, когда на постоялом дворе полно народу, — объясняет она, чтобы внезапный интерес ее не показался подозрительным. — Когда же это случится?..

— Через три дня, после равноденствия, — как ни в чем не бывало поясняет Тверик. — Ярмарка начнется.

На все, что связано с равноденствием, у Сони реакция, точно у охотника на дичь. Но в словах хозяина постоялого двора она не может усмотреть никакого умысла или скрытого значения. Просто ярмарка, которая начинается в это время. Естественно, что торговцы и покупатели подтягиваются именно к этой поре.

— А что, богатая ярмарка в Коршене? — любопытствует она.

— Год на год не приходится. — Тверик, похоже, слегка расслабился, как будто ему нравится то направление, которое принял их разговор. Долго и со знанием дела он принимается рассуждать о том, в какой год следует ожидать богатого торжества, в зависимости от того, было ли лето солнечным в горах и достаточно ли дождей выпало в долине, чтобы в изобилии произрос хмель, и виноград, и пшеница, и чтобы овцы успели нагулять обильное руно... пока наконец Соня не прерывает его:

— А найм на базаре имеет место?.

— Уж не в сезонные ли работницы надумала податься *медина*? — с легкой улыбкой переспрашивает Тверик, и Соня понимает, что сия фраза должна сойти у него за проявление юмора. — Так для этого вы уже опоздали. Работников нанимают по весне.

— Неужели я и впрямь похожа на сборщицу винограда, — не без раздражения перебивает Соня. Тверик прекрасно понимает, куда она клонит и что имеет в виду, так зачем же разыгрывать из себя глупца? Она похлопывает ладонью по ножнам, в которых покоится ее добрый, испытанный во многих схватках меч.

— Я вот об этом, Тверик. И согласись, он мало похож на орудие для стрижки овец. Нанимают ли у вас на ярмарке охранников каравана? Или, может быть, кто-то из окрестных дворян приезжает, чтобы найти пополнение в свой отряд?

Вопрос, казалось бы, несложный, но ответа на него она ждет очень долго, ибо Тверик смотрит на нее пристальным взглядом, словно желая живо счистить мясо с костей. Так он мог бы смотреть на вражеского лазутчика, пытаясь оценить, правду тот говорит ему, или лжет... Даже привычная ко всему воительница под взглядом этим чувствует себя неуютно.

— Вот зачем вы здесь, *медина*?.. — наконец роняет Тверик.

Стараясь, чтобы жест ее выглядел как можно более естественным, Соня пожимает плечами.

— Ну да, а ты как думал? Я наемница. Ищу хозяина, который готов заплатить мне пару монет за услуги. Что в этом удивительного?

Но Тверик уже поспешно встает, бормоча что-то о неотложных делах, ожидающих его в кухне, и не слишком вежливо откланивается.

В недоумении после столь скомканного разговора, Соня, поразмыслив, выходит на улицу. В Логове ей так и не соизволили сообщить, каким же собственно образом происходит набор в *схолу* Шакала. Разумеется, она не ожидала, что стоит ей приехать в город, и здесь она на каждом перекрестке увидит указатели с надписями. Более того, до недавнего момента Соня вообще не задумывалась о том, как отыщет в Коршене загадочную *схолу*. Теперь, когда впереди всего три дня, проблема эта встает перед ней со всей остротой, и она вдруг осознает, что понятия не имеет, каким образом за нее взяться.

Но в таких случаях выход всегда один. Положиться на удачу. И Соня пускается через город наугад, куда глядят глаза, в надежде, что таким образом если и не отыщет подсказку, то в конце концов сумеет осмотреться в городе.

Это тоже немаловажно. Вид зданий, ухоженность улиц, выражение лиц местных жителей... наметанному взгляду все это может сказать очень многое. И Соня, в общем, нравится то, что она видит. Фасады домов, большей частью в два-три этажа, выложены камнем. Впрочем, здесь, в гористой местности, это не удивительно. Скорее дерево как строительный материал должно

быть здесь редкостью... Ставенки аккуратно пригнаны и покрашены в разные цвета. Дымоходы тоже исправны, и дымок, который поднимается из труб, легкий и полупрозрачный. Стало быть, топят здесь хорошим углем, а трубы содержат в чистоте и исправности. Сами улицы вымощены камнем, и хотя без непереносимых сточных канав не обходится, но содержимое их не выплескивается на мостовую, как во многих других местах, превращая ее в отвратительное зловонное болото. И запах сточных вод почти не ощутим в воздухе. Пахнет, вообще, в Коршене скорее приятно. Хлебом, выделанной кожей, металлом, свежеприготовленной едой... Ароматы деловитого, ухоженного города, в котором каждый знает свое место и счастлив жить именно здесь.

Точно так же не вызывают подозрений и горожане. Исподволь Соня вглядывается в лица идущих навстречу. Мужчины кажутся сосредоточенными, но без излишней озабоченности людей, которые вынуждены ежедневно гадать, где заработать на кусок хлеба для семьи. Нет, у них слегка самодовольный и невозмутимый вид рабочих, которые хорошо знают свое дело и исполняют его наилучшим образом, не страшась трудогового пота и мозолей. Женщины же веселы, хотя и не излишне болтливы, перекликаются между собой из окон, как это принято повсюду, но явно не тратят на сплетни и праздную болтовню долгие часы. Кроме того, одеты они опрятно, но не блистают украшениями, приберегая их, как видно, для действительно праздничных дней.

Соня смотрит не только на взрослых. Дети, собаки и лошади... это тоже те приметы, по которым можно судить о состоянии города и его обитателей. И вид их у Сони не вызывает ни малейших нареканий. В общем, не город, а картинка. Идиллическая пастораль в горной глуши... И чем больше Соня смотрит на это, тем сильнее зреет в ней желание сорвать эту лакированную маску и обнажить истинную суть городка, ибо такого попросту не бывает... Весь этот Коршен какой-то ненастоящий, неправильный. Она нутром чувствует, что должно таиться здесь какое-то второе дно, однако превосходно сознает, что если город тщательно скрывает какую-то тайну, то пришлому человеку так запросто до нее не докопаться. Она может лишь посмотреть по сторонам в поисках знаков, в надежде не пропустить ничего действительно важного и ждать, пока сами собою не соберутся части головоломки, именуемые Коршеном. Но пока перед Соней лишь парадный фасад. И как ни силится она, город наотрез отказывается открыть ей что-то большее.

* * *

Промотавшись по городу почти целый день, Соня ни на полшага не приближается к разгадке, мучающей ее задачи. Коршен остается все таким же, сытым и довольным, деловитым и слегка настороженным, внешне как будто бы не таящим никакого подвоха. Однако самолюбие Сони

уязвлено, она нутром чувствует неладное. И чем сильнее таинственный некто пытается от нее это скрыть, тем сильнее ее желание несмотря ни на что докопаться до истины. Как разборчивая невеста, когда ей представляют по всем статьям подходящего жениха, она все же шепчет сама себе: «Нет, что-то с тобой неладно» и принимается искать у бедолаги скрытые или явные недостатки. Так и Соня бродит по городу, который на поверку оказывается совсем небольшим, из конца в конец, заглядывая во дворы, проулки, на площади... но пока видит одно и то же. Ухоженные дома, торговые лавки, пусть и не ломящиеся от добра, но и не со слишком скудным выбором, таверны и постоялые дворы, откуда доносятся манящие запахи еды, отряды городской стражи, ведущей себя не слишком дерзко, но явно внушающей почтение горожанам...

Внезапно она осознает, чего ей не доставало все это время. В городе она до сих пор не видела ни единого храма. И тут же, словно по заказу, стоит ей подумать об этом, Соня оказывается на площади перед святилищем. Храм огромен и великолепен, совсем не по Коршену, и углядев огромные золотые знаки солнцеворота по обе стороны огромных дверей, Соня понимает, что перед ней митрианское святилище, возведенное, скорее всего, немедийцами. Уж больно не вяжется вид этого храма со всем стилем и обликом Коршена.

Ну что же, любопытно... неужели сами горожане не верят ни в каких местных богов? Неу-

жели им хватает на весь город одного этого уродливого сооружения в имперском немедийском духе, которое должно быть так неприятно местным обитателям, — если Соня хоть что-то смыслит в психологии небольших горных княжеств?

На первый взгляд, догадка ее верна: перед храмом почти не видно народа, если не считать десятка неизменных нищих. Да и внутри, насколько она может разглядеть сквозь приоткрытые двери, немногочленно. Мелькают желтые одеяния жрецов, да, кажется, есть еще паратройка молящихся. Более ни души.

Впрочем, Соня мало что знает о культе Митры. Возможно, для верующих существуют особые часы посещения храма, а она оказалась здесь просто в неурочный миг. Но как бы то ни было, отсутствие храмов, посвященных другим божествам, кажется ей удивительным. Или они тут молятся своему князю, считая правителя полубогом, как это заведено в некоторых восточных державах? Как там его имя, этого местного князька? Ксавиан, кажется... Да, забавно. Бог Ксавиан... Соня невольно хмыкает, представив себе толстого плешивого старичка, с ласковой суровостью взирающего на склонившихся в молитве подданных.

Но веселость тут же уступает место любопытству, когда она замечает какое-то движение на площади.

Первымистораживаются нищие, между ними начинается какая-то суета, поклоны, обра-

щенные в сторону троих крепких мужчин в доспехах и с оружием в руках, в которых Соня узнает городскую стражу. Заинтересовавшись, ибо это первое достойное внимание происшествие, коему ей доводится стать свидетелем, Соня незаметно, по краю площади, придвигается ближе, чтобы иметь возможность увидеть и услышать все, что должно сейчас произойти. Но вопреки ее ожиданиям и тому, что Соне доводилось видеть в других местах, стражники отнюдь не принимают разгонять нищих, — действие столь же неизменное, сколь и бесполезное. Вместо этого трое мужчин начинают поочередно обходить ряды попрошаек, что-то спрашивая у них, и те с униженными поклонами роются в своем рубище, показывая охранникам порядка какие-то небольшие предметы, которые Соне на таком расстоянии разглядеть не удастся. Впрочем, она догадывается, в чем дело, и готова поставить десять золотых против глиняного черепка, что ее догадка верна. В Коршене гильдии, как видно, выдают особые патенты тем, кто практикует их ремесло, и это касается даже нищих. Не имея специального ярлыка с печатью, никто не имеет права заниматься здесь попрошайничеством.

И судя по всему, как раз такого нарушителя обнаруживают сейчас стражники. Один из них хватается за ворот мужчину лет пятидесяти или старше... Впрочем, под таким слоем грязи едва ли на лице его можно разглядеть точные приметы возраста.

Ветхая одежда трещит по швам, и ворот оста-

ется у стражника в руке; тот с брезгливостью отбрасывает тряпку прочь, словно опасаясь заразы.

— Ну вот, господин хороший, испортили мне одежонку! Кто теперь за это платить будет?!

Но стража порядка не так легко сбить с толку. С угрожающим видом он наклоняется к нищему.

— Зубы-то мне не заговаривай, Аарнак. В прошлый раз клялся, что патент будет непременно. Где он?

— Но, господин хороший, никак не успеть, — хнычет поименованный Аарнак. — Клянусь, к следующему обходу непременно выправлю. А пока посмотрите же сами, — грязной рукой он тычет на свою правую ногу, и Соня невольно морщится от отвращения при виде омерзительных струпьев и язв, покрывающих кожу неестественно багрового цвета.

— Видите, господин, полное право имею, и без всякого даже патента...

Стражник сурово взирает на нищebroда.

— А, старина Матшил лютует! — внезапно раздается где-то под локтем у Сони восторженный голосок, и, скосив глаза, она с изумлением обнаруживает пристроившегося поблизости мальчугана, который наблюдает за происходящим с неприкрытым детским восторгом.

Перехватив на себе взгляд Сони, он поднимает на нее глаза и заговорщически подмигивает:

— Ну, сейчас начнется.

Тем временем старший из стражников молча

кивает своим товарищам, которые, не обращая внимания на вопли извивающегося нищего, хватают его за руки и с силой прижимают к земле. Остальные попрошайки расползаются в стороны, словно ничего не происходит, не делая попыток не то что вступить за коллегу по ремеслу, но даже и просто возмутиться действиями стражников.

Матшил извлекает из ножен длинный острый кинжал и, не выказывая ни тени брезгливости, левой рукой прижав лодыжку нищего к земле, резко проводит ему по ноге лезвием ножа.

Соня невольно таит дыхание, готовясь к виду крови... но вместо этого зрит чудо. Омерзительные язвы и струпья отваливаются, рассеченные кинжалом, словно сухая корка, обнажая чистую и здоровую плоть.

— Митра исцелил тебя, презренный лжец, — с этими словами, обтерев лезвие о рванину нищего, Матшил прячет кинжал в ножны, затем делает знак двоим своим товарищам отпустить обманщика. Стражники, поднимаясь с земли, перекидываются взглядом со старшим и, повинувшись его немоту сигналу, принимаются рыться в больших кошельях, что висят у них на поясе. Первый достает небольшую медную дощечку с закрепленным на ней листом пергамента, второй — перо и походную чернильницу, также медную, от которой, не торопясь, откручивает колпачок и, обмакнув туда перо, предлагает Матшилу.

На поддельного калеку все эти приготовления действуют хуже, чем если бы он видел пе-

ред собой палача, натачивающего топор. Рухнув на колени, он принимается обливаться слезами, на сей раз неподдельными.

— Господин Матшил, добрый господин Матшил! — он делает попытку облобызать сапоги стражника, но тот брезгливо отступает на шаг, сосредоточенно что-то записывая на пергаменте. — Умоляю, господин Матшил, не делайте этого, смилуйтесь!

С высоты своего немалого роста, стражник бросает суровый взгляд на распростертого в пыли нищего.

— Ты получил второе предупреждение, Ларнак, как я тебе и обещал. Ты и сам знаешь, что это означает. Полагаю, мне нет нужды произносить это вслух.

С этими словами вся троица, неспешно развернувшись, уходит, чеканя шаг по булыжной мостовой. Нищие провожают их взглядом, затем поспешно отводят глаза от ползающего на камнях незадачливого собрата. Тот, впрочем, и не собирается взывать к их жалости или сочувствию, явно понимая все тщету таких попыток. Понурившись, он бредет прочь и, едва не задев Сонию плечом, скрывается за поворотом.

Кроме нее и мальчишки за происходящим наблюдало еще человек пять народу, но когда представление заканчивается, все они молча разбредаются по своим делам, не обменявшись ни единым словом. Маленький постреленок также намеревается юркнуть в лабиринт городских улиц, но Соня придерживает его за плечо.

— Погоди, не торопись так... — На ладони ее сверкает медная монета, но тут же исчезает, прежде чем цепкая мальчишеская рука успевает ухватить вожаденный кругляшок. — Расскажи-ка мне лучше, что здесь произошло...

— А что тут рассказывать? — паренек пожимает плечами. Сейчас Соня видит, что он чуть старше, чем показался ей на первый взгляд. Должно быть, ему лет тринадцать-четырнадцать. Белобрысые, давно не стриженные волосы обрамляют тощее личико с заостренными чертами, с которого с невинной младенческой наивностью взирают на мир два широко распахнутых глаза. Но лукавая усмешечка на тонких губах подростка опровергает первое впечатление. Судя по всему, перед Соней тот еще пройдоха. Городской лисенок, знающий все и вся в этом каменном лесу.

— Нечего тут стоять, пошли, — парень тянет воительницу за рукав, и они неспешно спускаются вниз по улице, ведущей прочь от храма. — Меня, кстати, Метю зовут, а тебя как?

— Соня, — представляется та в ответ. — Я наемница. Ищу здесь работу. Может, посоветуешь что?

Мальчишка пожимает плечами.

— Обратись лучше к стражникам. Мне-то откуда знать.

— Не ври. Такие как ты знают все и всегда. Но впрочем, это и вправду не твоя забота. Лучше расскажи мне, что хотели стражники от нищего?

— Гильдийский патент требовали, чего же

еще! — Мето взирает на Соню, словно на какого-то редкостного недоумка, поражаясь, что та не понимает столь простых вещей. — Если есть какое-либо увечье, то гильдия дает ярлык сразу, и мзда совсем небольшая, — все же снисходит он до пояснения. — Ежели руки у тебя нет, или глаза... Понятно, что работать все равно не сможешь, так что имеешь полное право нищенствовать.

— А этот Аарнак, выходит, обманщик, — смекает девушка. И стражники разоблачили его без особого труда. К тому же у него не было патента гильдии, что в общем-то неудивительно, учитывая поддельную язву на ноге.

— Но почему его не наказали, если это преступление? Его должны были отволочь в темницу, судить, в тюрьму посадить в конце концов, — продолжает недоумевать она.

— Так он же его записал, — смотрит Мето на Соню в совершеннейшем недоумении, но на сей раз та отвечает ему столь же изумленным взглядом.

— Записал?

— Ну да, сказано же, второе предупреждение.

— Так, и что потом...

— Два раза тебя записывают стражники, а на третий — добро пожаловать в объятия хромой старушки.

— Какой еще старушки? Что ты несешь?.. — все эти загадки уже порядком начинают раздражать Соню.

— Небо! И откуда ты взялась на мою голову,

такая непонятливая?! — Мальчишка смеется, как видно, усматривая в этом нечто забавное, и злость воительницы лишь веселит его еще пуще. — Казнят его понимаешь... Оттащат на главную площадь перед дворцом. Петлю на шею накинута, и все. Здравствуй, хромая старушка... — Он заливается хохотом, словно в этой перспективе пареньку чудится что-то невероятно потешное, после чего требовательным жестом протягивает грязную ладонь. Соня безропотно опускает на нее медную монету.

— Не слишком ли сурово такое наказание бедняге нищему? — пожимает она плечами.

Мето, прекратив смеяться, с сомнением взирает на воительницу, словно поражаясь, как та может не понимать столь простых вещей.

— Но он же получил два предупреждения! Месьор Ксавиан говорит, что это справедливо. Любой преступник должен быть предупрежден дважды, кроме убийцы.

А, вездесущий местный божок, князь Ксавиан!

— И что же, — не скрывая иронии, осведомляется Соня. — За любое преступление грозит казнь после двух предупреждений?

— Ну да, конечно, а как же иначе? Человеку дают время, чтобы он осознал свою ошибку. Чтобы попробовал жить по-другому. Он может еще раз оступиться просто по слабости, потому что человеческая природа грешная и немощная. Но если он и третий раз совершит то, что запрещено, значит, он делает это по злему умыслу. Тогда он заслуживает самого строгого наказания.

Эти слишком взрослые речи в устах необразованного городского мальчишки кажутся Соне столь поразительными, что она невольно сбивается с шага. Затем понимает, что паренек попросту повторяет чужие слова, где-то и от кого-то слышанные им однажды. Однако это проливает свет на многое из того, что видела она в Коршене. Тут и впрямь делают все, чтобы люди «одумались» и научились жить честно. Пока Соня не может сказать, по душе ей это или нет, ибо хотя она всем сердцем стремится к порядку, но сперва нужно еще уяснить для себя, что именно под «порядком» понимают в каждом конкретном месте. А для владыки Коршена она еще не ведает, что есть добро, а что есть зло. И потому не рискнет высказывать суждение ни о его целях, ни о методах.

Впрочем, спохватывается она, князь Ксавиан интересует ее меньше всего. Ее послали сюда лишь для того, чтобы найти подходы к таинственной *схоле* Шакала.

Как бы лучше подступиться с этим вопросом к Мето? Задумавшись, она оборачивается к мальчишке... и внезапно с изумлением обнаруживает, что того уже нет рядом. Без прощания оставил ее, испарился в воздухе, словно маленький дух, привидение коршенских улиц... Впрочем, что за нелепая мистика?! Соня готова посмеяться над собой. Вон мелькнула вихрастая голова в конце улочки... Мето уже готов скрыться от нее в лабиринте проулков. Сама не зная зачем, она бросается за ним.

— Эй, постой, Мето, погоди!

Но он то ли не слышит ее, то ли наоборот прекрасно слышит, и потому прибавляет ходу. Достигнув перекрестка, Соня озирается по сторонам в поисках сорванца, но на улицах полно народа, ничего не разглядеть...

Внезапно взгляд ее выцепивает из толпы знакомую фигурку в бурых лохмотьях, и она устремляется в ту сторону. Рядом с Мето какой-то мужчина, на удивление прилично одетый. Стоя в неглубокой нише у какого-то дома, в полусотне шагов от Сони, они негромко разговаривают, и при этом мальчишка не перестает настороженно озираться. Заметив Соню, — увы, с такой огненно-рыжей шевелюрой ей тяжело остаться незамеченной даже в самой густой толпе, — он бесцеремонно толкает локтем своего собеседника и, тыча в сторону воительницы пальцем, что-то с жаром принимается втолковывать ему. Соня еще успевает увидеть, как из рук мужчины в подставленную ладонь подростка перекачивается несколько монет... но затем толпа неожиданно делается на диво густой, и начинается целое столпотворение.

Вскоре Соня выясняет в чем дело. В нескольких шагах впереди тележка молочника врезалась прямо в зеленщика, который пятился со своей тачкой, стараясь подъехать поближе к лавке, торгующей овощами. Посыпались какие-то горшки, свертки и коробка, принялась истошно вопить торговка, которой ослик, похоже, отдал ногу, тут же появились вездесущие мальчишки, при-

нявшиеся собирать и рассовывать по карманам просыпавшееся добро, невзирая на тычки, которыми щедро награждали их торговцы... в общем, во всей этой сумятице, когда Соня сумела вырваться из толпы, то разумеется не увидела ни Мето, ни его таинственного собеседника...

Махнув рукой, девушка разворачивается и направляется в обратную сторону, пытаясь найти какое-то объяснение всему случившемуся и вспомнить дорогу, по которой они с Мето забрели в эту часть города. Поглощенная разговором, она не слишком обращала внимания на те улицы, по которым они проходили, помнит только, что они сворачивали множество раз... а теперь задумывается невольно, учитывая все то, чему ей удалось стать свидетелем. Уж не вел ее Мето намеренно к какому-нибудь месту? Соня с подозрением оглядывается по сторонам. Но зачем, к чему такие сложности? Кому, вообще, могла понадобиться она, неприметная наемница, ничего из себя не представляющая, чтобы устраивать ради нее целое представление? И что именно должен был объяснить и показать ей Мето, — ведь, похоже, именно за это таинственный некто заплатил ему деньги...

Ломая голову, Соня пытается припомнить их разговор, но не видит в нем ровным счетом ничего, что она не смогла бы узнать в Коршене и без помощи загадочного сорванца. Нет, никакого объяснения, как ни бейся, не находится. Спустившись обратно по улице, она вновь оглядывается по сторонам. Абсолютно ничего подозре-

тельного, не богаче, и не беднее других. Какие-то лавки, таверны... И постоялый двор.

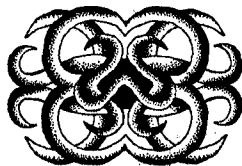
По спине у Сони пробегает холодок. И, не сводя взгляда с вывески заведения, она медленным шагом подходит ближе.

На вывеске значится: «Равноденствие».

Глава седьмая

Впрочем, за несколько секунд оценив происшедшее, Соня понимает, что ничего пугающего или удивительного не произошло. Напротив, если это связано со *схолой* Шакала, на что недвусмысленно намекает название заведения, куда привел ее Метод, то это даже вполне естественно. В это время года в Коршене наверняка появляется немало вооруженных людей, которые ищут того же самого, что и она. Отыскать их не так сложно, если задаться этой целью. Еще проще слегка подтолкнуть их в нужном направлении, помочь отыскать им необходимое место в городе, если они сами не справятся с этой задачей. Конечно, ошибка возможна, но весьма маловероятна, и, в последний раз бросив взгляд на многозначительную вывеску над входом в таверну, Соня уверенно толкает рукой тяжелую дубовую дверь.

...Хозяин «Равноденствия» мог бы оказаться родным братом Тверика, владельца «Золотой овцы». Тот же настороженный взгляд, повадки отставного вояки, та же неторопливая уверенность в движениях. Но там, где Тверик расслаблен и равнодушен, этот скорее суров, и взгляд его излучает явную недоброжелательность, когда он оборачивается к вошедшей. Соня, впрочем, делает вид, что ничего не замечает, улыбаясь ему самой приветливой из всех имеющихся в арсенале воительницы улыбок.

— Я приезжая в вашем чудесном городе, месьор, — обращается она к нему. — Хотела бы остановиться здесь на пару дней.

— Почему именно здесь, *медина*?

Из всех самых неправдоподобных ответов на подобную просьбу этот мог бы считаться наиболее удивительным. Соня округляет глаза.

— А почему бы и нет?.. Приятное заведение, насколько я могу судить, — она окидывает взглядом небольшую, но довольно уютную обеденную залу. Почти все столы оказываются занятыми, и, как она и ожидала, посетители сплошь мужчины, не торговцы, не крестьяне и не мастеровые. Тут и там виднеются мечи в потертых ножнах, луки и колчаны со стрелами... Соня вновь оборачивается к владельцу постоялого двора. — Опять же, название привлекло меня, месьор. Я слышала, что равноденствие в вашем городе — это совершенно особый день.

У хозяина взгляд оценивающий, точно у grobовщика.

— Особенный, *медина*, это верно. Хотя иные и жалеют, что встретили его в Коршене.

Терпением рыжеволосая воительница никогда не отличалась, да и мягкость не входит в число ее добродетелей. Она хмурит брови, уже готовая ввязаться в драку, если этот недоумок и впредь будет продолжать перечить ей в том же тоне.

— Месьор, вы содержите постоялый двор, или служите здесь цепным псом, призванным отпугивать постояльцев? Для псов у меня имеется плетка, но если вы все же добрый хозяин, то будьте столь любезны проводить меня за столик, а пока я ужинаю, приготовьте мне комнату.

— Свободного стола предложить вам не могу, *медина*. — Мужчина не реагирует на оскорбление и продолжает сверлить воительницу жестким взглядом темно-карих глаз. — А что до ужина и ночлега, сожалею, но я подаю только вино. В этом заведении нет кухни и нет комнат для ночлега. Сожалею, *медина*.

У Сони уже готов сорваться с языка резкий ответ, но она осекается. Если сейчас затеять ссору с хозяином, ей неминуемо придется уйти, однако сие заведение не могло получить столь странное название просто так, за этим что-то кроется... возможно лишь испытание на пути того, кто пытается отыскать дорогу в *схолу* Шакала. Если так, то стоит проявить изрядную долю терпения и подождать, чем все это закончится. Тем более, что последний человек, с кем достойно и прилично вступать в спор наемнице, это какой-то хозяин постоялого двора.

— Ну, хотя бы вина вы мне нальете? — с ледяной вежливостью осведомляется воительница. — Или и здесь есть какие-то затруднения? В таком случае я согласна и просто на кружку воды.

Хозяин отвечает ей по-военному сухим поклоном:

— Как будет угодно *медине*. Располагайтесь, где пожелаете. Я принесу вам вина.

По счастью, их негромкий разговор в дверях таверны не привлек излишнего внимания. Мужчины, а их здесь не менее двух десятков человек, продолжают пить в свое удовольствие, за несколькими столами идет оживленная игра в кости, за другими кто-то громко спорит и рассказывает походные байки... словом, все как в тысячах других заведений, облюбованных наемниками и искателями приключений...

Соня медленно движется по проходу между столами, взглядом пытаясь отыскать местечко поспокойнее, как вдруг кто-то трогает ее за локоть. Она оборачивается рывком, — только для того, чтобы упереться взглядом в сияющую добродушную физиономию здоровяка, напоминающего скорее разбуженного от спячки медведя. Широкая ухмылка на грубом, точно вырубленном топором из дерева лице кажется неуместной, но взгляд не таит злобы, и Соня решает что тут, судя по всему, прямой угрозы нет.

— Чего тебе? — бросает она, впрочем, не слишком любезно. У нее своя тактика общения с подобными типами, и обычно она срабатывает. Увы, но женщине, которая вынуждена большую

часть времени проводить в окружении мужчин, причем самых грубых и отвратительных представителей этой породы, приходится забыть о вежливости и хороших манерах...

На физиономии здоровяка отражается искреннее смущение.

— Прощу извинить, коли помешал, да вот приятель мой утверждает, что вы поможете наш спор разрешить. — Соня переводит взгляд на соседа медведя, и обнаруживает еще одно улыбающееся лицо, которое также не кажется ей слишком враждебным. Решив, что хрен редьки не слаще, и все собравшиеся здесь вояки друг друга стоят, она опускается на край лавки и окидывает обоих собутыльников взглядом.

— Буду рада помочь, если смогу. За это расскажете мне, какое вино лучше заказать в этой забегаловке, а то, судя по кислой физиономии хозяина, я не удивлюсь, если он в свой кувшины добавляет уксус.

Медведь хохочет над незамысловатой шуткой, и приятель его также с довольным видом улыбается. Он, впрочем, выглядит поприличнее своего товарища. Худошавое лицо с аккуратной черной бородкой, не лишенная изящества походная одежда, хотя изрядно потертая. Судя по черным бровям и носу с горбинкой, должно быть, аргосец или зингарец...

— Возьмите лакешское, — советует ей парень с повадками мессантийского гранда. — Кстати, позвольте представиться, мое имя Игла. А этот монстр из преисподней — Барсук. Он родом из

Бритунии. Впрочем, по его манерам, в этом не может быть сомнений. Большой деревенщины, клянусь Митрой, вы не сыщете по всей Хайбории.

— Забавные у вас имена, — Соня не может удержаться от комментария, хотя обычно подобное не принято в среде наемников. И все же редко кто представляется кличками.

Зингарец разводит руками.

— Как выяснилось, здесь так принято.

— Здесь? — Соня, вопросительно подняв бровь, обводит рукой таверну. На что Барсук, улыбаясь, трясет головой.

— Не-е, — басит он. — Не в таверне, конечно, а среди тех, кто хочет учиться в *схоле* Шакала.

Вот так, сразу в яблочко. Впрочем, остается еще опасность подставы, какого-то хитроумного обмана, но... а с какой стати, собственно? Соня и без того знает, что она не единственная прибывшая в Коршен с подобной целью. Чего удивляться, что эти двое здесь за тем же самым. И разумеется, где, как не в заведении под красноречивым названием «Равноденствие», им всем собраться за пару дней до этой торжественной даты?..

— Остальные... тоже? — она многозначительно обводит взглядом прочих пирующих.

— Ну, разумеется, — Игла пожимает плечами. — Хотя должен признать, что из дам вы — первая и единственная. Поговаривали, впрочем, еще об одной, но я ее своими глазами не видел. Возможно, конечно, что речь шла о вас...

— Едва ли. Я только вчера приехала. И давайте не будем друг дружке выкать, раз уж нам суждено стать сокашниками, — предлагает Соня, махнув рукой хозяину таверны, чтобы взял у них заказ. Тот, впрочем, подходит уже с полным кувшином и ставит его перед воительницей вместе с глиняной кружкой.

— Я взял на себя такую смелость, *медина*. Это одно из моих лучших вин.

— Благодарю, — Соня — сама любезность и не собирается спорить.

Медведь, в чьей огромной лапице огромный кувшин тонет, словно крохотный пузырек, разливает вино по кружкам.

— Ну, а тебя-то как звать, Рыжая?

— Рысь, — отвечает Соня, задумавшись, откуда ей пришло на ум это прозвище. В детстве ее так называл брат... Ладно, пусть будет Рысь.

— И давно вы в этом городишке, — спрашивает она, пригубив вино, которое, надо отдать должное хмурому тавернщику, оказывается весьма недурным.

— Я — три дня, — отвечает Игла. — А он — уже целую седмицу. Здоровяк, похоже, любит везде приезжать заранее.

— А что такого-то? — басит бритунец. — Пока дороги, пока то да се, кто может знать, что случится? А опоздаешь, так ведь полгода ждать до следующего равноденствия.

— Верно, — Соня кивает, потом спохватывается: — А про какой спор вы говорили? Или это была уловка, чтобы завлечь меня за свой стол?

Зингарец покаянно бьет себя в грудь кулаком.

— Конечно, уловка. Хотя спор имел место. Мы говорили о метательных ножах. Барсук утверждает, что лучшие из них — немедийские, с клеймом орла, мне же кажется, что зингарские лайи гораздо дальше в полете, да и центруются увереннее.

Соня погружается в задумчивость, ибо вопрос не из тех, на которые стоит отвечать с легкостью и без должной серьезности. Ее не удивляет, что спорщики обратились именно к ней, поскольку не могли не заметить двух метательных кинжалов у нее на поясе, — даже если непрофессиональный взгляд мог пропустить рукоять, торчащую за отворотом сапога, и не заметить лезвие в особых ножнах на левом предплечье. Впрочем, она сильно сомневается, что от наметанного взгляда Иглы подобное могло бы ускользнуть.

— И те, и другие неплохи. Хотя должна признать, что немедийские кинжалы стали гораздо хуже, с тех пор как умер старый мастер Латур. Он готовил учеников, да, видно, народец пошел жидкий, и рука у него не та.

Зингарец согласно трясет головой, но не спешит перебивать Соню, сразу почувств в ней истинного мастера своего дела и человека, к чьим словам всяко стоит прислушаться.

— Что же касается зингарских, не знаю. Мне не так часто приходилось иметь с ними дело, — продолжает воительница. — По мне, гарда у них

не слишком удобная, она скорее для мужской руки.

— А по-моему, наоборот, узкая слишком. — гудит бритунец, и Соня усмехается, представляя, как должен метать ножи Барсук: ему скорее подошел бы топор или добрая дубина.

— Я лично предпочитаю аквилонские клаймы, — уверенно похлопывает она себя по поясу. — Хотя и ненавижу все аквилонское. Но надо отдать им должное, с этим их оружейники справляются. С клаймами у меня ни разу не было промашки.

— А где заказываешь? — тут же оживляется зингарец. — В Тарантии, на улице Мечников?

— Конечно, нет. В Шамаре. Только там их еще делают как следует.

— Вот и славно. Буду знать, куда заглянуть, когда поеду домой.

— А поедешь-то скоро. Как пить дать, не возьмут тебя в ученики к Шакалу! — встречает хохочущий Барсук.

— Уж скорее тебя не возьмут, дубоголовый. Там, помимо грубой силы, еще и смекалка нужна, — парирует зингарец, и Соня понимает, что дружеский спор у них этот в привычке.

— Откуда вы, вообще, узнали про эту *схолу*? Мне лично случайно один парень рассказал на постоялом дворе в Немедии, — спешит объяснить она, чтобы заранее пресечь ненужные расспросы.

— Я тоже по случаю услышал, — отзывается Барсук, — уж не припомню от кого...

— Ну, а у меня история похитрее будет, — у Иглы загораются глаза, и сразу видно, что он заранее наслаждается тем, что сможет поведать новым друзьям занятную байку. — У нас, в Маграе, откуда я родом, повздорили два семейства, и доложу вам, из родовитых... кажется, сынок старого Маньеру совратил дочурку Хьярадо. Но так оно или нет, а пошло все, как полагается. Поединок за поединком, кровная месть до седьмого колена. В общем, года не прошло, как полгорода залили кровью. Хуже того, они, естественно, в свою свару начали втягивать и всех прочих горожан. Все именитые семейства, вплоть до княжьего. В общем, так и так, либо ты за нас, либо враг на всю жизнь, и тогда тоже кровь пустим... в общем, можете себе представить картину.

Соне не так часто приходилось бывать в Зингаре, но о тамошних нравах она наслышана достаточно. Если подобную ситуацию сразу не взять под контроль, она может закончиться тем, что в городе, вообще, в живых не останется никого. Кто друг друга не перережет, те разбегутся куда подальше.

— И чем дело кончилось? — хором спрашивают они с Барсуком.

— Да, князь наш не дурак оказался. Заявил, что, мол, что если не прекратите эти безобразия, не помиритесь и не сойдетесь на какой-то вире, то будет конец обоим вашим семействам. И что уже нанял он кого-то из шакалов, специально для этого.

— Из шакалов?

— Ну да, ты разве не знала? Те, кто эту *схолу* закончат, именно так себя и называют.

Забавно, Соне подобное прозвание едва ли кажется лестным. Но, впрочем, еще неведомо, как сама она будет к этому относиться через пару лун, если, даст Небо, ей доведется закончить эту загадочную *схолу*.

— Разумеется, воинственные наши красавцы сперва в смех ударились, мол, не родился еще такой шакал, чтобы гордых львов покусать, — продолжает рассказ зингарец. — Да только со следующего дня, как волю князя они отвергли, по одному начали помирать. День в одном семействе хоронят, день в другом. Потом три дня перерыв, и опять — в одном, в другом. Так три раза. После чего князь опять вызвал обоих глав рода и задал им тот же вопрос: идете ли на мировую, готовы ли прекратить вражду? Ну, те еще пуще распалились, мол, отыщем подлого убийцу, шкуру сдерем с живого... смешно даже и повторять... После чего все началось по новой. Одну ночь убивают в одном доме, на другую — в другом. Три дня перерыв, и по новой.

— Так что же они не береглись? — недоуменно басит бритунец. — Наняли бы стражу, или еще что...

— Ха, — Игла презрительным жестом отмахивает все подобные предположения. — Стражи они наняли столько, что хватило бы пол-Зингары отстоять от пиктов. Сами ночами не спали, дежурство устроили — и все равно... Как положенное утро, так крики, стоны... непременно свежий труп

находят. Весь город перерыли, сами с ног сбились, людей всех подняли, и что вы думаете...

— Что? — снова хором.

— А ничего, — зингарец доволен так, словно это он сам завалил добрых две дюжины своих сородичей.

— Неужели так всех и порешил?

— Нет, когда по десятку человек из каждого семейства убитыми нашли, старики все же смирились. Хуже того, побратались между собой и кровную клятву дали, что не будут знать покоя до того дня, пока не прикончат подлеца-убийцу. О том и князю сообщили.

— И что князь?

— Посмеялся, заставил обоих кровью распяться на пергаменте, что с того дня вражду прекращают и ни волосок больше не упадет ни с чьей головы. Разумеется, шакала в это число не включали, речь только о своих шла.

— А шакал?.. — не то чтобы Соню интересовала судьба таинственного убийцы, но все же мастерство такого рода вызывает невольное восхищение. Сама она едва ли взялась за такую работу, несмотря на то, что сноровки ей не занимать, и кровью она не брезгует.

— Убийства в тот же день прекратились, и князь заявил, что на шакала ему наплевать: если смогут отыскать и убить, их воля и их право, — поясняет Игла. — Его интересовал только мир и покой в городе. Для этого он шакала и нанял, тот знал, на что идет. Впрочем, надо ли говорить, что парня так и не нашли.

— А тебя, надо понимать, история эта так захватила, что ты решил пойти по его стопам?.. — не без иронии спрашивает Соня. Ей любопытно, что ответит зингарец: соврет или решится все же сказать правду.

Тот пожимает плечами.

— Ну, в общем, да. По слухам, князь этому шакалу заплатил столько, что хватило бы на покупку небольшого замка в горах. Я подумал, что справлюсь с этим ничуть не хуже. В конце концов, где, как не здесь, парню всему этому научили?!

— Нет, убийство — это не по мне, — задумчиво гудит Барсук. — Я слышал, в *схоле* не только убивать исподтишка учат. Я бы стал телохранителем, и довольно. А вот так, подло, под покровом ночи... если там только такое, то на что мне далась *схола* эта?! Но тот парень, что про здешние места мне рассказывал, он про другое говорил.

— Да, и что он рассказывал? — тут же оживляется Игла, и по его слегка преувеличенному любопытству, Соня понимает, что не ошиблась в своих догадках. Отнюдь не из простого тщеславия, жажды наживы и воинской науки, пересек полконтинента этот зингарец. Остается лишь гадать, к какому из двух враждующих семейств он принадлежал, но то, что именно его главы родов отрядили в *схолу*, на поиски таинственного убийцы теперь не вызывают у нее сомнения. Впрочем, у каждого своя тайна. Да и какое, собственно, ей дело до мотивов, приведших в Коршен ка-

ждого из тех, кто сидит сейчас в этой таверне и глушит вино?..

А Барсук тем временем размеренным басом ведет свой рассказ, поясняя, что парень, случайно встреченный им в свите какого-то бритунийского барона, был лучшим телохранителем из всех, какие только водятся на севере. А уж мечом владел так, что с ним, должно быть, одни только полубоги сравнятся. Что же до того, что именно он рассказывал...

— Говорил, в горах где-то *схола* их, а наставниками настоящие демоны и колдуны. И у всех вместо имен клички чудные.

— Потому и вы так назвались? — любопытствует Соня.

— Да не только мы, все остальные тоже. У кого хочешь спроси. Вот там Уголь, — показывает на кого-то бритунца. — А тот, в светлом плаще — Клинок. Остальных не помню, да и что сейчас думать об этом? Хватит еще времени познакомиться.

— Если нас, конечно примут, — рассудительно замечает Соня.

— А чего ж не принять, — обиженно гудит Барсук. — Кого им еще учить, если не нас...

Вино в кувшине между тем подходит к концу, вот и дно показалось... Зингарец вопросительным взглядом окидывает приятелей.

— Закажем еще?

— Да нет, допьем это, да и хватит, пожалуй. Не люблю пить на голодный желудок.

— За чем же дело стало? — Барсук, доволь-

ный, хлопает себя по ляжкам. — Пойдем, перекусим где-нибудь все вместе. А потом можно за город выбраться: ножи покидаем, заодно и сравним, чьи лучше. Я все равно считаю, что краше немедийских не сыскать, хоть полмира обойди!

— А что, здравая мысль, — оживляется зингарец и спешно допивает вино. — Ты как, Рысь?

— Я? — Соня не сразу понимает, что обращаются именно к ней, затем вспоминает о своей новой кличке. — Да, почему бы и нет. Знаете какое-нибудь местечко поблизости, где можно поест?

— А то как же, — хором отзываются те. Бритунец сжеживает к себе в кружку последние капли вина.

— Сейчас допью, да и двинемся помаленьку. Расплатившись с тавернщиком, лицо которого не проясняется даже при виде полновесных серебряных монет, все трое направляются к выходу.

— Я так понимаю, что до самого дня равноденствия сюда возвращаться не след, — отмечает в дверях зингарец. — Вино тут, может, неплохое, но уж больно кривая морда у хозяина. Пьешь, того и гляди поперхнешься...

— А что в равноденствие-то? — интересуется Соня, когда дверь за ними закрывается с протяжным скрипом. — Кто-то должен прийти сюда за нами?

— Вроде того, — Барсук жмет покатыми плечами. Здесь на улице он кажется еще здоровее, чем в помещении. Выше Сони на добрых полто-

ры головы, хотя она отнюдь не мнит себя малышкой...

— Да никто толком не знает. Все эти... — Игла пренебрежительно машет рукой в сторону таверны, имея в виду тех солдат удачи, что продолжают пьянствовать в зале, — знают не больше нашего. Точно так же явились сюда, по наводке случайных знакомых. А если кто и в курсе, то остальным не говорит. Так что внешне, по крайней мере, мы все в равном положении, в дыму и неведении...

На Сонин вкус, странностей в Коршене набирается уже больше, чем достаточно, и она собирается отпустить по этому поводу пару язвительных замечаний... но громкий резкий голос из-за спины мешает ей разразиться насмешливой тирадой.

— Стоять на месте. Руки опустить, и чтоб я видел.

Все трое оборачиваются и оказываются лицом к лицу с пятеркой вооруженных до зубов стражников. Один из них, в медном шлеме, украшенном пышным султаном из конского волоса, выступает вперед.

— Известно ли вам, что вы нарушили княжеский указ, чужеземцы, — произносит он напыщенным тоном, и черные усы его вскидываются, подобно двум маленьким пикам.

— Какой еще указ? — негодуяще рычит бритунец, и Игла поспешно кладет приятелю руку на плечо, чтобы не дать ему кинуться в драку.

— Прошу простить нас, месьюры, — спешит

он вмешаться. — Мы новички в вашем городе и не знаем законов. Если мы что-то нарушили, то только по неведению, а не по злему умыслу. Скажите, что мы сделали не так, и клянусь вам...

— Ты мне зубы не заговаривай, — бросает пренебрежительно стражник. — Один раз по неведению еще можно, но три — это слишком. Или вы не знаете, как наказывают в Коршене на третий раз?

У Сони все холодеет внутри, и сердце гулко ухает в желудок. Третий раз... Об этом ей говорил тот юркий маленький негодяй, что завел ее к таверне «Равноденствие». Но как такое возможно?..

— Месьоры, здесь несомненно какое-то недоразумение, — она примиряюще встает между странниками и своими новыми приятелями. — Что касается меня, то я лишь вчера вечером приехала в Коршен и еще не успела познакомиться с доблестными стражами порядка вашего города. Что же касается моих спутников, хоть мы знакомы не очень долго, но могу поручиться, что они...

— Женщина, — с выражением бесконечной усталости и презрения перебивает ее стражник. Пятеро его товарищей угрожающе надвигаются на наемников, не выпуская из рук обнаженные мечи. — Не твое ли имя Рыжая Соня?..

— Да это я, но как...

Стражник отмахивается и обращается теперь к двоим мужчинам.

— А вы, Мергольд из рода Фаринта и Гоццо Маньеру?

— Да, — отзываются те хором. И на лицах их полная и совершеннейшая растерянность.

— Так вот, взгляните и посмейте еще утверждать после этого, что вы не получали предупреждений!

По знаку старшего, один из стражников принимается рыться в кошеле на поясе и достает уже однажды виденную Соней медную табличку с закрепленными на ней пергаментными листами. Впрочем, табличка, разумеется, не та же самая, однако очень похожая, — такая, должно быть, есть у каждого стражника.

— Ну-ка, ну-ка... — старший водит заскорузлым пальцем по густо исписанному листу. Он тычет под нос Соне табличку, и та с изумлением видит там собственное имя и, приглядевшись, разбирает небрежно нацарапанную надпись: «Получила первое предупреждение о недопустимости ходить в городе по трое с оружием».

— А вот и второе, — торжествующе объявляет стражник, указывая пальцем ниже. И там... почему-то Соню это уже ничуть не удивляет, она читает второе предупреждение относительно того же самого проступка.

Нечего и говорить, что Игла с Барсуком, рядом обнаруживают и свои имена. Стражники тем временем уже взяли их в плотное кольцо. По взглядам своих спутников, Соня видит, что те отчаянно оценивают свои шансы. Сама она занята тем же самым. Вполне возможно, что,

учитывая силу гиганта-северянина, им удастся расшвырять пятерых стражей закона... возможно, но не наверняка. Зингарец остается величиной неизвестной, да впрочем, и бритунца Соня не видела в деле ни разу. Что касается ее лично, она, пожалуй, сумела бы ввязаться в бой, а затем, улучшив момент, спастись бегством. Но... нельзя забывать, что ей еще двое суток предстоит торчать в обманном городе-ловушке. Городишко крохотный, и здесь, судя по всему, не скроешься. За время сегодняшних блужданий ей не удалось даже обнаружить воровских кварталов, неперменной черты почти любого хайборийского города. В эти клоаки, как правило, не осмеливаются соваться стражники, и в них можно было бы отсидеться... но увы, в Коршене, ничего подобного нет. А стало быть, ее непременно отыщут, в особенности учитывая, что через два дня ей все равно придется явиться сюда, к треклятому трактиру «Равноденствие».

Так не лучше ли сейчас сдать миром, и попробовать оправдаться перед местными законниками? Если это какая-то ловушка, в чем Соня совершенно не сомневается, хотя и не может предположить кто, зачем и каким образом, подстроил нечто подобное, и не только ей, но и обоим ее спутникам, с которыми, не стоит забывать, она познакомилась всего лишь какой-то час назад, то отыскать злоумышленника будет проще, если рискнуть сунуть голову в пасть льву. Опасно? Разумеется. Но к опасностям Соне не привыкать. Ей до смерти хочется разгадать

эту загадку, понять, с какой целью ее так подставили. К тому же не оставляет мысль, что это может быть неким испытанием, связанным со схой Шакала, и тогда тем более придется повиноваться стражникам.

Так что, подавая своим спутникам пример, она медленным движением поднимает руки, ладонями наружу.

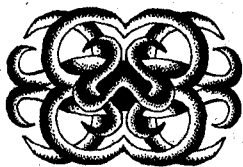
— Я в вашем распоряжении, господа. Будете сразу казнить, или в программе еще какие-то увеселения?

Игла, несмотря на всю серьезность положения, хмыкает у нее за спиной, но на усатого стражника остроумие пленницы, похоже, не производит ни малейшего впечатления.

— Попрошу вас следовать за мной, медуна, — торжественно объявляет он, и Соня говорит себе, что если еще раз услышит это ненавистное обращение, то вобьет его в глотку вместе с зубами тому, кто осмелится ее так назвать. — И вас тоже, месьеры.

Все трое покорно следуют по улице, окруженные коршенской стражей. У перекрестка, словно что-то толкнуло ее в спину, Соня оборачивается... и успевает заметить в дверях таверны «Равноденствие» невозмутимую физиономию хозяина. Тот ничего не выражающим взглядом провожает своих недавних гостей, а затем медленно закрывает дверь.

Глава восьмая

Вопреки ожиданиям, камера куда отправляют Соню, оказывается не глубоко в подземелье, как это заведено во все «приличных» городах, а напротив, на самой верхотуре, почти под крышей башни.

Впрочем, к тому времени воительницу мало что способно удивить.

Начиная с самой коршенской тюрьмы...

Надо признать, ничего подобного она не ожидала. Стражники долго вели их по извилистым городским улицам, резко, хотя и без грубости, пресекая все попытки пленников заговорить друг с дружкой или со своими пленителями. Идти пришлось настолько долго, что у Сони под конец пути заныли ноги, как вдруг внезапно... город кончился. Нет, они не вышли за крепостную стену, просто дома остались позади, словно отсеченные гигантским клинком, и перед ними ока-

зался поросший травой зеленый склон с аккуратно высаженными деревьями, фигурно подстриженным кустарником и любовно разбитыми цветочными клумбами. Вверх по склону убегали дорожки, сливались воедино, перетекали в усыпанную желтым песочком аллею, которая, поднимаясь еще выше, внезапно упиралась в стену.

И стена же это была... Высоченная, такая, что дабы взглянуть на нее, приходилось до боли в затылке запрокидывать голову. Стена из красно-бурого камня, с редкими окошками неожиданных бойниц, расположенных без всякого внешнего плана и смысла. Парк подступал почти к самой стене, хотя наметанный глаз Сони определил, что тут имелся ров, позднее засыпанный и засаженный зеленью. То есть некогда это была настоящая крепость внутри города. Но что же там, за этой стеной?

Ответ выяснился очень скоро. Через ворота с опускаемой решеткой они прошли внутрь, и у Сони невольно перехватило дыхание. Башни всюду, куда ни кинь взгляд. Гигантские, они торчали посреди гигантского двора, какие сами по себе, какие — соединенные паутиной переходов, галерей и приземистых строений. На первый взгляд, разобраться в этом лабиринте не представляло возможным. А проделав дорогу в один конец вместе со стражниками, Соня уверилась в мысли, что в одиночку она непременно заплутала бы здесь, без всякой надежды отыскать путь к выходу.

С зингарцем и бритунцем их вскоре разлучи-

ли. Воительница даже не успела попрощаться со своими недолгими приятелями.

Впрочем, были ли они ей приятелями в действительности? Лишь сейчас она неожиданно задалась вопросом, не являлось ли это все частью плана-ловушки... В конце концов, неспроста все три их имени оказались на пергаменте у стражника. Но откуда? Кто мог знать, что она будет в таверне пить именно с ними?

Но с другой стороны, кто, вообще, мог знать... Нет, все это слишком сложно. Соня недовольно морщится и трясет головой. Невозможно даже думать об этом. Полнейший бред и чепуха. Лучше подождать, пока вся эта история хотя бы немного не прояснится, а потом уже делать выводы.

К одной из башен ее подводит усатый стражник, и Соне не удерживается от вопроса:

— Сколько же здесь всего этих башен?

Тот снисходит до ответа, выпятив грудь, словно число башен в коршенской темнице является предметом его личной гордости:

— Двадцать одна, медуна. А прежде было двадцать семь.

— Что же стало с шестью? Снесли заключенные при побеге?

Странник с ухмылкой трясет головой, и бело-снежный султан из конского волоса хлещет из стороны в сторону, едва не задевая Соню по лицу.

— И не надейтесь, медуна. Отсюда сбежать невозможно.

Вместо ответа, Соня лишь пожимает плечами. Если бы ей давали по медной монете каждый раз, когда она слышала эти слова, она уже была бы самой богатой невестой в Хайбории... но всякий раз ей удавалось доказать противоположное.

Стражники сопровождают ее наверх, по винтовой лестнице, столь узкой, что локтями можно без труда коснуться обеих стен. У Сони невольно начинается кружиться голова. Темная узкая каменная труба давит на мозги, выдавливает воздух из легких, кажется, что конца-края не будет этому пути...

Но вот, наконец, они на площадке. Ключ скрежещет в двери, и Соню грубо толкают промеж лопаток, так, что она, зацепившись за порог, едва не влетает в камеру плашмя, успевая в последний момент ухватиться за стену, чтобы восстановить равновесие. Дверь тут же захлопывается за ней.

— С прибытием, подружка! — приветствует ее веселый девичий голос.

Оглянувшись, Соня обнаруживает, что в камере она не одна. У стены сидят две женщины, внешне совершенно не похожие друг на друга, но все-таки кажущиеся на диво одинаковыми, словно родные сестры.

Первой на вид лет семнадцать. У нее круглое личико, обрамленное копной светлых кудряшек, огромные наивные голубые глаза, в которых словно отражается летнее небо, губки бантиком и очаровательные ямочки на детских щечках.

Шлюха, мгновенно понимает Соня, и как выясняется, не ошибается.

Со второй обитательницей темницы чуть сложнее. Ей уже под тридцать, у нее длинные, ниже поясицы, густые черные волосы, забранные под пестрый платок, из-под которого свисают, мелодично позвякивая, крупные серебряные серьги. Глубоко посаженные черные глаза под густыми бровями смотрят не то чтобы недоброжелательно, но как-то настороженно, а губы сжаты, словно у человека, ведающего некую тайну, которую до времени он не желает раскрывать посторонним. Платье на ней пестрое и не слишком чистое, а на плечах яркая вязаная шаль. Когда же Соня замечает на поясе кожаный мешочек, расшитый знакомыми символами, то понимает, что перед ней гадалка.

Вот так компания!

— Ну что ж, принимайте гостью, — она доброжелательно улыбается, ибо не видит пока смысла настраивать против себя товарок по несчастью, и присаживается на корточки, не слишком близко, чтобы не нарушать их территорию, но и не слишком далеко, чтобы не показаться брезгливой гордячкой. Тюремные камеры имеют свой, веками выработанный этикет, с которым Соня, увы, знакома не понаслышке. И старается соблюдать его по мере возможности.

Гадалка остается безучастной, а шлюха, которая первой поприветствовала Соню, улыбается и подсаживается поближе.

— Меня зовут Тарза, — объявляет она жеман-

ным голоском, в котором слышатся капризные нотки, — а она — Гельнара. — И девица указывает на гадалку, которая чуть заметно кивает.

— Мое имя Соня, — представляется воительница, ибо нет никакого смысла таиться. — За что вы здесь?

— Сразу видно новенькую в Коршене, — подает голос гадалка. — Здесь не спрашивают за что, поскольку это не имеет никакого значения. Спрашивают, какое по счету предупреждение... Хотя и это тоже бессмысленно.

Соня поднимает брови. Если эта девица, подобно всем своим сестрам по ремеслу, намерена и дальше говорить загадками, то едва ли она будет приятной собеседницей. Тайн и всяческих недомолвок Соня не выносит с рождения. А уж здесь, в Коршене, ее и вовсе начинает от них воротить с души.

Впрочем Тарза тотчас поясняет сказанное, и Соня понимает, что никакой загадки в словах гадалки не было.

— Если уж в тюрьме оказалась, значит, предупреждение третье, — щебечет девушка совершенно беззаботным тоном, как будто угроза наказания ничуть ее не пугает. — А после третьего раза всегда одно... уж это-то ты хоть знаешь, я надеюсь?

— Да, после третьего раза, как мне сказали, в Коршене казнят, — неуверенно отвечает Соня, все еще не в силах поверить в реальность происходящего. — Но тут какое-то недоразумение: ни первого, ни второго предупреждения я не полу-

чала, да и о законе таком, по которому меня взяли, слыхом не слыхивала.

— Все так говорят, — пренебрежительно махнет рукой гадалка. — Впрочем, дело твое. Завтра можешь попробовать рассказать эту байку судьбе и посмотреть, что он тебе на это ответит.

— Так значит, все-таки будет суд? — Хоть и слабое, но утешение. Соня уже стала опасаться, как бы ее не потащили напрямик на плаху.

— А что, ваше ремесло, — она обводит взглядом товаров по несчастью, — в Коршене тоже под запретом? Поверить не могу. Впервые слышу о городе, куда не допускают ни магов... — она вспоминает беднягу Муира, которого сама же без жалости подставила стражникам, и на миг ощущает угрызения совести, — ни наемников, ни шлюх. Кто же тут, вообще, может жить?..

— Нет, почему, все можно, — с серьезным видом отвечает на это Тарза, — просто нужно иметь патент от гильдии. А они за это столько денег просят... Вот я и хотела подзаработать сперва, а потом с барышей с ними и рассчитаться. Кто же знал, что первыми клиентами они специально к таким, как я, подсылают переодетых стражников?!

— Ну и дура, — пренебрежительно бросает на это Гельнара. — Смотреть надо было! Неужто ты стражника от обычного торговца отличить не в состоянии? Раз так, ну и поделом тебе! Шлюхой тоже нужно быть с умом.

— А сама-то чем лучше?! — Тарза похоже ни-

чуть не обиделась. Этот спор они явно ведут между собою уже не первый час, и обе порядком устали от пререканий, но больше заняться все равно нечем... — Была бы сама умнее, так и не попала бы.

— Меня подставили, — гневно бросает гадалка. — Господину главе кожевенной гильдии не понравилось то, что я ему предсказала, вот он и подстроил мне эту подлость.

— Вот и расскажешь завтра судьбе, и посмотришь, что он тебе скажет в ответ на эту байку, — слово в слово, со злой улыбкой, повторяет недавние слова гадалки Тарза. Соня, не принимавшая участия в перебранке, мысленно аплодирует шлюхе. Молодец, девчонка, ей палец в рот не клади!

— Ну, неужели, и впрямь казнят? — произносит она наконец. Как ни крути, а по виду двух этих девиц никак не скажешь, что обе они страшатся неминуемой смерти. Может, им известен какой-то иной выход? Соня почти не сомневается в этом.

Но Тарза спешит погасить ее надежду.

— Казнят, казнят, даже не сомневайся. Если третье предупреждение, то непременно... — бодрым тоном заявляет она и, махнув рукой, подзывает Соню к окну. — Вот, взгляни сюда.

Окно, как и положено, зарешеченное, расположено невысоко, и заглянуть в него девушке не составляет труда. Странное дело, в него как будто вставлено некое подобие увеличивающего кристалла или чего-то в этом роде, поскольку

если взглянуть сбоку, то все кажется на удивление мутным, но если помотришь в самую середину, то внезапно перед тобой, как на ладони, оказывается центральная городская площадь... и взгляд упирается прямоком в виселицу, что красуется на помосте посередине.

До отвратительного сооружения никак не может быть так близко, но, кажется, словно рукой подать. Соня невольно отшатывается в испуге.

— Это что, нарочно... — выдавливает она с трудом, поражаясь жестокости устроителей этой злой шутки.

— Нет, нечаянно получилось, — с издевкой бросает Гельнара.

— И все же вы как будто и не боитесь? — замечает воительница, наконец придя в себя.

Гадалка лишь пожимает плечами с многозначительным видом, а губы шлюхи растягиваются в довольной улыбке, словно у ребенка, котором дали вожаденный леденец.

— Я боялась сперва, но она, — девица кивает на Гельнара, — нагадала, что все будет в порядке. Правда-правда, — торопится она, приняв выражение лица Сони за недоверие. — Она все как есть говорит! Хочешь она и тебе погадает?!

— Нет, ни к чему, — бросает Соня в ответ. Меньше всего ей бы хотелось услышать сейчас какое-то предсказание. Пусть даже она вообще не верит в эти вещи, но из уст такой женщины, как эта Гельнара, ей кажется, она и подавно не услышит ничего хорошего. Так что незачем и рисковать.

Но настырная Тарза, словно девчонка-малолетка, привыкшая, что все ее капризы исполняются, вцепившись гадалке в рукав, требовательно дергает ее за руку.

— Ну, Гельнара, пожалуйста, будь лапочкой, погадай ей, пока не стемнело. А то скоро ночь, спать придется... как же она заснет, если не узнает, что с ней дальше будет?!

— Может, как раз и не заснет, — ворчит гадалка, но рука ее уже тянется к мешочку на поясе. Она ослабляет кожаные завязки и запускает туда пальцы, невзирая на все протесты Сони. На ладони ее оказываются какие-то желтоватые костяшки, похожие на руны, которые используют для гадания в Нордхейме, но символы совсем другие, Соне незнакомые, и начертаны они, судя по всему, кровью.

Встряхнув костяшки в сложенных лодочкой ладонях, гадалка резко бросает их на пол. Несколько мгновений смотрит на образовавшийся рисунок, затем уверенно смешивает, переворачивает пустой стороной вверх и придвигает всю кучу Соне.

— Выбери три штуки.

— Не буду. — Соня уверенно качает головой. — Ни к чему мне это.

— Как хочешь, — отказ воительницы похож на гадальку нимало не трогает. Уверенным движением собрав руны в ладони, она с небольшой высоты разжимает пальцы, и костяшки с мертвенным стуком сыплются на каменные плиты и застывают пустышками вверх. Все, кроме трех. На

них гадалка смотрит чуть дольше, затем производит еще какие-то манипуляции, за которыми Соня уже не следит, потому что искоса смотрит в окно. Отсюда, по счастью, ничего не разглядеть, и лишь последние лучи солнца преломляются в кристалле, бросая многоцветные радужные отблески на грязные каменные стены.

Хрипловатый голос гадалки внезапно вырывает воительницу из раздумий.

— Кровь вижу! — клокочет она. — Кровь на тебе и кровь перед тобой. Через кровь переступишь, в крови замараешься, в крови останешься. Кровь принесешь, кровь отнимешь, кровью прославишься...

В уголке Тарза зачарованно охает и подносит к губам пухлые ручки. Судя по всему, ничего подобного не ожидала даже она.

— Тень — второй знак, — бормочет тем временем гадалка. — Тень у тебя за плечом. Тень с горящими глазами настигает тебя и обороняет тебя. Приход твой возвещает и следы бережет. Тень всегда с тобой. За тенью ты гонишься, и тень не поймаешь.

Соня с трудом удерживается, чтобы не велеть гадалке замолчать. Признаться, она не ожидала, что Гельнара окажется такой шарлатанкой. Одни пустые, ничего не значащие слова. Хорошо хоть денег не требует за свое так называемое гадание! За такое даже медяка было бы жаль отдать... Не скрывая насмешки, Соня смотрит на гадалку, в ожидании продолжения.

— А третий знак... зверь, — восклицает она

неожиданно, и Соня вмиг настораживается. Вот это уже интересно...

— Какой зверь?

— Не разберу, то ли рысь, то ли волчица, а может, шакал. — Глаза гадалки неожиданно закатываются, речь делается неразборчивой, а руки ходят ходуном. — Нет, не шакал. Шакал вам навстречу идет. Слепой шакал, слепой. Куда ударит, сам не знает, рысь заслонит, волчица укусит. Нет, нет!.. — На губах ее внезапно выступает пена, и она навзничь падает на пол. Тарза тут же кидается к ней, брызжет на лицо водой из кувшина, что стоит у двери.

Соня в растерянности. То ли звать стражу, то ли кидаться на помощь? Но, по счастью, Гельнара уже приходит в себя.

— Что я... что я говорила? — взгляд ее безумен и блуждает дико с Сони на Тарзу, словно в поисках подтверждения чему-то, о чем она не осмеливается говорить вслух. — Что со мной случилось?!

Метнув Тарзе предупреждающий взгляд, Соня как можно небрежнее поводит плечами.

— Да ничего. Ты мне гадала. Говорила мне про кровь, про тень, про каких-то зверей, которые меня то ли гонят, то ли кусают. Я, честно говоря, не поняла ничего, но скажу тебе по правде, подружка... ты уж на меня не обижайся, но если ты и всем остальным так гадаешь, то лучше тебе бросить это ремесло и подыскать что-нибудь подоходнее!

Шлюха, не удержавшись, хихикает, а гадалка

со злостью принимается ссыпать руны в мешочек на пояс.

— Запоздала ты со своими советами, подруга. Больше мне вряд ли кому придется будущее предсказывать.

— Ну, почему? Завтра у тебя будет суд, — веселым тоном возражает неунывающая Тарза. И Соня вновь поражается как может эта девица до такой степени не воспринимать всерьез угрозу казни. Или все-таки она твердо знает, что избежит наказания, но тогда почему она здесь... Опять какая-то подстава... Но не слишком ли все это сложно, и к тому же... кому и зачем нужно пускаться на такие ухищрения ради нее, безвестной наемницы, устраивать целые представления со множеством актеров? С какой целью... Нет, она решительно отказывается понимать.

— Так, говорите, завтра к судье? — спрашивает она сокамерниц.

— Ну да, прямо с утречка тебя и поведут, — обещает Тарза, не переставая хихикать. Может, просто слабоумная.

Соня пытается взбить тощий соломенный тюфячок, от души надеясь, что в нем не слишком много насекомых, и устраивается на ночь.

— Тогда уж не взыщите, подружки, но я отправляюсь спать. Хочу завтра выглядеть свежей и красивой.

— Едва ли это поможет, — как всегда оптимистично заявляет гадалка, но впрочем тоже отправляется в свой угол и вскоре, повернувшись лицом к стене, начинает мерно сопеть носом.

Шлюха, повозившись какое-то время, также следует ее примеру.

Гаснут последние солнечные лучи, и мрак стремительно обрушивается на крохотную темницу, которая сейчас и впрямь заслуживает этого имени. Тьму наполняют звуки: едва слышный шорох дыхания, какой-то скрежет, вой ветра в щелях, постукивание и позвякивание... все те шумы, коими полны древние творения рук человеческих. Соню бы ничуть не удивило, узнай она, что здесь водятся призраки.

И потому она не знает, кому принадлежит тот шепот, который доносится до ее слуха уже на самой тончайшей грани между явью и сном:

— Бойся спать здесь одна! Бойся чудовищ, что бродят здесь во тьме...

Это может быть шепот Гельнары, или Тарзы, или ни одной из них.

* * *

Ночь, вопреки ожиданиям, проходит спокойно. Соня пробуждается с первыми солнечными лучами, на диво отдохнувшая и посвежевшая, и даже мышцы не кажутся затекшими, несмотря на ночевку на полу. Она едва успевает сделать пару разогревающих упражнений, умыться и съесть принесенную лепешку, как в дверях возникают двое стражников.

Провожаемая напутственными возгласами Тарзы и многозначительной улыбкой гадалки, Соня покидает камеру.

И вновь треклятая винтовая лестница, спускаться по которой еще неприятнее, чем подниматься. Затем долгое путешествие по лабиринту тюрьмы с двадцатью одной башней, — у воительницы даже возникает впечатление, что стражники специально водят ее кругами, чтобы она не сумела запомнить дорогу, — пока наконец они не оказываются в здании, примыкающем к одной из башен, самой низкой, выложенной белыми и синими шестиугольными плитками.

Само здание также кажется парадно-нарядным. К дубовым дверям, украшенным медными гербами, ведут мраморные ступени, а пол также выложен белыми и синими плитами.

— Стало быть законы нарушаем, правилами пренебрегаем... — так запросто, почти запанибратски обращается к ней судья, маленький, лысый, как коленка, человек с крысиными глазками-бусинками и на диво густыми светлыми усами, еще более усиливающими сходство с грызуном.

Он сидит в кресле с высокой спинкой, почти теряясь в нем, как ребенок, забравшийся в отцовский кабинет. Комната выглядит пустынной и какой-то необитаемой: если не считать кресла судьи, табурета, на который усаживают Сою, и столика в углу, за которым восседает писец, здесь нет ровным счетом ничего: ни ковра на полу, ни занавесей на окне. Впрочем, это всё-таки суд, и как таковой заслуживает определённого уважения.

Сося почтительно склоняет голову.

— Месьор судья, я не знаю в чем меня обвиняют...

— Как это, в чем?! — человек кажется искренне возмущенным. — Писец, зачитайте.

Тот, порывшись в кипе листов пергамента, что высятся у него на столе, гнусавым голосом бормочет невнятно:

— Рыжая Сося, воительница, прибывшая второго дня в Коршен, обвиняется в том, что нарушила закон княжества, возбраняющий лицам, не состоящим в городской страже, либо в ином дозволенном законом отряде, расхаживать вооруженными по городу. В сопровождении двух других вооруженных персон именем...

— Ладно, имена можешь пропустить, — машет рукой судья. — К сути переходи. Сколько раз была предупреждена?

— Дважды получила предупреждение из уст городской стражи второго отряда первой десятки... — гнусавит дальше писец. — На третий же раз была взята под стражу и препровождена в городскую темницу, в ожидании справедливого наказания.

— Но это ложь! — взрывается Сося. — Никакая третья стража восьмого десятка...

— Первый десяток второго отряда, — невозмутимо поправляет судья.

— Неважно, — Сося уже вне себя от ярости. Она-то думала, что вся эта глупость должна была давным-давно разрешиться. — Я с этими двоими познакомилась всего за час до того, как нас задержали. И все это время мы пили в та-

верне, называется «Равноденствие», можете проверить, ваша честь. Мы никуда не выходили, никакая стража нас не задерживала, и никаких предупреждений мы не получали...

— Ну, как же не получали, если здесь оказались... — резонно возражает судья.

— Да, но это было первое предупреждение, первое, а не какое не третье!

— Здесь явно написано третье, — гнусавит непоколебимо из своего угла писец, и Соня едва удерживается, чтобы не наброситься на него с кулаками.

— Это неправда, ваша честь, — неимоверным усилием взяв себя в руки, она вновь обращается к судье. — Найдите свидетелей, они вам подтвердят. Я всего лишь два дня в Коршене, ни с кем здесь не знакома, и даже о законе таком не слышала!

— И правильно, — невозмутимо подтверждает судья, — ибо указ сей князь принял лишь вчера в полдень.

— Вот видите, — возмущение Сони не знает предела. — Как же можно наказывать человека за нарушение закона, о котом он понятия не имел?..

— Незнание закона не спасает преступника от справедливой кары, — торжественно возражает судья.

— И какую же кару, я должна по-вашему понести?

— Выбор невелик, — судья разводит руками, и в голосе его, как ни странно, слышится сочув-

ствие. — Вы, дитя мое, вправе выбрать виселицу... либо сегодня же покинуть город, с тем условием, чтобы никогда более сюда не возвращаться. И если вы решитесь вдруг вновь оказаться в Коршене, то первый же обнаруживший вас стражник будет иметь полное право, без суда и следствия, тут же предать вас в руки палачу...

Так вот оно что! Теперь все становится понятно. Кому-то требовалось любой ценой выдворить ее из города, не позволить дожидаться здесь дня равноденствия! И ради этой цели таинственный кто-то не остановился ни перед какими затратами. Кто и зачем — еще оставалось выяснить. Хотя у Сони внезапно появляются на этот счет вполне отчетливые предположения, но сейчас главное понять, что еще она может предпринять.

— Ваша честь, — с покорным видом обращается она к судье. — Даю вам слово, у меня и в мыслях не было нарушать законы вашего города и указы местного правителя. Нет ли какой-то возможности, приняв сие во внимание, смягчить мне наказание? Возможно, назначить штраф, или же...

Судья обречено разводит руками:

— Ну что вы, дитя мое?! Если бы это было первое предупреждение, или хотя бы второе... Но здесь речь идет о злостном нарушении. Я совершенно бессилен. Скажите еще спасибо, что вам, как чужестранке, удастся избежать казни и предпочесть изгнание из города. Будь вы уро-

женкой Коршена, вам бы не оставили даже такого выбора.

Кажется, это полная катастрофа. Все ее планы и замыслы летят в преисподнюю к Нергалу. Задание Волчицы остается неисполненным, и что хуже всего, — Соню терзает уязвленное самолюбие. Кто-то сумел обхитрить ее, обыграть, заманить в ловушку, заставить подчиниться своей недоброй воле. Над ней посмеялись. Да, должно быть, прямо сейчас, в этот момент, таинственный враг от души хохочет над тем, как провел доверчивую воительницу!..

Нет, этого Соня стерпеть не может. Обведя горящим взором комнату, в порыве внезапного вдохновения, она восклицает:

— А милосердие князя, могу ли я просить об этом?!

Рука писца замирает на весу. Судья в изумлении взирает на пленницу.

— Милосердие князя... вы уверены, дитя мое?

— А почему нет? Что я теряю?..

Круглые глаза-бусинки растерянно перебегают с Сони на писца и обратно, как будто в ком-то из них судья надеется обрести поддержку, или услышать совет. Разумеется, тщетно.

Белесые брови сосредоточенно хмурятся, и наконец человек в кресле произносит:

— Что ж, будь по-вашему. И должен сказать, дитя мое, вам несказанно повезло: именно сегодня его милость должен посетить нашу тюрьму, как он это делает каждую луну. Я доложу ему о вашей просьбе. Возможно, он согласиться при-

нять вас после полудня, когда закончит с делами.

Опомнившийся писец торопливо скребет пером по пергаменту. На зов судьи приходят стражники, и Соню вновь ждет долгий путь по коридорам и галереям, а затем подъем по ненавистой лестнице.

Камера пуста. Ни следа ни Тарзы, ни Гельнары. Словно их и не было здесь. Так что Соня сначала решает, что ее привели в какую-то другую камеру, но она тут же понимает, что это глупость. На последнем этаже башни всего одна дверь...

Словно по какому-то наитию она подходит к окну и устремляет взор сквозь увеличивающий кристалл.

Вновь городская площадь оказывается у нее прямо перед глазами, и пугающее украшение посреди площади. Только на сей раз виселица уже не пустует.

Со сдавленным полувскриком, полувсхлипом Соня отскакивает прочь, словно стремясь скрыться от отвратительного зрелища; словно если оно не будет перед глазами, то сделается менее реальным.

Но виселица все так же остается у нее перед внутренним взором. Даже когда воительница закрывает глаза... виселица и два тела, раскачивающиеся на веревках под слабыми порывами ветра.

Ветер, равнодушный и ко всему привычный, треплет светлые кудряшки и копну черных во-

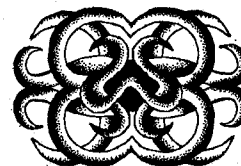
лос, доходящих второй из повешенных ниже пояса. Обе висят к Соне спиной, но ей не нужно видеть их лиц. Она благодарна Небу, что не видит этих лиц...

Опустив взор, она внезапно замечает какую-то маленькую вещицу среди соломы и, бездумно опустившись на корточки, шарит рукой. На ладони у нее оказывается желтоватый квадратик с таинственным значком, начертанным кровью. Одна из рун Гельнары... Соня не ведает, что означает сей символ, но ей и не нужно этого знать.

Перед ней знак смерти.

Глава девятая

В уну Гельнары воительница все так же бездумно сжимает в кулаке, с такой силой стискивая руку, что костяной квадратик больно врезается в ладонь, — даже когда несколько часов спустя стражники приходят за ней, дабы отвести пленницу к князю.

Из состояния, подобного сну или трансу, Соню вырывает вид знакомой фигуры, в которой она с изумлением узнает Муира. Тот дружески прощается с каким-то пышно разряженным вельможей. Затем, кланяясь, пятится и спешит прочь по двору, в каких-то двадцати шагах от Сони. Взгляд жреца скользит по воительнице, словно не узнавая ее. Опомившись, она пытается рвануться к нему, но грубые руки стражников, удерживающих пленницу за локти, тут же возвращают ее к действительности. Соня выворачивает шею, провожая Муира ненавидящим взглядом.

дом, но он вскоре исчезает из виду в какой-то галерее.

Впрочем, сейчас у нее нет времени думать над тем, что может означать эта неожиданная встреча. Ее уже подводят к очередной башне и бесцеремонно заталкивают внутрь, где Соня поступает в распоряжение двух других стражников, на которых совсем другие доспехи, нежели на тюремщиках. Должно быть, это свита коршенинского князя.

Дороги она не замечает, не видит ни коридоров, по которым ее ведут, ни людей, что окружают ее, и в себя приходит лишь перед высокими двустворчатыми дверями, которые стражники распахивают перед ней и, когда воительница, мешкает в проходе, бесцеремонно подталкивают ее вперед.

После слепящего полуденного солнца, полумрак в комнате кажется почти ночью, и Соня невольно застывает, сделав несколько шагов, пытаясь сориентироваться.

Негромкий голос раздается откуда-то сбоку, и она поворачивается на звук:

— Сюда, женщина. Господин будет говорить с тобой.

Но и сейчас вместо лица человека она видит какую-то черную тень, и лишь чуть погодя, когда глаза наконец привыкают к полумраку, понимает что перед ней чернокожий. Рослый кушит в темно-синем тюрбане стоит у кресла, повернутого спинкой к дверям. Человека, сидящего в нем, — если только там есть человек, — Со-

ня не видит и вопросительно косится на чернокожего. Тот делает приглашающий жест рукой:

— Сюда.

Осторожно обходя кресло на почтительном расстоянии, Соня наконец оказывается перед правителем Коршена. По крайней мере, надеется, что он перед ней... и понимает, что сюрпризы этого дня отнюдь не закончились.

Ибо человек в белых одеждах, неподвижный, словно изваяние, застывший в кресле, совершенно слеп, и глаза — его лишь пустые отвратительные белые бельма...

* * *

Лицо слепца пугает ее. Вообще, Соня, как всякий здоровый человек, внутренне не переносит любого уродства, особенно выставленного напоказ. Не поднимая глаз на князя, она бормочет какие-то положенные слова приветствия, тшкетно пытаясь собрать разбегающиеся мысли, ибо понимает теперь, что весь намеченный план разговора летит в тартарары... И внезапно слышит голос:

— Я буду вам признателен, меина, если при разговоре со мной вы будете смотреть мне в лицо. Нет ничего хуже собеседника, который прячет глаза.

Соня вскидывается невольно, оскорбленная. Резкий ответ уже готов сорваться с ее уст. Мол, тебе-то какое дело, смотрю я на тебя, или нет?! Но она, разумеется, осекается. Перед ней чело-

век, от которого зависит слишком многое, чтобы вот так, с первых же слов, настроить его против себя.

Неожиданно другое соображение приходит ей на ум, и от удивления она чуть не начинает заикаться.

— Но... прошу простить меня, месьор... как вы узнали, что я не смотрю на вас?

— Это не так уж сложно. Отсутствие зрения у слепых восполняется другими чувствами. У меня весьма неплохой слух, — замечает калека не без самодовольства. — И я вполне в состоянии определить по голосу, разговаривает человек, опустив голову, или вообще полуотвернувшись. Довольно полезное умение, вы не находите, медуна.

Соня не отвечает, а вместо этого смотрит на странную, поначалу незамеченную ею вещь. Здоровенный кушит, что держится за креслом слепца, стоит, положив одну руку тому на плечо, и едва заметно постукивает пальцами. Сперва Соню поражает подобная фамильярность со стороны раба, поводыря, или кем он там доводится слепому князю... Но тут же она начинает улавливать в этих постукиваниях некий скрытый ритм и понимает, что слуга в прямом смысле служит глазами своему господину.

С помощью какого-то условленного кода он, вероятно, передает слепому сведения обо всем, что того окружает. Любопытно, насколько полной может быть такая информация? Может ли она, к примеру, передать данные о внешности

человека, и так далее?... Хотя, с другой стороны, какое ей дело до того, способен ли этот слепец составить себе представление о внешности тех, кто его окружает...

— Но вы желали видеть меня, медуна. А я трачу ваше время на разговоры о собственных недостатках. Эта тема, увы, для меня очень живая, но едва ли она может быть столь же интересной для вас. Итак...

Пользуясь тем, что ей все равно велено смотреть прямо перед собой, Соня беззастенчиво разглядывает слепца. В полумраке лицо его виднеется не слишком отчетливо, но она понимает, что он не так уж молод. Скорее всего, ему лет за сорок. У него лицо человека, большую часть жизни проводящего взаперти. Бледная кожа, легкая одутловатость, залегшие под глазами тени... Светлые волосы зачесаны назад, и не скрывают начинающих от висков залысин, тонкие губы сжаты сурово и выдают характер твердый и не слишком прямодушный; скорее, она сказала бы, что такому человеку должно быть свойственно коварство и беззастенчивость в достижении своих целей. Хотя, возможно, она пристрастна к князю Ксавиану. Однако сложно судить о внешности мужчины, когда слепые бельма остаются самой разительной его чертой. От этих уродливых, почти святающихся в полутьме пятен, она никак не может отвести взора, и гадает, почему князь, подобно большинству других слепцов, не носит на глазах повязку, дабы пощадить чувства окружающих. Должно быть, Ксавиан не

тот человек, который вообще склонен щадить кого бы то ни было. Если учесть, с чем пришла к нему на поклон Соня, это предвещало ей самый дурной исход дела.

Во власти скверных предчувствий, она внутренне подбирается, как человек, готовый нырнуть в ледяную воду, и произносит, стараясь, чтобы голос ее звучал бодро:

— Месьор, должна сказать, вы правите странным городом. Я приехала сюда два дня назад, и каждый новый встреченный мною человек оказывался более удивительным, чем предыдущий. Сперва содержатели постоянных дворов, похожие скорее на отставных, а может даже и не отставных солдат, потом стражники, ни за что ни про что хватающие человека по ложному обвинению; судья, который толком не знает, кого и как ему судить...

— И, наконец, слепой хозяин всего этого бедлама, — ровным, почти дружеским тоном завершает за нее князь, и Соня с ужасом осознает, что говорила отнюдь не о том, о чем собиралась. Почему именно эти слова сорвались у нее с уст, с какой стати, вместо того, чтобы пожаловаться на несправедливый суд, она принялась рассказывать о своих коршенских впечатлениях? Такое чувство, словно ею двигала какая-то сторонняя сила...

Или может быть... она поднимает глаза на чернокожего, — и в упор встречает немигающий взгляд черных, как угли, глаз.

Колдун, магик!.. Невероятно, но другого объяснения нет.

Соня с силой стискивает кулак, в котором, как это ни странно, до сих пор зажата костяная руна гадалки, — с такой силой, что края ее впишутся в ладонь, причиняя боль. Но именно боль сейчас нужна Соне. Возможно, боль поможет ей прийти в себя, поможет сбросить наваждение и избавиться от враждебных чар. И точно, помогает. В голове проясняется, и даже в комнате вроде бы становится светлее.

— Прошу простить меня, месьор. Сама не знаю, что на меня нашло, ибо не мне, чужестранке в ваших краях, выносить свое суждение о вашем городе и о порядках, царящих в нем, — начинает она. Но слепец вновь перебивает пленницу:

— Ни к чему извиняться, медина. Я скорее был бы удивлен, если бы что-то в Коршене не показалось вам странным. Но такова цена.

— Цена?..

— Ну да, разумеется. Вот это к примеру, — он подносит холенную белую руку к незрячим глазам, — это цена власти. Так заведено в нашем роду. Тому из правителей, кому выпадала самая тяжкая доля, одновременно с возможностью укрепить свое положение в мире, приходилось чем-то пожертвовать. Основатель нашего рода был безногим калекой. Князь Мариций, спустя два века отстоявший Коршен от нашествия немедийцев, был лишен правой руки... — он едва заметно усмехается. — Впрочем, не стану утомлять вас перечислением всех моих предков, скажу лишь, что увечья их были столь же разнообраз-

разны, сколь велики деяния, совершенные ими. Лишь я один до сих пор не совершил ничего героического, однако надежда пока еще живет в моем сердце.

По тону слепца не понять, издевается он, или говорит серьезно.

Соня делает последнюю попытку вернуть разговор в намеченное русло. Все же она явилась сюда совсем не для того, чтобы дискутировать с этим незрячим безумцем о его предках и о судьбе вверенного ему княжества.

— Месьор, я...

— Да вы, медина, — вскидывается он почти обрадовано. — Хорошо, что вы напомнили. Итак, мы говорили о цене. Так какую цену готовы заплатить вы?..

Так вот оно что? Торговля!.. Неожиданно. Но впрочем, почему бы и нет. Теперь Соня чувствует себя на знакомой территории.

— Цену за что? За свое освобождение?

Но слепец неожиданно трясет головой. Пальцы чернокожего у него на плече начинают выбивать какой-то судорожный ритм.

— Нет. Я говорю о цене власти, медина. Какую цену вы готовы заплатить за нее?

— Вы предлагаете мне власть, месьор?! — Час от часу не легче. Она только было понадеялась, что разговор перейдет в нормальное русло, но судя по всему, человек, сидящий перед ней, не только слеп, но и попросту безумен. Теперь уже Соня понимает, почему такое странное выражение было на лице у судьи, когда она попросила

аудиенции у князя. Хитрый крысеныш, должно быть, знал, чем все это закончится, и в душе измывался над ней.

Соню охватывает злость. В этот миг вся ее ненависть к Коршену находит единое приложение и сосредотачивается на человеке, что сидит сейчас перед ней.

Но проклятый слепец точно читает ее мысли. На губах появляется змеистая усмешка:

— Власть, медина? Разумеется, я не предлагаю вам ничего подобного. По крайней мере, в том смысле, в каком вы, кажется, изволили понять мои слова. Мы ведем отвлеченную беседу, философский спор. Надеюсь, вы простите несчастного калеку за то, что я втянул вас в эту беседу. Но это одна из немногих радостей, оставшихся мне в жизни. Уж не взыщите...

Но Соня не верит его покаянному тону, как не верит ничему, исходящему из Коршена вообще, и от этого человека в частности. Он вновь пытается обмануть ее, заманить в какую-то ловушку.

— Вот и прекрасно, месьор, — небрежным тоном говорит она, желая положить конец этому разговору. — Потому что я не желаю никакой власти, почитая ее простой обузой. И потому никакую цену платить не согласна.

— Вот как... — брови слепца вскидываются, и лоб идет глубокими морщинами. — Не хотите власти, медина? Но власть над собой, над обстоятельствами, наконец... Что вы скажете об этом?

— Эта власть и без того мне принадлежит. Я беру ее без цены, по праву сильного, — с гордостью отвечает Соня и знает, что это действительно так. Однако на лице слепца неуверенность.

— Но судьба заставит вас все равно заплатить. Она возьмет свое. К примеру, вы одиноки, медина. Разве это не цена?

— Одинока? — Соня вновь мучительно чувствует, что разговор сворачивает не туда, но у нее не хватает больше сил сбросить наваждение, не помогает даже руна в кулаке. — У меня есть друзья, месьор, и я не одинока.

— Если так, зачем же вы явились в Коршен?

Это уже переходит уже все пределы. Соня заставляет поднять себя глаза на чернокожего, надеясь хоть в его лице увидеть какую-то подсказку о том, как вести себя дальше. Но темное лицо совершенно непроницаемо, точно вырезано из эбенового дерева. Глаза полуприкрыты тяжелыми веками, и взгляда их Соне поймать никак не удастся. Она вздыхает.

— Месьор, — терпеливо, точно маленькому ребенку или безумцу, начинает объяснять она. — Отнюдь не поиски дружбы привели меня в Коршен, ибо, боюсь что дружба, как и все, что может предложить ваше княжество, будет весьма сомнительного качества. Я приехала сюда по своим делам, о которых не вижу сейчас никакого смысла распространяться. И была задержана вашей стражей по совершенно смехотворному подложному обвинению. Мне грозит смерть, ли-

бо изгнание из города. Ни то, ни другое мною совершенно не заслужено. И я прошу вас пересмотреть этот приговор. — Ух, наконец-то, она это сказала! Соня чувствует себя такой усталой, словно только что втащила в гору целый воз камней; даже ноги едва заметно дрожат, а в голове легкость и какое-то покалывание, точно от недостатка воздуха.

— Итак, вам не нужна власть, вы не нуждаетесь в друзьях, — раздумчивым тоном произносит неожиданно князь, и белесые бельма пялятся в лицо воительницы, так, что почти заставляют ее поверить в то, что слепота это не более чем обман, ибо она кожей чувствует на себе его обжигающий взгляд. Тон, однако, остается спокойным, почти скучающим. — Ну, а любовь... Что вы скажете о любви, медина?

Ей с трудом удастся сдержаться, чтобы не расхохотаться ему в лицо.

— Вы предлагаете мне любовь, месьор? — чеканит она, не зная даже какое слово выделить, чтобы сильнее подчеркнуть свою иронию. Какое ни возьми, все кажется одинаково нелепым. Слепца, впрочем, это ничуть не смущает. Он пожимает плечами, на одном из которых по-прежнему лежит черная рука, подвижная, словно черный паук.

— Кто я такой, чтобы предлагать вам что бы то ни было, медина? Мы просто говорим о вещах, которые могут быть драгоценны для человека... и о той цене, которую он согласен платить за них. — Князь едва заметно усмехается. —

Что же до меня, то признаюсь, я никогда не испытывал влечения к рыжеволосым женщинам. На мой вкус, у них слишком много темперамента и мало здравого смысла.

Вот и ответ на ее незаданный вопрос о внешности и о возможностях языка знаков. Соня даже не обижается на скрытое оскорбление.

— Вот и славно, что вы ничего мне не предлагаете, месьор. Потому что в любви я нуждаюсь еще меньше, чем во всем остальном.

— Вот это, по крайней мере, искренне, медина. Так что же вам нужно от меня?

С еще большим терпением, нежели прежде, Соня повторяет:

— Я уже имела честь объяснить вам это. Мне нужна моя свобода.

— Свобода, — слепец словно пробует это слово на вкус. — Что же вы не сказали об этом сразу? Это как раз самое простое. Да и цена невелика. Вы ее держите у себя в кулаке.

Слишком изумленная, чтобы о чем-то спрашивать или говорить, Соня, словно под давлением, раскрывает ладонь. На ней желтеет в полутьме маленький квадратик, изготовленный из кости неведомого животного, с начертанным кровью таинственным знаком.

— Вы об этом, месьор?

— Разумеется, — как о чем-то самом обыденном на свете говорит слепой князь. Проклятье, он видит не только как обычный человек, но, похоже, еще и сквозь любые преграды!.. Даже этот его чернокожий не мог знать о рунах у Соне

в кулаке! Она не разжимала пальцы с того самого мига, как вышла из башни. Так откуда же...

А слепец тем временем уверенно протягивает раскрытую ладонь. И Соня, мгновение поколебавшись, кладет на нее костяную плашку. Какой-то миг тот трет руны меж пальцев, затем молча передает чернокожему. Темные пальцы на плече тотчас принимаются отбивать новый ритм.

— Ну вот, я так и думал, — легким, небрежным тоном, словно они на княжеском балу беседуют о погоде или обсуждают достоинства розового ларшанского вина, заявляет князь. — Как я и говорил, цена невысока. Это загадка.

— Что?! — от отчаянья Соня начинает думать, что у нее вот-вот лопнет голова. Мало ей загадок в этом треклятом Коршене. Так добавилась еще одна!

— Вам не по душе мой город, медина, — ласковым обманчивым тоном осведомляется князь. Соня не в силах сдержать ироничной ухмылки:

— Нет, почему же, когда я окончательно сойду с ума, то не сумею подобрать лучшего места, чтобы поселиться там до конца дней моих.

— Я рад, что вы так считаете, — все тем же изысканно-светским тоном отзывается правитель, словно услышал невесту какой лестный комплимент. — Но давайте вернемся к тому, с чего мы начали. Мы говорили о цене вашей свободы.

— Да, и вы изволили заметить, что это некая загадка, — устало подтверждает Соня.

— Не некая. Вот эта загадка. — Руна золотистым светом поблескивает на бледной ладони

слепца, словно светится изнутри сама по себе. А князь тоном мудреца, объясняющего непонятливому ученику некую заковыристую науку, терпеливо поясняет: — Все, что случилось с вами за последние дни, медина, суть части одной головоломки. Вы выйдете из темницы на волю, едва лишь сможете сложить их воедино.

Глаза Сони округляются, она не в силах поверить тому, что слышит.

— Что вы имеете в виду?

— Вы все слышали, медина. А я все сказал. Это тоже часть загадки, если угодно. Подумайте о ней на досуге.

— Но дайте мне хоть какую-то подсказку. Какие части головоломки, где мне искать ответ?! — Соня почти готова умолять своего палача, ибо чувствует неотвратимость приговора, который грозит обрушиться на нее. Холодок пробегает по спине. — Я не понимаю, — произносит она в растерянности. И это чувство столь редкое для воительницы, что она не устает ему поражаться.

Слепец, пожимая плечами, медленно поднимается с кресла. Чернокожий бережно, словно заботливая мать, поддерживает его за локоть и ведет к двери. Уже у выхода, оба, словно по безмолвному взаимному согласию, останавливаются и оборачиваются к Соне. Два лица в полумраке, белое и черное....

— Вспомните шлюху и гадалку, медина. Вспомните судьбу, что постигла их обеих. Это будет и вашей судьбой, если вы встанете на их путь.

Дверь захлопывается бесшумно, и Соня так и

не успевает понять, кто из двоих произнес эти слова.

В голове у нее буря и ураган. Шлюха... Гадалка... Откуда знает о них князь, откуда он догадался, что в кулаке у нее руна Гельнары? Откуда он мог вообще... Столько вопросов и ни одного ответа. Стражники уводят ее, несопротивляющуюся, прочь из комнаты. Она, словно сомнамбула, идет за ними следом, не замечая пути, и приходит в себя только в башне, под самой крышей; медленно, шагом обреченного подходит к окну-кристаллу, смотрит сквозь него на городскую площадь...

Но там пусто. Виселица нависает над городом черной птицей, в ожидании новых жертв.

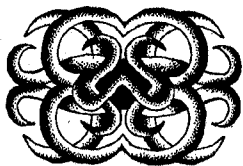
Соня опускается на пол, и озноб пробирает ее. Виной тому отнюдь не промозглый холод, струящийся от камней... Ее неудержимо клонит в сон, но внезапно вспоминается шепот, слышанный прошлой ночью

«Бойся чудовищ, что бродят здесь во тьме...»

Она засыпает. И пробуждается, когда последние лучи солнца сквозь призму проникают в ее темницу и, причудливо преломляясь, отбрасывают на стены многоцветные отблески. Среди радужного многообразия цветов преобладает багровый. Так что первое, что видит Соня, открыв глаза, это каменные стены, залитые кровью.

Глава десятая

Впрочем, ждать приходится недолго. Кристалл в окне взрывается фонтаном рубиновых осколков. Соня пьется невольно — и с ужасом упирается взором в огромные жирные щупальца, что врываются в камеру сквозь отверстие в стене. Как только эта тварь могла забраться на такую высоту по внешней кладке?!

Раздумывать, однако, времени нет. Сочащиеся бурой слизью губчатые отростки молотят воздух... сперва как будто бы беспорядочно — но неумолимо приближаясь к пленнице, которая жмет к противоположной стене. Каждое щупальце длиной в два человеческих роста и толщиной с руку взрослого мужчины!.. Каково же должно быть само тело?! Впрочем, очень скоро Соня получает ответ на этот вопрос. С влажным хлопанием на каменный пол плюхается округ-

лая туша — сравнительно небольшая, можно обхватить руками... вот только делать это у воительницы, естественно, нет ни малейшего желания.

Ей бы сейчас добрый меч! Но увы, все оружие у нее отобрали стражники, прежде чем бросить в темницу. Незамеченным остался лишь узкий метательный кинжал, припрятанный в потайных ножнах на предплечье, — но против этой твари он поможет не лучше швейной иголки! И все же Соня, с упорством обреченного, сжимает бесполезный нож в кулаке. Затем, когда одно из щупалец подбирается чересчур близко, наносит резкий режущий удар.

Ее окатывает зловонной слизью из перерубленного отростка. Но что толку? Полдюжины таких же тотчас устремляются к воительнице. Ей удается спастись лишь ценой отчаянного кульбита. Больно ударившись плечом о стену, она приземляется рядом с дверью. Закричать? Позвать на помощь? Но снаружи тишина. И каким-то шестым чувством Соня знает, что помощь не придет. Она предоставлена самой себе.

По счастью, тварь, похоже, совершенно слепа. Щупальца молотят воздух там, где девушка была пару мгновений назад, но так и не могут обнаружить жертву. Соня бросается к двери. Замок! Это ее последняя надежда...

Конечно, кинжал — самая скверная отмычка из всех возможных, но страх придает ей неожиданную сноровку. Дверь распаивается как раз в тот самый миг, когда липкое щупальце пыта-

ется обвить пленницу за шею, отыскав наконец свою жертву... Рубанув ножом мерзкую гадину, Соня поспешно вылетает за порог. Отростки, извиваясь, тянутся следом, и она, с силой налегая на дверь, пытается защемить их в проходе. Может, хоть так удастся ненадолго задержать монстра!..

Не помня себя от ярости, воительница бросается вниз по винтовой лестнице. Кажется, ступеням не будет конца... К тому же, здесь такая темнота, что второпях недолго и шею свернуть... но инстинкт вовремя предупреждает ее о новой опасности. Инстинкт — и тонкий слух. Не зря же говорят, что женщины слышат куда лучше мужчин... По крайней мере, она первой уловила приближение стражника снизу, прежде чем тот успел заподозрить неладное... и встретила беднягу в прыжке, резким ударом ноги под челюсть. Благо, крутая лестница благоприятствует подобным экзерсисам...

Тот падает, сдавленно охнув, не успев даже схватиться за меч. Пролетает несколько ступеней вниз — и затихает, ударившись о стену. В два прыжка Соня преодолевает разделяющее их расстояние, склоняется над поверженным стражником. Жив — хотя и без сознания. Она спешно избавляет его от меча. Затем, приободрившись, уже помедленнее продолжает спускаться по лестнице.

Что теперь? Воительница имеет лишь самое смутное представление об опасностях, которые могут поджидать ее внизу, во дворе, но у нее по-

немногу начинает складываться вполне определенный план.

Однако все летит в тартарары, стоит лишь Соне выскочить из башни. Она едва успевает подивиться про себя отсутствию охраны у дверей, — как обнаруживает двоих стражников, которые отчаянно рубятся с многолапой тварью, похожей на ту, что напала на Соню в камере. Можно было бы воспользоваться этим и проскочить мимо... Но в этот миг один из охранников с истошным воплем валится наземь, когда заостренное на конце щупальце с отвратительным хрустом пробивает ему грудную клетку. Кровь толчками выплескивается изо рта и из ужасающей раны... Его товарищ на миг застывает в нерешительности, — и другой отросток захлестывает его за шею, неумолимо подтягивая к чавкающей пасти твари.

Не раздумывая, Соня бросается на выручку. По счастью, коршенские вояки отменно следят за своим оружием: меч, похищенный у стражника в башне, оказывается наточен, словно бритва, и с легкостью перерубает слизистое щупальце. Охранник, потеряв равновесие, падает набок. А Соня, мгновенно сориентировавшись, бросается к голове монстра, прямо сквозь гущу липких конечностей. Только бы успеть! У нее будет единственный шанс...

Она и сама не смогла бы объяснить, как распознала единственное уязвимое место гадины. Инстинкт сильнее разума направляет ее. Короткий замах — и она по самую рукоять всаживает

клинок в слизистый сгусток, туда, где внутри пульсирует какое-то темное пятно, едва видимое в окружающем полумраке.

Тварь издыхает почти мгновенно. Судорожно дергаются, скребут по земле щупальца... и монстр затихает. Соня утирает пот со лба. Сзади, с руганью и криканием, поднимается с земли уцелевший стражник. Не теряя ни мгновения и не давая парню шанса прийти в себя, воительница, развернувшись, бросается к нему. Захват. И кинжал к горлу...

— Я очень хочу понять, что тут у вас творится!

Тот очумело мотает головой и хрипит:

— Н-не знаю... я не...

Ясно. Она на другое и не рассчитывала. Впрочем, все равно, для ее плана Соне нужен кто-то рангом повыше простого стражника.

— Кто главный в крепости? Комендант? Веди меня к нему!

Только бы добраться... А там уж она заставит коменданта выложить ей все и об этой странной тюрьме, и о тварях, что берутся невесть откуда, и о порядках в этом проклятом Коршене... и, возможно, также о *схоле* Шакала. А если и тот ничего не знает — пусть ведет ее к самому князю! Соня заранее предвкушает, какое лицо будет у Ксавиана, когда тот узрит ее уже не в роли жалкой просительницы, а вот такой, с оружием в руках!.. То есть, ничего он не *узрит*, конечно же, но — какая, к Нергалу разница! Она живо объяснит ему, что к чему.

Ведь побег из темницы отнюдь не был самоцелью. Сегодня равноденствие — последний шанс успеть попасть в *схолу* Шакала. А Ксавиан, хозяин города, просто обязан знать, что у них тут творится.

Обязан *знать*... О, боги, ну конечно же!

Озарение приходит столь неожиданно, что Соня застывает на полушаге, заставляя остановиться и своего заложника. Лишь теперь все выстраивается в стройную цепочку — и она поражается собственной слепоте. Как можно было не догадаться сразу?!

Но если она права, и тут и впрямь настоящий заговор, в котором участвует весь этот город, если Шакал является подлинным властителем княжества, то — когда же по-настоящему начался обман? Или это следует называть... испытанием? Она вспоминает, как заподозрила, что при их разговоре с Ксавианом не обошлось без колдовства, думает о некоторых других странностях, которым не придавала должного значения в суматохе этих безумных дней... И, пораженная внезапной догадкой, медленно оборачивается к башне, откуда вырвалась только что, к тому месту, где выдержала отчаянный бой со странной тварью... которая сейчас тает в воздухе, растворяясь прямо на глазах у воительницы.

Соня опускает кинжал, отталкивает от себя стражника. Тот отскакивает, но почему-то отнюдь не спешит напасть на сбежавшую пленницу. Он просто стоит и смотрит на нее. Молча смотрит...

— Я сразу подумала, что этой твари нипочем было не взобраться на башню, — задумчиво произносит Соня, словно бы про себя. — И судья был какой-то... неправильный. И эти девицы в камере. И... — она морщит лоб, что-то припоминая, в поисках точки отсчета, пока наконец память не восстанавливает всю цепочку событий, и она понимает, с какого именно момента безумие началось по-настоящему. — Да, и вино в той таверне... Очень странно, чтобы такое хорошее вино подавали простым наемникам, да еще так за дешево! Ты не находишь? — Эти слова она адресует уже напрямик безмолвному стражу. И поднимает на него глаза. Взгляды их встречаются, скрещиваются...

И Соне кажется, будто она начинает стремительное падение в бесконечную черную бездну...

* * *

На поверхность она поднимается постепенно. К свету. И звукам голосов.

— Сколько еще осталось?

— Пятеро, мой господин.

— Что ж, подождем еще немного. У них есть время до рассвета, чтобы завершить испытание.

Соня не торопится показать, что пришла в себя. Первый голос — *господина* — она узнала сразу. Со вторым приходится поломать голову, но затем опознает и его тоже. Хозяин таверны «Равноденствие». Тот самый, у которого было такое славное вино... Что за дурман он туда подме-

шивает, интересно узнать! Разара, должно быть, отдала бы левую руку, чтобы завладеть этим секретом!

— Что скажешь об этой... Рыси, Майрах?

Да, этим именем она назвалась тогда двум своим сотрапезникам... Интересно, прошли ли они испытание Шакала?

— Хороша, мой господин. Вы знаете, как я не расположен обычно к тому, чтобы брать в *схолу* женщин, но... Бывают и исключения. Она превосходный воин. Отважна, инициативна. Развитое чувство взаимовыручки. Не рискует понапрасну. Ориентируется в самой сложной ситуации. И — под конец даже сумела стряхнуть с себя все иллюзии, наведенные Нгойбой. Это мало кому удастся.

Соне требуется все ее самообладание, чтобы не выдать себя. Приятно слышать о себе такое!.. Хотя отсутствием уверенности в себе воительница никогда не страдала, однако ее самолюбию льстит, когда окружающие подтверждают ее высокое мнение о своей персоне. Однако ее тут же ждет неприятный удар...

— Вот как? — цедит «господин» с явным сомнением. — Боюсь, я не разделяю твоих восторгов, Майрах. Я не заметил в ней тех качеств, которые мы особо ценим в своих учениках. Все те символы и знаки, которыми был усеян ее путь... Она не то что не разгадала их смысл, но даже не стала задумываться над этим! Махать мечом — это да, но остальное... — в голосе его звучит явное пренебрежение.

Теперь Соне еще труднее сдерживаться. Проклятый слепец! Да какое право он имеет...

— И в какой отряд она войдет, господин?

— Пожалуй, отправишь ее к Когтю. Там ей самое место.

— Не слишком ли опасно?

— Судя по твоим же собственным словам, это будет для нее самым подходящим.

— То есть, за ней вы более не станете следить?

— Я уже узнал все, что хотел. Она мне не интересна.

Терпение Сони на исходе. Презрев всякую осторожность и даже любопытство, она уже готова открыть глаза — и высказать этим двум высокомерным мерзавцам все, что она о них думает... Но собеседник князя Ксавиана успевает ее опередить:

— Вы можете больше не притворяться спящей, медина. Испытание закончено. Добро пожаловать в схолу Шакала...

Конец первой книги

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИК ТАИНЫ

Алан Уоллес

Часть 1 Воровка.....	7
Часть 2 Воительница.....	95

МЕСТЬ ВОЛЧИЦЫ

Норман Хьюз

Глава 1	161
Глава 2	197
Глава 3	230
Глава 4	250
Глава 5	281
Глава 6	298
Глава 7	318
Глава 8	338
Глава 9	359
Глава 10	374

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

*Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой
книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой
информации. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

Литературно-художественное издание

Рыжая Соня и месть Волчицы

Уоллес Алан
Лик тайны

Хьюз Норман
Месье Волчицы

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ». 368560, Республика Дагестан,
Каякентский район, с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU, E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЫЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНЫ

12

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ПИФОНА

13

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КЛАДОВЫЕ
ТЬМЫ

14

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВРАТА
НЕМЕДИИ

15

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ТЕНЬ
ЕДИНОРОГА

16

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕСТЬ
ВОЛЧИЦЫ

17

ISBN 5-17-014672-8

9 785170 146727

